

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

47 2019
ЧАСТЬ V

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (285) / 2019

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Зиновий Михайлович Каневский* (1932–1996), российский полярный исследователь, географ, писатель.

Зиновий Михайлович родился в Москве. Еще не родившегося ребенка (если родится мальчик) мама хотела назвать Виктором. Но при родах, так и не увидев сына, она умерла. «Ей было двадцать восемь лет, звали ее Зиной. Так вместо Виктора я стал Зиновием» (З. М. Каневский «Жить для возвращения»). Отец, Михаил Исаевич Каневский, помогал сыну материально до исполнения восемнадцати лет, а роль настоящих родителей взяли на себя сестра его матери и ее муж.

Каневский окончил географический факультет Московского государственного университета. Он всегда знал, что будет полярником. Арктика манила его своей тайной. В 1959 году в ходе зимовки на Новой Земле на полярной станции «Русская Гавань» он попал в ураган. В результате обморожения лишился обеих рук ниже локтей и пальцев на ногах. Казалось, что те двадцать часов, что он полз по морскому льду на Новой Земле, в лютый мороз на встречу ураганному ветру, вместили крушение всей жизни,

крушение всех надежд. Однако Зиновий Михайлович сумел справиться с жизнью, с бытом, смог преодолеть свою беду. За свою жизнь он написал 14 книг и 10 очерков. Помимо этого, ездил в командировки в Арктику, преподавал в институте, работал в Географическом обществе. Над книгой «Жить для возвращения» Зиновий Каневский работал в последние годы жизни, и в ней со всей полнотой отразилась личность автора — яркая, одаренная, уникальная. Личность, в которой гармонично соединились талант и скромность, доброта и мужество, обаяние и деликатность. Это книга его воспоминаний о жизни, о времени, в котором он жил, о людях, с которыми встречался, о трагедии, произошедшей с ним в Арктике, и о том, как ему, инвалиду без обеих рук, удалось найти свой новый путь в жизни.

Зиновий Михайлович был лауреатом Всесоюзного конкурса на лучшее произведение научно-популярной литературы, членом Союза писателей СССР, многолетним сотрудником редакции журнала «Знание — сила».

*Екатерина Осянина,
ответственный редактор*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Магомедкасумова А. А.

Особенности участия прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения по делам о защите трудовых прав 329

Мельникова О. В.

Конституционно-правовой статус человека и гражданина в Российской Федерации и его обеспечение 331

Мирзоиматова Е. Е.

Меры предупреждения преступлений, связанных с проституцией 334

Мурзакимова Г. К.

Проблемы управления многоквартирными домами в настоящее время 336

Наговицына А. И.

Уголовно-правовая характеристика нарушений правил дорожного движения 338

Насаева В. О.

Понятие, значение и последствия транспортных преступлений 341

Никанорова М. И.

Процесс формирования правовых механизмов банкротства в законодательстве отдельных германских стран 343

Николаев И. А.

Правовое обеспечение информационной безопасности РФ 344

Онучин Л. А., Гетьман В. Д., Аксютенков В. О., Алиев З. А.

Правовые основы физической культуры и спорта в современной России 346

Пермякова Е. П.

Проблемные вопросы принуждения как обстоятельства, исключаящего преступность деяния 349

Перфилова А. А.

Нормотворчество органов внутренних дел 351

Пипченко М. И.

Соотношение финансово-правовой и административной ответственности 353

Платонова Т. В.

Доктринальное толкование категорий «ошибка» и «заблуждение» 354

Попов С. А.

Некоторые вопросы квалификации простого убийства 356

Попова Ю. В.

Организация деятельности криптоказино: проблемы привлечения к уголовной ответственности (статья 171.2 Уголовного кодекса РФ) 358

Попова Е. А.

Правовое регулирование внешнего и внутреннего государственного долга Российской Федерации 359

Пшеничная К. С.

Некоторые вопросы правового регулирования валютных правоотношений 362

Рахимова У. Х.

Понятие, значение и особенности производства по делам о примирении 364

Репкина А. Ю.

Преодоление конкуренции общей и специальной уголовно-правовых норм 366

Ровенская Д. А.

Принципы организации и функционирования адвокатуры как института гражданского общества 370

Ровенская Д. А.

Адвокатура как правозащитный институт в Российском государстве: направления оптимизации 372

Рузметов С. А., Солодовникова А. Ю.

Недвижимое имущество как объект обложения налогом на имущество организаций 373

Рытиков Е. А. Европейский суд по правам человека и Россия: вопросы взаимодействия 376	Соколовский С. П., Беляев С. Н. Сравнительный анализ развития систем мобильной связи и прогноз развития технических средств защиты информации от утечки по каналам сотовой связи 387
Рытиков Т. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства377	Суворова Е. В. Методика оценки налоговых рисков 390
Сангаджиев Т. Н. Злоупотребление правом на товарный знак ...380	Тактаева Е. Н. Проблемы практики реализации полномочий адвоката в уголовном процессе..... 393
Слатюхин Н. В. Обобщенный типовой механизм реализации муниципальной политики в сфере организации транспортного обслуживания населения современного крупного российского города .. 382	Титосян Е. А. Особенности мусульманского уголовного судопроизводства 396
Слюсарь А. А. Понятие и общая характеристика ответственности перевозчика при перевозке грузов автомобильным транспортом 385	Тихоненков Л. А. Регулирование защиты прав туриста 398

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Особенности участия прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения по делам о защите трудовых прав

Магомедкасумова Анжелика Аскералиевна, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В настоящей статье автором проанализированы актуальные вопросы участия прокурора в гражданском судопроизводстве при даче заключения по делам о защите трудовых прав. Рассмотрены вопросы понятия заключения прокурора по трудовым спорам и его формы. Выявлены условия реализации надзорных функций прокурора при участии в процессе для дачи заключения по гражданскому делу.

Ключевые слова: заключение прокурора, моральный вред, прокурор, гражданское дело, форма заключения прокурора.

Прокурор вступает в гражданский процесс для дачи заключения по делам определенных категорий на основании ч.3 ст. 45 ГПК РФ [1], в соответствии с которой прокурор дает заключение по делам о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью. Кроме указанных выше категорий, случаях, предусмотренных ГПК РФ и другими федеральными законами, прокурор вступает в процессы иных категорий.

Между тем, анализ положений действующего гражданского-процессуального законодательства показал, что нормативное определение заключения прокурора в нем отсутствует. Также не имеет нормативного закрепления форма, структура заключения прокурора. Акт надзорного органа предусматривает лишь форму заключения для упрощенного (письменного) производства: п.6 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 10 июля 2017 г. № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» прокурорам предписано обеспечивать во всех судебных инстанциях обязательное участие прокурора и дачу им мотивированного заключения в делах обязательных категорий, а при рассмотрении дела по правилам упрощенного (письменного) производства предоставлять в суд утвержденное руководителем органа прокуратуры либо его заместителем заключение в письменной форме [2].

В научной литературе высказываются различные точки зрения относительно определения «заключение прокурора». Высказано мнение, что заключение прокурора — это мотивированное мнение о том, как должно быть разрешено дело с учетом обстоятельств, установленных исследованными в судебном заседании доказательствами, и в соответствии с действующим материальным законодательством [3].

По мнению И. И. Головки заключение прокурора в трудовом споре — это мнение участвующего в гражданском судопроизводстве государственного органа о разрешении заявленных требований, о применении норм материального и процессуального права с целью защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод или законных интересов работника на основании установленных при рассмотрении дела обстоятельств [4].

А. Х. Гольмстен придерживается мнения, что под заключением прокурора понимается устное изложение его взгляда о том, как следует разрешить данное дело, ввиду обстоятельств, представленных сторонами, и на основании точного смысла законов. При этом прокурору надлежит не ограничиваться только юридической стороной дела, а обсуждать также его фактическую сторону [5].

По вопросу о форме заключения прокурора справедливой можно назвать позицию Мамедова М. Н., считающего, что участвующему в процессе прокурору необходимо предоставить возможность выбора по своему усмотрению формы заключения. Такой выбор должен быть обусловлен особенностями конкретного дела, его сложностью. Качественное заключение по сложным делам сложно дать в устной форме, без надлежащей подготовки. Устную позицию прокурора по таким делам затруднительно фиксировать и в протоколе судебного заседания. Форма заключения прокурора также обусловлена профессиональными и иными индивидуальными навыками конкретного прокурорского работника [6].

Федеральным законом от 29 июля 2018 г. N 265-ФЗ [7] в статью 228 Гражданского процессуального кодекса РФ внесены изменения, в соответствии с которыми с 1 сентября 2019 года в ходе каждого судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций (включая предварительное судебное заседание), а также при совершении вне судебного заседания отдельного процессуального дей-

ствия ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи (аудиопротоколирование) и составляется протокол в письменной форме.

Таким образом, фиксация заключения прокурора, указанного в устной форме, обеспечивается в том числе аудиопротоколированием, что также может быть использовано судом при подготовке и вынесении решения по делу.

К составным частям структуры заключения прокурора по гражданскому делу предлагается относить описательную (данные о суде, в котором рассматривается дело, о сторонах, сущности исковых требований), описательно-мотивировочную (изложение фактических обстоятельств дела, нормативное обоснование позиции прокурора), резолютивную части (вывод о том, имеются ли основания для удовлетворения исковых требований, а также в каком размере они должны быть удовлетворены).

Также следует отметить, что заключение прокурора в соответствии с положениями ст. 55 ГПК РФ [1] не входит в перечень доказательств по гражданскому делу, между тем при вынесении решения оно также подлежит оценке судом.

Рассмотрение дел о восстановлении на работе — не единственная категория дел, затрагивающая трудовые права граждан. Так, если работнику был причинен вред жизни или здоровью, работодатель обязан возмещать вред, причиненный работникам в связи с исполнением ими трудовых обязанностей, а также компенсировать моральный вред в порядке и на условиях, которые установлены ТК РФ, федеральными законами и иными правовыми актами (ст. 22 ТК РФ [8]). Работодатель обязан компенсировать моральный вред, причиненный его работнику в случае профзаболевания или в связи с несчастным случаем на производстве (ст. 184, 237 ТК РФ [8], ст. 8 Федерального закона РФ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [9]).

Вступление прокурора в процесс для дачи заключения по делам о восстановлении нарушенных трудовых прав служит дополнительной защитой верховенства закона, неотчуждаемых прав личности. Прокурором также осуще-

ствляется правоохранительная функция, т. к. прокурор обеспечивает защиту наиболее уязвимых прав и категорий граждан.

Кроме того, участие прокурора в процессе для дачи заключения по делу дает возможность также реализовывать надзорные функции прокурора, реагировать на нарушения закона, которые в силу заявленных исковых требований хотя и не являются предметом рассмотрения в конкретном гражданском деле, однако являются предпосылками для нарушения трудовых прав граждан в будущем.

Реализацией надзорных функций прокурора служит заявление ходатайств о вынесении частного определения. В соответствии с положениями ст. 226 ГПК РФ [1] суд вправе при выявлении случаев нарушения законности вынести частное определение и направить его в соответствующие организации или соответствующим должностным лицам, которые обязаны в течение месяца сообщить о принятых ими мерах. На заявление прокурорами ходатайств о вынесении частного определения в адрес работодателя, допустившего нарушения закона, ориентирует также п. 8 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 10 июля 2017 г. № 475 [2].

В делах о компенсации морального вреда в связи с причинением вреда здоровью несчастным случаем на производстве или профзаболеванием зачастую работодателем нарушаются требования трудового законодательства в части обеспечения безопасных условий труда, что может свидетельствовать о необходимости заявления прокурором ходатайства о вынесении частного определения.

Таким образом, заключение прокурора по трудовым спорам — это позиция прокурора о разрешении в рамках гражданского судопроизводства требований искового заявления, основанная на нормах материального и процессуального права, с целью защиты и восстановления нарушенных прав, свобод, законных интересов граждан, вытекающих их трудовых отношений между работником и работодателем, на основании установленных при рассмотрении дела фактических обстоятельств. Также полагаем, что прокурор при наличии соответствующих оснований должен чаще использовать полномочия по заявлению ходатайства о вынесении частного определения.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 17.10.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. ст. 4532; 06.04.2009, № 14, ст. 1578.
2. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 10 июля 2017 г. № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71659058/> (дата обращения: 15.11.2019).
3. Аликов В. Р. Развитие законодательства об участии прокурора в гражданском процессе России XVIII—XX веков: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2001. С. 15.
4. Защита прокурором трудовых прав граждан в гражданском судопроизводстве: учебное пособие / И. И. Головки; С.-Петербург. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. — Санкт-Петербург: СПБЮИ, 2014. С.27.
5. Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб., 1907. С.235.

6. Магомедов М. Н. Заключение прокурора в гражданском судопроизводстве: теоретические вопросы // Молодой ученый. — 2017. — № 35. — С. 59–62. — URL <https://moluch.ru/archive/169/45515/> (дата обращения: 15.11.2019).
7. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.07.2018 N 265-ФЗ.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // «Российская газета», N 256, 31.12.2001.
9. Федеральный закон от 24.07.1998 N 125-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // «Российская газета», N 153–154, 12.08.1998.

Конституционно-правовой статус человека и гражданина в Российской Федерации и его обеспечение

Мельникова Оксана Валерьевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

В преамбуле к Конституции Российской Федерации — «утверждая права и свободы, человека, гражданский мир и согласие» указаны основные цели, ради которых был принят Основной закон.

Конституционно-правовой статус человека и гражданина является одной из основ конституционного строя. Он определяет систему взаимоотношений личности и государства, их взаимные права и обязанности. Социальная значимость Конституции Российской Федерации определяется, прежде всего, тем, что она является основным нормативно-правовым средством обеспечения свободы личности, а также основным средством упорядочения отношений человека с обществом и государством. Целью настоящей статьи является рассмотрение конституционно-правового статуса человека и гражданина в Российской Федерации и его обеспечение.

Ключевые слова: законный интерес, конституционно-правовой статус человека, государство, обязанность, свобода, Российская Федерация.

Конституционно-правовой статус человека и гражданина можно определить как юридически закрепленное положение индивида в государственно-организованном обществе. Это комплексная категория, которая отражает отношения между гражданином, обществом и государством.

В наибольшей мере указанный статус определяется системой установленных конституцией страны, гарантированных и обеспеченных государством принципов, прав, свобод, обязанностей, гарантий, в соответствии с которыми индивид как субъект права определяет свое поведение в государстве и обществе. В систему элементов, определяющих конституционно-правовой статус личности, также включаются нормы, регулирующие принадлежность к государству, выраженную в категориях «гражданство» или «подданство».

Гражданство (подданство) как юридически оформленная принадлежность лица к определенному государству является важнейшим элементом правового статуса лица, главным условием распространения на него всей совокупности прав, свобод и обязанностей, признаваемых за гражданином. Принадлежность к государству гарантирует защиту личности как на территории своей страны, так и за ее пределами. Гражданство (подданство) выступает необходимым условием полной правоспособности лица.

Структурно конституционно-правовой статус человека состоит из шести основных элементов:

1. Конституционные права человека — это формально определенные и юридически обеспеченные государством возможности для индивида пользоваться социальными благами, вид и мера возможного поведения человека как личности, официально установленная в государственно-организованном обществе и корреспондирующая обязанностями государства.

Рассмотрим признаки прав:

- 1) права выступают мерой возможного поведения. Мера означает определенный объем, в пределах которого человек волен действовать по своему усмотрению, что отличает право от произвола и вседозволенности. Возможное поведение означает наличие у субъекта свободного выбора совершить действие или воздержаться от него;
- 2) содержание и объем прав устанавливаются нормами права и определяются наступлением юридического факта;
- 3) возможность осуществления прав обеспечена обязанностями государства;
- 4) права предоставляются человеку для удовлетворения его потребностей и интересов;
- 5) наличие прав состоит не только в возможности, но и в реальном юридическом или фактическом поведении человека;

- б) реализация прав возможна только в правоотношениях;
- 7) права обеспечены государством в форме конституционных и иных юридических гарантий.

2. Помимо прав человек обладает свободами, которые признаются государством в Основном законе. Предоставляя свободы, государство не столько наделяет человека определенным правом, сколько предоставляет ему возможность самостоятельно определить свое поведение в общественной жизни, сделать свободный выбор. Еще одно ключевое отличие предоставления свобод от наделения правами состоит в том, что поведение граждан в случае предоставления свободы не регламентируется, государство не устанавливает процедур для пользования ими, свобода выбора обеспечивается невмешательством государства. Свобода — это возможность избежать... воздействия со стороны государства. Свобода характеризуется независимостью от государства. Свобода от... цензуры, например».

Свобода носит безусловный характер. Более того, государство еще и предоставляет гарантии на возможность воспользоваться этой свободой.

3. Конституционные обязанности человека — это установленные и гарантированные государством требования к поведению человека, виды и меры должного поведения, официально предписанные в государственно-организованном обществе и осуществляемые в интересах государства.

Перечислим признаки обязанностей:

- 1) обязанности выступают мерой должного поведения. Мера означает определенный объем, в пределах которого человек должен действовать. Должное поведение означает, что у субъекта отсутствует свободный выбор между исполнением и неисполнением определенного действия, ему необходимо поступать именно так, как это установлено государством;
- 2) содержание и объем обязанностей устанавливаются нормами права и определяются наступлением юридического факта;
- 3) обязанности устанавливаются в интересах управомоченной стороны: государства, общества или отдельной личности;
- 4) обязанности — это не столько должностное, сколько реальное фактическое и юридическое поведение субъекта;
- 5) обязанности возникают только в правоотношении;
- 6) обязанности обеспечены государством, неисполнение обязанностей влечет меры государственного принуждения. Конституция РФ предусматривает большое число обязанностей по сравнению с правами и свободами.

В частности, в Конституции закреплены основные обязанности: в ст. 15 — обязанность соблюдать Конституцию РФ и другие законы; ст. 38 — обязанность заботиться о детях и о нетрудоспособных родителях; ст. 43 — обязанность получить основное общее образование и т. д.

4. Еще одним важным и редко упоминаемым элементом, определяющим конституционно-правовой статус человека, являются законные интересы. Законный интерес — абстрактный термин, который конкретно не определен законодателем, поскольку в правовых нормах нельзя заранее предусмотреть все возможные жизненные ситуации и притязания индивида. Под законным интересом понимаются социально значимые, юридически допустимые и индивидуально оправданные притязания человека на материальные и духовные блага, не охватываемые содержанием прав и свобод. Следует отличать конституционные права и законные интересы, несмотря на то, что они имеют много общего.

Перечислим общие черты конституционных прав и законных интересов.

Обе категории:

- 1) выступают в качестве самостоятельных элементов конституционно-правового статуса личности;
- 2) обусловлены материальными и духовными условиями жизни общества;
- 3) обеспечивают формирование и развитие социальных связей, обуславливают определенное сочетание личных и общественных интересов;
- 4) осуществляют регулирование общественных отношений, выступая средствами правового воздействия;
- 5) представляют собой юридические дозволения со стороны государства;
- 6) обеспечивают удовлетворение собственных интересов личности, выступая юридическими средствами (инструментами) реализации этих интересов и способами их правового опосредования;
- 7) имеют диспозитивный характер осуществления — субъект реализует их по своей воле;
- 8) осуществляются в такой форме реализации права как использование;
- 9) являются объектами правовой охраны и защиты, гарантируются государством;
- 10) выступают специфическим критерием законности и допустимости деяния.

Но есть и существенные различия между этими двумя правовыми категориями, которые состоят в следующем:

- 1) конституционные права и законные интересы не совпадают по своей сущности, они являются правовыми дозволениями различного рода. Конституционное право представляет собой дозволение, либо обеспеченное конкретной юридической обязанностью самого государства, либо гарантированное возможностью государственного принуждения. Законный интерес — это правовое дозволение, которое не нуждается в юридически необходимом поведении других лиц как средстве своего обеспечения.
- 2) субъективное право и законный интерес не совпадают по содержанию. Субъективное право состоит из четырех элементов (правовых возможностей), а законный интерес — только из двух (право на фак-

тические и юридические действия). Право требования отсутствует, поскольку отсутствует конкретное обязанное лицо. Нет и права притязания. Законный интерес — это простая незапрещенность стремиться получить определенное благо, допускаемая государством, а не твердо гарантированная возможность. Поэтому «правомочие притязания» выражается чаще всего в просьбе.

- 3) субъективное право и законный интерес различаются по структуре механизма реализации. Субъективное право не может существовать без корреспондирующей ему обязанности. Это обеспечивает устранение препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов, которые отражены в субъективных правах. Законному интересу не соответствует четкая юридическая обязанность контрагента. При реализации законных интересов юридические обязанности не участвуют в нейтрализации имеющихся помех. В этой связи законный интерес часто называют «усеченным правом». Этому усеченному праву корреспондируется лишь предельно общая юридическая обязанность — признавать, уважать и не нарушать это правовое дозволение.
- 4) субъективное право — это возможность, позволяющая субъекту пользоваться благом в границах, строго установленных законом. Законный интерес — это тоже «возможность», позволяющая субъекту пользоваться благом, но уже не имеющая четких границ дозволенного поведения (вида и меры) и конкретной возможности требования определенных действий от других лиц. Следовательно, законный интерес отличается от субъективного права своими сущностью, содержанием и структурой.
5. Конституционные гарантии — это правовые средства, обеспечивающие возможность реализации индивидом принадлежащих ему прав и свобод.

6. Юридическая ответственность. Она состоит в исполнении лицом, совершившим правонарушение, обязанности претерпевать определенные меры государственного принуждения, выраженные в лишениях различного рода.

Признаки юридической ответственности:

- 1) является разновидностью юридической обязанности;
- 2) возникает за правонарушение;
- 3) предусмотрена санкцией юридической нормы;
- 4) выражается в применении мер государственного принуждения или возможности их применения;
- 5) характеризуется наступлением негативных последствий в форме определенных лишений личного, имущественного или организационного характера.
- 6) привлечение к юридической ответственности осуществляется государством в лице компетентных органов власти;
- 7) привлечение к юридической ответственности осуществляется только в строго установленном порядке и форме в ходе правоприменительной деятельности.

Принято различать три основных вида правового статуса личности: общий, групповой (специальный) и индивидуальный. Общий конституционный правовой статус — это статус лица как гражданина государства, закрепленный в Конституции.

Общий конституционный правовой статус имеет следующие отличительные особенности:

- 1) опосредует наиболее значимые отношения между личностью и государством, без которых нормальное существование как отдельного человека, так и государства в целом невозможно;
- 2) получает правовое закрепление в Основном законе государства, тем самым обладает высшей юридической силой и имеет повышенную государственно-правовую охрану;
- 3) носит всеобщий характер, обладание таким статусом не связано с наличием у лица какого-либо иного статуса;
- 4) является юридической базой для всех иных прав, свобод и обязанностей, закрепленных в текущем законодательстве, ибо содержит исходные положения в той или иной сфере регулирования общественных отношений;
- 5) является одинаковым для всех граждан. Содержание такого статуса составляют права, свободы и обязанности, предоставленные государством всем и каждому;
- 6) выступает индикатором степени демократичности общества.

Специальный статус отражает особенности правового положения отдельных категорий граждан (пенсионеров, военнослужащих, участников войны и т. д.), которые имеют дополнительные права, обязанности, льготы, предусмотренные законодательством.

Индивидуальный статус представляет собой совокупность индивидуальных прав и обязанностей конкретного лица с учетом его пола, возраста, семейного положения, занимаемой должности, стажа работы и т. д.

Общий правовой статус у всех один, специальных статусов множество, индивидуальных — столько, сколько граждан. Наряду с основными в теории выделяют: 1) привилегированный статус (статус с повышенными правовыми гарантиями); 2) особый статус: статус физических и юридических лиц, иностранцев, лиц без гражданства или с двойным гражданством, беженцев или вынужденных переселенцев. Фактический статус личности определяется индивидуальными физическими или социальными характеристиками человека, которые имеют правовое значение и от которых зависит его юридический статус: возраст, пол, психическое состояние, национальность, принадлежность к определенному сословию (в государствах, где правовой статус зависит от этого).

Являясь высшей ценностью, права и свободы человека требуют не только юридического закрепления, но и эффективной реализации, ведь они имеют смысл и ценность,

только если реализуются. Существенной проблемой, связанной с теоретическим осмыслением прав человека с точки зрения потенциального и действительного права, является анализ их практической реализации. Именно возможность практического осуществления прав человека подтверждает реальность законодательных норм, обеспечивающих должный уровень жизни каждого члена общества и государства в целом.

Гарантии правомерного пользования правами человеком призваны создавать соответствующие условия и такую социально-правовую сферу для каждого члена общества и для данного лица, которые способствуют осуществлению всех прав и свобод последнего.

Необходимость защиты прав и свобод лица, как правило, возникает в случаях их нарушения, когда создаются препятствия для их реализации, или одна из сторон правоотношения не выполняет свои юридические обязанности и т. д. Защита прав и свобод человека и гражданина предусматривает совершение действий по восстановлению нарушенных или ущемленных прав и свобод человека и гражданина или по предотвращению аналогичных поступ-

ков судебными, административными и другими органами. А также создание соответствующих правовых гарантий.

Объективная сущность основных прав человека и гражданина предполагает не только исключение неправомерных действий государственных органов, но и их защиту от посягательств частного лица.

Представляется, что государственное обеспечение гарантий прав и свобод человека и гражданина носит всеобщий и обязательный характер, то есть ключевой гарант этих прав — само государство, что и является основной обязанностью государства перед человеком.

Таким образом, права, свободы и обязанности человека и гражданина выступают в качестве необходимого и важнейшего признака современного правового государства. В правовом государстве конституционно-правовой статус человека и гражданина приобретает своеобразное и самостоятельное юридическое звучание и действие. С точки зрения защиты общечеловеческих ценностей правовое государство можно охарактеризовать как олицетворение государственной власти, основанной на вере и доверии граждан.

Литература:

1. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие. М.: Норма, 2017. С. 134.
2. Малько А. В. Субъективное право и законный интерес // Правоведение. 2018. № 4. С. 58–70.
3. Субочев В. В. Законные интересы / под ред. А. В. Малько. М.: Норма, 2018. 496 с.
4. Рудинский Ф. М. Права человека в современном мире (марксистская оценка) // Право и жизнь. 2015. № 25. С. 4–24;
5. Субочев В. В. Теория законных интересов: дис... д. юрид. наук. Тамбов, 2019. 490 с.
6. См., напр.: Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М.: Юрид. лит., 2016. С. 29–31.
7. Рудинский Ф. М. Гражданские права человека: общетеоретические вопросы // Право и жизнь. 2015. № 31. С. 42–80.

Меры предупреждения преступлений, связанных с проституцией

Мирзоиматова Екатерина Евгеньевна, студент
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Преступления, связанные с проституцией — один из самых закрытых секторов криминального мира. Организованная проституция опасна прежде всего тем, что становится прикрытием для преступлений другого рода.

В настоящее время круг преступлений, связанных с проституцией, очерченный в УК РФ [1], довольно ограничен. Криминализировано всего 3 состава, чего, очевидно, недостаточно для предупреждения преступлений, связанных с проституцией, поскольку существующие в настоящее время в законодательстве России составы охватывают только часть деяний и не всегда правильно применяются.

В борьбе с преступлениями, связанными с проституцией, сложно то, что эти преступления, как правило, хо-

рошо скрываются. Это показывает нам и число осужденных за последние годы по этим составам, представленное ниже.

При этом, несмотря на снижение количества лиц, осуждаемых за преступления, связанные с проституцией, количество самих преступлений, скорее всего, не изменяется — на место задержанных преступников в этой индустрии достаточно быстро приходят новые.

Вместе с тем применение запретительных правовых мер по отношению к проституции как явлению социальному, а также её легализация — неэффективны для устранения преступлений, связанных с проституцией, если их использовать не в связке друг с другом.

Вместе с тем стоит отметить, что в настоящее время в России в научных кругах возросло число сторонников легализации проституции [2]. В то же время правовая политика в Российской Федерации по отношению к вопросу о легализации проституции движется в сторону несколько иного направления, чем безоговорочное разрешение этой деятельности [3]. Представители законодательной власти, а также те исследователи, которые занимаются созданием нормативно-правовых документов, понимают и принимают риски, связанные с легализацией проституции, поскольку изучение нормативно-правовых актов зарубежных государств, а также их правоприменительной практики показывает то, что к этому вопросу стоит подходить комплексно.

При этом комплексная работа над вопросом означает не только легализацию проституции и ужесточение наказания за преступления, с ней связанные, но и деятельность государства, направленную на выравнивание экономического положения населения и решение существующих в государстве социальных проблем. Чистая легализация или криминализация проституции, как показывает практика, неэффективна для полного устранения или снижения количества преступлений, связанных с проституцией.

Соответственно, необходимо сочетать правовые меры с мерами социальными: выравнивать экономическое положение регионов, обеспечить образование, дать жертвам преступлений, связанных с проституцией, возможность вновь социализироваться, влиться в общество.

Разумеется, решение социальных проблем общества не сможет полностью решить проблему как с добровольной, так и с организованной проституцией, однако количество женщин, детей и подростков, вовлекаемых в этот криминальный бизнес, ожидаемо должно снизиться.

Для того, чтобы сократить количество женщин любых возрастов, а также мужчин, которые ввиду своего положения в обществе могут быть вовлечены или принуждены к проституции, в первую очередь необходимо выравнивать экономическое положение регионов в Российской Федера-

ции, поскольку в настоящий период наблюдается явный перекос между столичными городами и региональными центрами, если сравнивать их вместе и проводить сравнение и между ними и сельской местностью.

Экономические меры должны затрагивать создание новых рабочих мест в регионах, а также подготовку населения к работе с использованием программ обучения. При этом не стоит ожидать быстрый эффект от введенных мер, поскольку они прежде всего направлены на выравнивание положения в российских семьях и тем самым снижение числа потенциальных жертв преступлений, связанных с проституцией.

Второе направление социальной политики в этой области должно затрагивать повышение доступности образования и его качества. Как показывает практика, большинство девушек, ставших проститутками добровольно или в результате принуждения, имеют достаточно низкий уровень образования и тем самым обрекают себя на длительное участие в криминальном бизнесе.

Что касается пункта о повышении качества образования, то здесь это также необходимо. Дело в том, что вовлечение в проституцию, а также иные преступления, с ней связанные, касаются не только тех девушек, которые находятся в очевидной группе риска, но и тех, кто проживает в достаточно благоустроенных семьях, но в силу недостаточной образованности не может определить истинные намерения лиц, вовлекающих в проституцию.

К сожалению, проблема с образованием комплексная — в стране рухнул престиж образования, и поднимается он сравнительно медленно. Многие молодые люди опираются на истории знаменитых бизнесменов, которые так и не получили высшего или среднего образования, порой — не окончили даже школы, но добились высот. Однако подростки и молодежь в основной своей массе забывают о явлении ошибки выжившего — о том, что эти бизнесмены скорее исключение из правила, а не правило само по себе.

Что же касается правового аппарата среди мер противодействия преступлениям, связанным с проституцией, то здесь хочется выделить следующее:

1. Целесообразно выделить в отдельный состав вовлечение в проституцию малолетнего лица. В таком случае состав будет называться «Вовлечение в проституцию малолетних» и будет значиться в статье под номером 240.2.

Формулировка основного состава будет звучать следующим образом:

«1. Вовлечение в проституцию или принуждение к ней в отношении малолетнего лица наказываются лишением свободы на срок от трех до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до трех лет либо без такового.

2. Те же деяния, совершенные:

- а) с применением насилия или с угрозой его применения;
 - б) с перемещением потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации или с незаконным удержанием его за границей;
 - в) группой лиц по предварительному сговору;
 - г) родственниками потерпевшего или лицами, связанными с вовлекаемым лицом ввиду своего служебного положения наказываются лишением свободы на срок от 5 до 12 лет с ограничением свободы на срок до 3 лет или без такового с лишением права занимать определенные должности на срок до 20 лет
3. Деяния, предусмотренные частью 1 и 2 настоящей статьи, совершенные организованной группой, наказываются лишением свободы на срок от шести до пятнадцати

лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до трех лет либо без такового»

Жесткость наказания обусловлена малозащищенностью малолетних лиц и их подверженностью к доверию знакомым и малознакомым лицам — как правило, малолетние дети более доверчивы и потому часто становятся жертвами не только вовлечения в проституцию, но и других преступлений, которые наносят ребенку непоправимый вред, при этом в некоторых случаях этот вред несовместим с жизнью.

2. Есть смысл прислушаться к мнению исследователей и способом, аналогичным тому, что был использован в представленной выше формулировке нового состава УК РФ, вывести отдельным составом посредничество в организации занятия проституцией.

3. Уточнить формулировку «а» части 2 статьи 240 УК РФ и указать следующее: с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья вовлекаемого лица, или же с угрозой его применения.

4. Вероятно, стоит также прислушаться к правоприменителям и отделить от торговли людьми вербовку с целью сексуальной эксплуатации в отдельный состав, поскольку вербовка с целью сексуальной эксплуатации, осуществляемая в рамках правового поля торговли людьми в настоящее время сложно квалифицируется и зачастую может соединяться с вовлечением в проституцию, хотя сексуальная эксплуатация может выполняться и одним партнером, при этом потерпевшая в таких преступлениях покупается единоразово и в полной мере. Поэтому также проблемно будет отделить этот состав от торговли людьми.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — С. 2954.
2. Грухин Ю. А., Колосовская Н. А. К вопросу о легализации проституции в Российской Федерации // Фундаментальные и прикладные исследования гуманитарных и естественных наук: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные аспекты материалы международной научно-практической конференции: В 3-х частях. отв. ред. Н. Н. Понарина, С. С. Чернов. 2018.
3. Яковенко В. С. Правовая политика Российской Федерации в области противодействия проституции // Достижения науки и образования. 2018. № 12 (34).

Проблемы управления многоквартирными домами в настоящее время

Мурзакимова Гульжан Курсаналиевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В действующем российском жилищном законодательстве предусматривается конструкция договора управления многоквартирным домом. Существует она относительно не продолжительное время и нуждается в совершенствовании.

Сегодня вокруг многоквартирных домов сложилась крайне неопределенная ситуация. До сих пор не решен вопрос о природе управления многоквартирным домом: является ли обслуживание дома бизнесом или социальной услу-

гой? Если это все же бизнес, то процесс и соответственно правовое регулирование должны осуществляться по его законам, если услуга, то государство обязано компенсировать часть затрат на нее гражданам. Например, если они проживают в аварийном или ветхом жилье, то затраты на его содержание в связи с плохим состоянием дома больше, чем в обычных строениях. Однако никакой компенсации такие жильцы не получают.

Далее, следует отметить, что согласно ч. 8 ст. 162 ЖК РФ изменение и/или расторжение договора управления многоквартирным домом регулируется в порядке, который закреплён в гражданском законодательстве. Согласно ч. 1 ст. 7 ЖК РФ, если какой-либо аспект жилищного правоотношения не регулируется нормами жилищного законодательства, то применению подлежат нормы гражданского законодательства. Если последние также отсутствуют, то применяется аналогия закона.

Из этого можно сделать вывод, что договор управления многоквартирным домом обладает гражданско-правовой природой. Тем не менее, прямого ответа на вопрос о принадлежности рассматриваемого договора к конкретному виду договорных обязательств в законодательстве не содержится. Из-за этого закономерно возникают проблемы при определении того, какие именно нормы должны регулировать отношения по управлению многоквартирным домом.

Большая часть исследователей в области гражданско-правовой науки считают, что договор управления многоквартирным домом входит в число смешанных договоров. Другой распространённой является позиция, согласно которой рассматриваемый договор не является смешанным.

Для определения категории данного договора они исходят из разновидностей услуг, исполнение которых подразумевается при его заключении. Так, С. Л. Филимонов в качестве составляющих элементов договора выделяет услуги и работы, направленные на содержание и ремонт общего имущества. Ещё одним самостоятельным элементом является предоставление коммунальных услуг. На основании этого он приходит к выводу, что данный договор является не самостоятельным, а смешанным [6].

Другие авторы, например, У. Б. Филатова, Н. М. Коршунов и Л. Ю. Грудцына, пытаются рассматривать договор управления многоквартирным домом как смесь договора подряда и возмездного оказания услуг [5]. Другие исследователи (С. Ю. Шахов, И. А. Дроздов) также считают, что рассматриваемый договор состоит из нескольких гражданско-правовых договоров, но других: энергоснабжения и доверительного управления [2].

Проведенный анализ судебной практики показывает, что суды, отвечая на вопрос о месте договора управления многоквартирным домом в системе договорных обязательств, указывают в качестве его цели — оказание услуг по осуществлению прав собственника в отношении управляемого имущества. Значит, он относится к группе договоров, которые направлены на оказание услуг [7].

Сложившаяся в науке и в судебной практике позиция оказала непосредственное влияние на дальнейшее правоприменение. В итоге суды, рассматривая дела, касающиеся договора управления многоквартирным домом, обращаются к положениям ГК РФ не о смешанных договорах, а о договоре возмездного оказания услуг.

Далее, на практике является распространённой частая смена управляющей организации в одном и том же многоквартирном доме. Так, нередко организация, ранее являвшаяся стороной в данном договоре, пытается вновь заключить аналогичный договор с теми же собственниками. Некоторые управляющие организации для этого даже обращаются в антимонопольную службу с жалобами о помехах их деятельности со стороны новой управляющей организации. В Постановлении Президиума ВАС РФ от 5 июня 2012 г. по делу № А50–1710/2011 суд занял позицию новой стороны договора, так как смена управляющей организации не была оспорена. Следовательно, новая управляющая организация является действующей и не может мешать работе предыдущей организации, которая была сменена по решению собственников [8]. Здесь на помощь приходит общее собрание собственников многоквартирного дома.

Множественность субъектов права собственности на одно и то же имущество предполагает необходимость согласования их воли (п. 1 ст. 246 и п. 1 ст. 247 ГК РФ, ч. 3, 4 ст. 36, ч. 2 ст. 40 ЖК РФ). Соответственно, при смене управляющей компании необходимо проводить общее собрание собственников.

Порядок принятия таких решений должен быть чётко регламентирован. Процедура согласования индивидуальных волей собственников по поводу их общего имущества обуславливает необходимость установления порядка их решений. В правоотношениях с множественностью собственников управление общим имуществом многоквартирного дома является инструментом реализации собственником своих правомочий.

Однако правовая природа общего собрания в том виде, в котором она представлена сегодня в ЖК РФ, вызывает множество вопросов. Г. Н. Макаренко [3] и В. К. Михайлов [4] указывают, что понятие «орган управления» подразумевает принадлежность означаемого им к той или иной организации, а также то, что целью формирования органа управления является осуществление правосубъектности данной организации. Исходя из взаимосвязанных норм ЖК РФ возникает обоснованный вывод, что общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме фактически обладает признаками субъекта гражданских прав, участвуя в правоотношениях и реализуя свои решения (принятые по общему правилу большинством голосов участников) через отдельных уполномоченных на то собственников либо институт представительства. В случае непосредственного управления общее собрание собственников формально наделяется всеми, без исключения, признаками юридического лица, не будучи признанным таковым. Отсутствие статуса юридического лица

не предоставляет также возможности быть в суде истцами и ответчиками. Поэтому точка зрения о том, что фактически общее собрание собственников помещений является субъектом права, не лишена смысла.

Далее, следует отметить, в соответствии с законом до недавнего времени капитальный ремонт многоквартирных домов был обязанностью государства. Однако данный постулат закона систематически игнорировался. Лишь некой частью граждан удавалось добиться, в том числе через суд, проведения ремонта своих домов за государственный счет. Следует также учесть, что несмотря на требования закона, все эти годы граждане еще и оплачивали не только содержание многоквартирного дома, но и капитального ремонта в составе квартирной платы. В итоге государство в 2013 году отказалось от прежних обязательств и переложило ответственность и материальное бремя за капитальный ремонт на граждан России. В связи с чем предлагается внести существенные изменения в систему капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах. Одним из возможных вариантов ре-

шения проблемы явился бы механизм софинансирования, который может заключаться в следующем. Обязательные работы (хотя бы первоочередные, включенные в краткосрочный план реализации) проводятся за счет государства, чтобы не переносить сроки реализации программ, собственники при этом продолжают вносить взносы, которые аккумулируются для последующих работ. Это будет соотноситься с нормой статьи 168 ЖК РФ, которая предусматривает, что в первую очередь должны ремонтироваться дома, капитальный ремонт которых требовался еще на дату первой приватизации. С разработкой данного механизма не следует затягивать, принимая во внимание и то обстоятельство, что по действующим нормам Фонд ЖКХ, которой обеспечивает государственную финансовую поддержку при проведении капитального ремонта, работает до 1 января 2020 года.

Таким образом, вышеизложенное обуславливает необходимость реформирования института управления многоквартирным домом, поскольку существующие проблемы существенно тормозят развитие рассмотренного института.

Литература:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ: в ред. от 26 июля 2019 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1. Ст. 14.
2. Дроздов И. А., Шахов С. Ю. Правовая сущность и способы управления многоквартирным домом. Монография. М.: Норма, 2013. С. 17.
3. Макаренко Г. Н. Правовое положение общего собрания собственников помещений в многоквартирных домах как органа жилищного самоуправления // Бюллетень нотариальной практики. 2016. № 12. С. 53.
4. Михайлов В. К. Статус общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме в свете решений Конституционного суда РФ // Жилищное право. 2012. № 9. С. 19.
5. Филатова У. Б. Общее имущество собственников помещений в многоквартирном доме. Монография. Иркутск, 2010. С. 178.
6. Филимонов С. Л., Жуйков В. М. Комментарий к ЖК РФ (постатейный). М.: 2016. С. 361.
7. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 2 ноября 2009 г. по делу № А11—10022/2008 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 05.08.2019).
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 5 июня 2012 г. по делу № А50—1710/2011 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 27.09.2019).

Уголовно-правовая характеристика нарушений правил дорожного движения

Наговицына Алёна Игоревна, студент

Тюменский государственный университет

Многоплановость и сложность общественных отношений, складывающиеся в сфере дорожного движения, обуславливаются наличием множества нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность в данной сфере, совокупность которых представляет собой систему, включающую в себя Федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, отраслевые и межотраслевые

нормативные правовые акты, законодательные и подзаконные акты субъектов Российской Федерации.

За нарушения правил предусмотрена административная и уголовная ответственность. Составы преступлений сгруппированы в главе 27 Уголовного кодекса Российской Федерации. [1]

Статья 264 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность лица, нарушившего правила дорожного

движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, либо его смерть.

В соответствии с ч. 1, 2 ст. 264 УК РФ преступным последствием является причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека; ч. 3, 4 — деяние, повлекшие по неосторожности смерть человека, а ч. 5, 6- деяния, повлекшие по неосторожности смерть двух или более лиц.

Для определения всех признаков состава преступления, предусмотренного данной статьей УК РФ, необходимо, чтобы общественно опасное действие (либо бездействие) лица выразалось в нарушении правил безопасности движения или правил эксплуатации.

Уголовная ответственность, по данной статье УК РФ, наступает независимо от того, где было допущено нарушение правил дорожного движения, например, на шоссе, улице, во дворе дома, и т. д.

Состав преступления является материальным, что означает, что преступление считается оконченным с момента причинения тяжкого вреда здоровью человека, либо его смерти. Обязательным же признаком объективной стороны состава преступления, предусмотренного данной статьей, является наличие причинной связи между нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств и наступившими преступными последствиями.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, являются общественные отношения и интересы, обеспечивающие безопасность дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, в результате которым причиняется предусмотренный законом вред.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, является лицо, достигшее 16-летнего возраста, управляющее транспортным средством. Стоит заметить, что данным лицом признается не только водитель, сдавший экзамены на право управления транспортным средством и получивший, в последствии соответствующее удостоверение, но и любое иное лицо, управляющее транспортным средством, к примеру, лицо, у которого был изъят документ, подтверждающий право управлять транспортным средством, в установленном законом порядке; лицо, не имевшее право управления соответствующим видом транспорта и др.), а также лицо, обучающее вождению на учебном транспортном средстве. [2]

В ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ субъектом преступлений является лицо, находящееся в состоянии опьянения.

«Установление механизма ДТП способствует установлению причинно-следственных связей между действиями участников дорожного движения или иных лиц и помогает установить наличие либо отсутствие, а также степень вины каждого из названных лиц». [3]

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ характеризуется неосторожной виной в виде:

1) Легкомыслие.

Данная вина характеризуется тем, что лицо, предвидит возможность наступление общественно опасных послед-

ствий своих действий (бездействия), но самонадеянно рассчитывает на их предотвращение;

2) небрежность.

Данная вина характеризуется тем, что лицо не предвидит возможности наступления указанных в ст. 264 УК РФ преступных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть.

Также стоит заметить следующее, что нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств может быть совершено и умышленно, однако, при этом отношении к наступившим преступным последствиям этого нарушения всегда будет являться неосторожным. В случаях, когда лицо, управлявшее транспортным средством, преднамеренно использовало его в целях для причинения вреда здоровью потерпевшего, содеянное влечет уже уголовную ответственность о преступлениях против личности по статьям Особенной части УК РФ

Дополнительно следует отметить, что с 01 июля 2015 г. действует новая статья Уголовного Кодекса Российской Федерации - ст. 264.1 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутому административному наказанию. Закрепление данной статьи в современном законодательстве связано с тем, что на сегодняшний день увеличилось число дорожно-транспортных происшествий, произошедших по вине водителей, находящихся в состоянии опьянения.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ, выступают общественные отношения по поводу установленного правилами порядка управления автомобилями или иными транспортными средствами и их эксплуатации.

Предметом преступления, в данном случае, является транспортное средство.

Поскольку преступление, предусмотренное данной статьей, выражается в управлении транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, т. е. в использовании машины в процессе движения как транспортного средства, то это подразумевает под собой, что лицо осознанно и преднамеренно совершает действия, направленные на управление автомобилем, и руководит своими телодвижениями. [4]

При этом стоит заметить, такие действия, как например, нахождение пьяного водителя за рулем не движущегося транспортного средства, не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. [5]

Объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ составляют следующие пункты:

1) действие, то есть, лицо управляет транспортным средством, находясь в состоянии опьянения.

2) необходимым условием является следующее: лицо ранее должно было быть подвергнуто административному взысканию за управление автомобилем или иным транспортным средством (при этом установленный срок не прошел),

- 3) либо лицо отказалось пройти обязательное медицинское освидетельствование
- 4) либо у лица ранее уже имелась судимость за совершение преступления, предусмотренного ч. 2, 4 либо 6 ст. 264 УК РФ

Как видно из выше сказанного, сам факт управления транспортным средством, находясь в состоянии опьянения не достаточен для привлечения лица к уголовной ответственности. Для этого необходимо соблюдение ряда вышеуказанных условий.

Также необходимо рассмотрения такой обязательный признак объективной стороны, как административная преюдиция.

Административная преюдиция заключается в том, что ранее виновное лицо подвергалось административному наказанию за аналогичные действия, а именно, управление транспортным средством в состоянии опьянения (что соответствует ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ) или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ), либо у лица имелась судимость за совершение преступления, предусмотренного ч. 2, 4, 6 ст. 264 или ст. 264.1 УК РФ. [6]

Стоит заметить, что нарушение правил дорожного движения является одним из наиболее распространенных ви-

дов правонарушений. Борьба с ними ужесточается из года в год, ответственность за совершение таких преступлений становится все серьезней

Так, согласно ФЗ от 23.04.2019 № 65-ФЗ «О внесении изменений в статьи 264 и 264–1 Уголовного кодекса Российской Федерации», с 28 июня 2019 года вступили в силу радикальные поправки в статью 264 УК РФ («Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств») [7], которые значительно ужесточает ответственность для нетрезвых водителей за ДТП с тяжкими последствиями. Отныне пьяному водителю за причинение тяжкого вреда здоровью грозит от 3 до 7 лет лишения свободы (ранее было до 4 лет лишения свободы). В случае гибели человека вводится ответственность в виде лишения свободы от 5 до 12 лет лишения свободы (до принятия закона — от 2 до 7 лет). Если в ДТП погибли двое и более лиц, виновник будет наказан лишением свободы на срок от 8 до 15 лет (ранее — от 4 до 9 лет).

В то же время, весной 2019 года Федеральным законом от 23.04.2019 № 64-ФЗ «О внесении изменения в статью 12.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [8] Госдума законодательно приравнила водителей, оставивших места ДТП с тяжкими последствиями, к пьяным автомобилистам.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации с изменениями на 16.10.2019.
2. Волколупов В. Г. Уголовно-правовая характеристика нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (статья 264 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 15. — С. 2201–2205. — URL: <http://e-koncept.ru/2016/96360.htm>
3. Криминалистика: учебник / [К. Г. Иванов и др.; под науч. ред. В. Н. Карагодина, Е. В. Смахтина]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет. — Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2018. — 652 с.
4. Проценко С. В. О транспортном средстве как источнике повышенной опасности в российском уголовном законодательстве // Российский следователь. 2009. № 23. С. 19–23.
5. Сидоренко Э. Л. Особенности квалификации преступлений преюдиционного характера // Общество и право. 2016. № 1. С. 60–64.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.11.2019).
7. ФЗ от 23.04.2019 № 65-ФЗ «О внесении изменений в статьи 264 и 264–1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
8. Федеральный закон от 23.04.2019 № 64-ФЗ «О внесении изменения в статью 12.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (вступивший в силу с 24 апреля 2019).

Понятие, значение и последствия транспортных преступлений

Насаева Валерия Очировна, студент магистратуры

Тюменский государственный университет

Уголовно-правовая литература уже на протяжении большого количества времени изучает правовую природу транспортных преступлений. С появлением транспортных средств человечество открыло для себя много удобств, упрощающих повседневную жизнь. В настоящей статье мы рассмотрим автотранспортные преступления, предусмотренные ст. 264, ст. 264.1 и ст. 266 УК РФ.

Общественная опасность дорожно-транспортных преступлений состоит в создании условий для безопасного функционирования транспорта и причинения вреда жизни и здоровью людей. Потерпевшими в дорожно-транспортных происшествиях являются случайные люди, оказавшиеся во власти случая, помимо виновников дорожно-транспортных преступлений. Физический вред, который был причинен им, связан с использованием источника повышенной опасности. Это и является особенностью дорожно-транспортных преступлений.

Такого понятия, как «транспортное преступление», нет в общепринятом понимании, каждый автор сосредоточил свое внимание на конкретной разновидности транспортного преступления. Так, Н. С. Алексеев считает транспортным преступлением «такое общественно опасное действие или бездействие, которое непосредственно посягает на правильную, отвечающую интересам... государства работу транспорта» [2, с.24].

Б. А. Куринов вначале формулировал рассматриваемое понятие даже шире, чем Н. С. Алексеев. Он писал: «Преступления, совершаемые на автотранспорте, охватывают все общественно опасные, противоправные, виновные и наказуемые действия, которые нарушают или в отдельных случаях могут нарушить нормальную работу и безопасность движения» [4, с. 12]. В последующем автор, наоборот, существенно ограничивал понятие транспортных преступлений, относя к ним только «такие преступные деяния, которые посягают на безопасность движения механического транспорта» [5, с. 19]. Таким образом, из деяний исключались посягательства на безопасную эксплуатацию транспорта, что не входит в содержание безопасности движения, а является самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны.

В. В. Лукьянов понимал термины «автопроисшествие», «автотранспортное происшествие», «автодорожное происшествие», «автотранспортное преступление» что отражает сущность лишь автомобильным транспортом, соответственно исключая мотоциклы, мотороллеры, тракторы, трамваи и другие транспортные средства. Его предложение воспринимать понятие «дорожно-транспортное происшествие», как «событие, нарушающее процесс дорожного движения, возникающее в результате потери возможности управлять транспортным средством и сопровождающееся гибелью, ранением людей, нанесением материального ущерба» [6, с. 34, 39].

Так, существует множество вариантов и трактовок авторов над понятием «транспортное преступление», так как глава 27 УК РФ предусматривает не только автотранспортные преступления, но также и водно-, воздушно-, железнодорожные преступления, то одним понятием сложно описать все категории нарушений, чтобы более точно дать ёмкое одно определение.

Законодатель, в названии гл. 27 УК РФ, указал основной признак транспортных преступлений — нарушение безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Если сформулировать определение «автотранспортному преступлению», то, «деяние, нарушающее правила безопасности передвижения и эксплуатации транспортных средств, влекущее за собой возможность наступления тяжких последствий».

С течением времени, уголовное законодательство, транспортные преступления выделило в самостоятельную главу, что намного точнее отражает особенность родового объекта преступлений, способствующее уяснению их специфики и степени общественной опасности. Выделение главы преступлений в обособленную часть от других преступных деяний помогает правильно квалифицировать преступление, совершенные лицами, которые имеют доступ к транспортному средству в целях эксплуатации, а также лиц, выпустившие транспортное средство в эксплуатацию с техническими неисправностями. Выделение в отдельную главу позволяет также индивидуализировать наказания и дифференцировать ответственность внутри данной группы преступлений, позволяет целенаправленно установить причины и условия, вызывающие их совершение.

Причинно-следственная связь между деянием и последствиями носит опосредованный характер. Угроза состоит в использовании транспорта, как источника повышенной опасности, при нарушении правил дорожного движения вследствие чего и происходит причинение тяжких последствий, в виде вреда жизни и здоровью человека и иных.

Медведев Е. В. выделяет среди проблемных вопросов последствий, которые наступают в результате транспортных преступлений, предусмотренными главой 27 УК РФ, «среди последствий транспортных преступлений, выступающих обязательным признаком их объективной стороны, в большинстве случаев (ст. ст. 263, 263.1, 264, 266, 268 УК РФ) называются лишь наступление смерти человека или причинение тяжкого вреда его здоровью, а также крупный ущерб. [8, с.37] «, однако автор также обращает внимание, что среди возможных последствий, что чаще всего выступает ДТП, для разновидностей других транспортных преступлений является редкостью, к ним относятся железнодорожный, водный или воздушный транспорт. Специфика эксплуатации данных видов транспорта предполагает наличие целого ряда других серьезных опасностей: выбро-

сов загрязняющих веществ, высвобождения опасных грузов в результате аварийных происшествий или инцидентов, пожаров и т. д. Поэтому происшествия на железных дорогах, так же как и в воздухе или на воде, могут быть связаны с причинением гораздо более глобальных последствий, таких как, например, экологическая катастрофа, разрушение зданий и сооружений, уничтожение имущества в крупных размерах и т. д. [3, с. 36].

Таким образом, попытка описать возможные внутренние и внешние угрозы безопасности функционирования различных транспортных средств, охватываемой главой 27 УК РФ, довольно трудно.

Для описания такого рода последствий в уголовном праве довольно часто используется термин «тяжкие последствия» [9, с. 87]. Во-первых, он часто передает характер анализируемых преступлений, наступившую общественную опасность, во-вторых, своим содержанием охватывает все возможные угрозы подобного рода, которые могут наступить в результате транспортных преступлений.

Также Медведев Е. В. обращает внимание, что «на данный момент основанием привлечения к уголовной ответственности за транспортные преступления выступает обязательное причинение либо смерти человеку, либо тяжкого вреда его здоровью. При этом остается вне рамок уголовно-правовой оценки иной ущерб здоровью, и прежде всего средней тяжести». [8]. Данное положение обусловлено направленностью уголовного закона на гуманизацию и не попадает под декриминализацию неосторожных преступлений, влекущих причинение вреда здоровью средней тяжести. Такая идея гуманизации закона не совсем удачна из-за возможности виновника ДТП избежать наказания, а потерпевшим ощутить на себе несправедливость закона, «например, когда в результате дорожной аварии пассажиры маршрутного такси получают увечья на грани тяжкого вреда здоровью, но судебная экспертиза, следствие, а затем и суд оценивают его как ущерб здоровью средней степени тяжести».

Данное предложение на сегодняшний день актуально, когда ущерб здоровью тяжкий или средней степени тяжести бывает трудно доказать, так как грань между ними очень тонкая.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: по сост. на 17 апреля 2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Алексеев Н. С. «Транспортные преступления. Ответственность за преступления, посягающие на правильную работу советского транспорта» // Издательство Ленинградского университета, 1957. С. 147.
3. Архипцев И. Н., Бурлака С. А. Некоторые аспекты уголовно-правовой охраны транспортной безопасности Российской Федерации // Российский следователь. 2017. № 2. С. 36.
4. Куринов Б. А. «Уголовная ответственность за нарушение правил движения на автотранспорте» // Москва: Госюриздат, 1957. С. 140.
5. Куринов Б. А. «Квалификация транспортных преступлений», Москва: Издательство Московского университета, 1965. — 234 с.
6. Лукьянов В. В. «Безопасность дорожного движения» // Москва: Транспорт, 1983. С. 262.

Квалифицирующие признаки ст. 264 УК РФ, соответственно и отсылку к ним в, содержащиеся в ст. 264.1 УК РФ, признаками которых является состояние опьянения и оставление места совершения дорожно-транспортного происшествия, необходимо отнести к наступившим последствиям также причинение средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, так как указанные нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, не совсем отражает суть случайного стечения обстоятельств, скорее форма вины выражается в двойном умысле.

Согласно ст. 27 УК РФ, если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно [1].

Помимо прочего, гуманизация уголовно-правовых норм всегда имеет и другую сторону медали. Поэтому, смягчая ответственность за любые преступления, необходимо учитывать еще и интересы потерпевших. Ведь принцип гуманизма в уголовном праве, как известно, проявляется не только в гуманном отношении к преступнику, но и в максимально справедливой защите граждан от посягательств со стороны правонарушителей [7, с.35].

Следовательно, существует необходимость в обособленности нормы в самостоятельную — квалифицирующих признаков, ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ, так как преступные деяния, которые сопряжены состоянием опьянения и оставлением места дорожно-транспортного происшествия, содержат форму вины, выражающаяся в двойном умысле, а также, отнести к наступившим последствиям, за которые лицо, совершившее преступление, также обязано будет нести уголовную ответственность, за причинение средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, помимо тех последствий, которые указал законодатель.

7. Малинин В. Б. Гуманизм УК — не в ущерб жертве преступления // Жизнь и безопасность. СПб., 1996. N 2. С. 21; Мальцев В. Принципы гуманизма в уголовном законодательстве // Российская юстиция. 2002. N 7. С. 52.
8. Медведев Е. В., Статья: Последствия транспортных преступлений в нормах УК РФ, «Транспортное право», 2017, N 3. С. 37
9. Трофимова Г. А. Причиненный преступлением вред: спорные вопросы // Современное право. 2016. N 11. С. 95.

Процесс формирования правовых механизмов банкротства в законодательстве отдельных германских стран

Никанорова Мария Игоревна, студент

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

Первые признаки появления института несостоятельности (банкротства) зародились ещё в период древнейших времён. Так, например, в Древней Греции, если отец семейства был неспособен расплатиться по долгам, вся семья попадала в долговое рабство, до тех пор, пока они полностью не компенсируют убытки кредитора своим физическим трудом на него.

Также в Римской Империи были созданы «Законы XII таблиц», в которых содержались нормы, регулирующие ответственность должника перед кредитором. Руководствуясь этим законом, кредиторы могли применять к должнику, который не исполнил обязательства, членовредительские наказания.

Со временем стало понятно, что такие способы не улучшали материальное положение кредитора, невозвращённый долг так и оставался таковым. Именно поэтому законодательство постепенно начало меняться и появились такие конструкции как имущественное обеспечение долга и его реальный возврат в натуре. Так, после распада Римской империи институт несостоятельности получил большое развитие в средневековой Италии. Из-за высокой развитости торговых отношений существовали итальянские статуты, в которых целые разделы были посвящены несостоятельности.

Само слово «банкротство» восходит к итальянской фразе *banca rotta* — буквально «сломанная скамья». «Банком» (итал. *banca*) первоначально именовалась устанавливаемая в людных местах (таких как рынки и ярмарки) скамья, на которой менялы и ростовщики проводили свои сделки и оформляли документы [1]. После того, как владелец «банка» разорился, он ломал свою скамью.

Изначально при создании законодательной базы конкурсного процесса в Германии наибольшую роль играли города. Императорская власть, в отличие от Франции, где инициатива исходила от королевской власти, занимала пассивную позицию в данном вопросе. Она ограничилась принятием нескольких эдиктов: наиболее известными являются эдикты Карла V 1531 и 1540 гг [2, с. 82]. Многие правоведы утверждают, что конкурсный процесс уходит истоками на север, а не на юг, тем самым не произошло

в Германии рецепции римского права в данной сфере: «основные конкурсные принципы обязаны своим распространением содействию крупных торговцев, а распространение в северной Германии — главным образом торговле с Италией. Образование конкурсного права сводится не прямо к римским началам, но, как и во многих иных положениях торгового права, к итальянскому праву, которое само основывается на римском праве» [3, с. 21].

В первое время требования кредиторов в Германии удовлетворялись не пропорционально их требованию, а по порядку предъявления в суд притязаний, поэтому в то время, как требования одних могли быть удовлетворены полностью, другие ничего не получали. Предпочтение отдавалось тому, кто раньше по времени предъявил свои требования [3, с. 11].

Только с 13–15 веков начинается осознание необходимости пропорционального деления имущества должника. Данный порядок сначала применялся только в случае смерти или бегства должника, лишь позднее нормы распространялись на состояние, когда должник не скрывается или самостоятельно заявляет о своем состоянии неспособности.

Доказательством этому может служить закон города Любека 1586 года: «Статья эта постановляет прежде всего о скрывшемся должнике, что имущество его ввиду опасности, возникающей от просрочки в платежах, дозволяется захватить и задержать. И не только тот, кто в действительности бежал, считается скрывшимся, но также тот, кто замышляет бежать от суда, подлежит тому же закону. Если же гражданин не скрывается и обладает имуществом в пределах государства, то он по нашему праву свободен от ареста. Тот, кому передано его арестованное имущество, не только не пользуется каким-либо преимуществом, но может оказаться виновным в причинении ущерба» [2, с. 83].

Обычное право особо не применялось при регулировании рассматриваемого института, так как он требует четкого формального определения, которое может содержаться только в нормативных правовых актах, а точнее в законе. Тем самым государства Германии стремились к созданию конкурсных уставов. К примеру, Пруссия издала следующие документы: уставы 1722 г., 1781 г., 1793 г.

В Саксонии регулирование данного института нашло своё отражение в законе 1724 г., который был детализирован в законе от 20 декабря 1766 г., действовавшим до конца XIX века. К шестидесятым годам девятнадцатого века правительство решило пересмотреть конкурсное законодательство; так был составлен проект конкурсного устава, которому не суждено было принять окончательную форму из-за начавшейся прусско-австрийской войны. В дальнейшем саксонское законодательство выражалось в доктрине общегерманского конкурсного процесса.

Гамбургского конкурсный процесс отличался тем, что в этом торговом центре до начала 20 столетия действовал Устав о несостоятельности 31 августа 1753 г. По этому уставу различалось два производства: спорное и беспорядочная мировая сделка.

Если рассматривать австрийское законодательство, то в качестве особенности следует выделить то, что конкурсное производство осуществлялось практически полностью под контролем суда. Уже тогда закон обязывал уведомить всех кредиторов о возбуждении конкурсного

производства; лица, не явившиеся в назначенный срок устранялись от процесса, даже если они являлись собственниками имущества [4]. Тем самым, в Австрии сложился довольно строгий порядок урегулирования данных споров.

Последним по времени местным нормативным актом до создания Германской империи был конкурсный устав Баварии, который вошел в состав процессуального законодательства (устав судопроизводства, изданный 29 апреля 1869 года). В новом законе (вступил в силу 1 июля 1870) устранялось различие между торговой и гражданской несостоятельностью, а конкурсные дела передавались на рассмотрение общих судов, несмотря на существование специальных коммерческих судов.

Анализ законодательств о несостоятельности позволяет сделать выводы, что эта область регулирования затрагивает почти все отрасли права, использует большинство правовых институтов и тем самым в целом похожа на сложную технологическую линию, звеньями в которой являются правовые институты, применяемые в обычном законодательстве и специально разработанные для несостоятельности.

Литература:

1. Макс Фасмер. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / авт.-сост. М. Фасмер; пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О.Н. Трубачёва, под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина [т. I]. — Изд. 2-е, стер. — М.: Прогресс, 1986—1987.
2. Шершеневич, Г.Ф. Курс торгового права в 4 т. Том 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс / Г.Ф. Шершеневич. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 453 с. — (Серия: Антология мысли). — ISBN 978-5-534-07833-6. — Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <https://biblio-online.ru/bcode/433384> (дата обращения: 15.05.2019).
3. Stobbe, Zur Geschichte des alteren deutschen Konkursprozesses, 1888
4. Benedikt, Zur Reform der Concurs Ordnung, 1887.

Правовое обеспечение информационной безопасности РФ

Николаев Игорь Андреевич, студент

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Рассматриваются проблемы правового обеспечения информационной безопасности при построении информационного общества в Российской Федерации, развития и систематизации информационного законодательства, а также рассматриваются зарубежное законодательства в информационной сфере и международные практики обеспечения информационной безопасности при построении информационного общества.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационное право, информационное законодательство, информационное общество.

В конце XX и начале XXI века общество всё больше использует и развивает информационно-коммуникационные технологии и создаёт новые, что способствует увеличению влияния информации на все аспекты жизни общества, личности, государства. Развитие таких технологий и появления новых создаёт необходимый фундамент для перехода к информационному обществу. Как отмечается в Декларации принципов построения информационного общества [1],

такие технологии открывают новые перспективы для достижения более высоких уровней развития.

В современном мире информация становится всё более весомым ресурсом, можно даже сказать — одним из основных. Такая роль ставит актуальным вопрос об обеспечении безопасности подобного ресурса. Возрастающая роль информационной сферы в жизни общества оказывает сильное влияние на составляющие национальной безопасности

государства (экономическая, военная, политическая и др.), что в свою очередь повышает важность информационной безопасности для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации (далее — РФ). Сегодня, в век быстро развивающихся технологий и постепенного становления информационного общества, как никогда актуален вопрос правового регулирования сферы противодействия угрозам национальной безопасности и важной составляющей современного мира — информационной безопасности, а также актуален вопрос борьбы с кибертерроризмом.

Стратегия развития информационного общества в РФ, утверждённой Президентом РФ 7 февраля 2008г, гласит, что совершенствование правового обеспечения информационной безопасности является одним из приоритетов при построении глобального информационного общества, провозглашенного в Окинавской хартии глобального информационного общества, которая была подписана Президентом РФ 22 июня 2000 г. Одна из основных проблем создания информационного общества заключается в недостаточном изучении теоретических вопросов создания этого общества и правового обеспечения информационной безопасности. Основные задачи, принципы и направления в области информационной безопасности РФ определены в Доктрине информационной безопасности РФ [2], Концепции национальной безопасности РФ [3], а также в основных направлениях нормативно правового обеспечения информационной безопасности. Согласно Доктрине информационной безопасности РФ, информационная безопасность РФ трактуется как состояние защищённости её национальных интересов в информационной сфере, определённых совокупностью баланса между интересами личности, общества и государства.

В российском законодательстве определены нормы, регулирующие несколько десятков видов тайн. Нормы российского законодательства, что регулируют правоотношения в рамках разных видов тайн, составляют конфиденциальный режим информации ограниченного доступа. Данный режим обладает следующими чертами:

- Третьи лица не имеют доступа к информации;
- Субъекты информации обладают законными интересами в обеспечении защиты информации;
- На законных основаниях ограничен свободный доступ к информации.

В российском законодательстве существует пять разновидностей конфиденциально правового режима:

- Режим государственной тайны;
- Режим семейной и личной тайны;
- Режим коммерческой тайны;
- Режим профессиональной тайны;
- Режим персональных данных.

В данном вопросе имеются проблемы, связанные с обеспечением защиты государственной тайны, проблемы заключаются в незаконности отнесения некоторых видов сведений к государственной тайне согласно Указу Президента РФ от 30 ноября 1995 г «Об утверждении перечня

сведений, отнесённых к государственной тайне», и созданным на его основании ведомственным перечням сведений, составляющих государственную тайну. Обеспечение защиты коммерческой тайны требуют более гибкого подхода к требованиям, устанавливаемым в целях обеспечения защиты коммерческой тайны её правообладателем. Проблемы обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства, защиты информационных систем, расширения применения информационных систем в сфере государственного управления, развития кибербезопасности, а также ряд других проблем сферы обеспечения информационной безопасности нуждаются в системном правовом регулировании, основываясь на анализе международных правовых норм и практик, законодательства РФ, законодательства других стран, а также ряда правоприменительных практик. Основываясь на изучении международных правовых актов, которые касаются новых угроз в информационной сфере, а также на роли глобализации в национальной стратегии развития информационного общества, можно сделать вывод о необходимости дальнейшей реализации положений международных правовых актов, которые затрагивают такие важные аспекты в области обеспечения информационной безопасности как: Борьба с коррупцией; Терроризмом и экстремизмом; Обеспечение доступа к публичной информации; Киберпреступности и гармонизации законодательства государств, которые входят в региональные сообщества, такие как СНГ, ЕврАзЭС и др. Проблему информационной безопасности можно без преувеличений назвать глобальной, поскольку проблема затрагивает множество стран и регионов. Решения подобных проблем требуют усилий всего мирового сообщества.

В экономически развитых странах разработаны стратегические программы, основная цель которых — это достижение лидирующих позиций в таких сферах как социальное развитие и экономика. Все разработанные и используемые информационные системы, такие как «электронное правительство», электронная коммерция, информатизация науки и образования и т.д., рассматриваются как совокупность всей информационно-телекоммуникационной сферы, что является необходимым фундаментом для перехода к информационному обществу. В зарубежном законодательстве особую роль занимает учёт принципов, которые закреплены в международных правовых актах, в национальном законодательстве. В зарубежном законодательстве уделяют внимание таким принципам как:

- Принцип свободы обмена информацией;
- Принципы и процедуры информирования общественности о деятельности государственных структур;
- Принцип контроля государств над коммуникационной деятельностью, которая осуществляется под юрисдикцией государств и т.д.

Для стран с разными правовыми традициями, характерным подходом к проблеме информационной безопасности является подход, учитывающий такие термины как «до-

ступность», «целостность», «конфиденциальность». В ряде развитых стран, в настоящее время, разрабатывается концепция «электронного правительства», которая основывается на создании государственных информационных ресурсов и на доступе к гражданам к информации о деятельности органов государственной власти. Наиболее эффективным, правовое регулирование обеспечения информационной безопасности, может быть при условии сформулированных правовых основ информационного общества, а также по причине глобального характера сетей связи, информационная безопасность, должным образом, может быть обеспечена только при международном взаимодействии. В России, в настоящее время, уже сформулированы необходимые для перехода к информационному обществу условия. Одно из основного такого условия — это развитие системы нормативного правового регулирования отношений в области обеспечения информационной безопасности. В современном обществе уделяется повышенное внимание именно вопросам информационной безопасности, это подтверждается принятием ряда международных правовых документов, таких как Декларация принципов информационного общества, Окинавская хартия глобального информационного общества, Доктрина информационной безопасности РФ и другие.

Основная проблема развития правового обеспечения информационной безопасности в РФ, связана с реализацией государственной политики в этой области. Система

информационного обеспечения государственной политики в области информационной безопасности представляет собой совокупность государственных органов и других уполномоченных субъектов, которые участвуют в осуществлении информационного сопровождения обеспечения государственной политики, а также установленных нормативно правовыми актами общественные отношения. Государственная политика в области информации, должна основываться на научных и методологических разработках, объединённых в единую концепцию, такую концепцию следует формировать как совокупность целей, что отражают национальные интересы в информационной сфере, а также стратегии и тактики управленческих решений и методов их реализации [4, С. 11–12].

Одним из приоритетных направлений государственной политике в информационной сфере, должно быть развитие правового регулирования общественных отношений, которые возникают в области информационной безопасности. Развитие законодательства в сфере информационной безопасности РФ должно основываться как на соблюдении общеправовых принципов, таких как юридическое равенство граждан, гуманизм, законность и т. д., так и на принципах правового обеспечения информационной безопасности, таких как единство информационного пространства, интеграция в рамках системы международной информационной безопасности, а также соблюдения баланса интересов личности, общества и государства.

Литература:

1. Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии: декларация принципов от 12.12.2003 г. // Законодательство и практика масс-медиа. 2004. Вып. 1.
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: [утверждена 9 сентября 2000 г.] // Российская газета. 2000. № 187.
3. Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента [издан 17 декабря 1997 г.: в ред. от 10 января 2000 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 52. Ст. 5909.
4. Нисневич Ю. А. Информация и власть. М., 2000.

Правовые основы физической культуры и спорта в современной России

Онучин Леонид Александрович, кандидат педагогических наук, доцент;

Гетьман Владимир Дмитриевич, кандидат педагогических наук, профессор;

Аксютенков Владислав Олегович, студент;

Алиев Зайнудин Арсенович, студент

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Целью данной работы является ознакомление с историей и основными правовыми актами Российской Федерации в сфере физической культуры и спорта, регламентирующие правовые аспекты государственной политики физического воспитания.

Ключевые слова: физическая культура, Российская Федерация, физическое воспитание, спорт.

The purpose of this work is to familiarize with the history and basic legal acts of the Russian Federation in the field of physical culture and sports, regulating the legal aspects of the state policy of physical education.

Key words: *physical culture, Russian Federation, physical education, sport.*

Нам издавна необходимы физические упражнения, потому что даже в первобытном обществе она помогала нам осуществлять охоту, добывание полезных ископаемых, вести венные действия и выживать в агрессивном окружающем мире. В современных видах спорта можно найти схожие элементы, которые были присущи основным формам активности народов древнего мира и отражение которых в нынешнее время мы можем найти в Олимпийских играх.

Только в двадцатом столетии физическая культура стала восприниматься как возможность улучшить свои физические навыки и умения, а не как средство выживания. Сейчас ученые доказали: физическая культура помогает оздоровить нацию, продлить продолжительность жизни населения и многое другое. Поэтому правительства различных стран заинтересованы в решении в вопросах спортивного воспитания граждан. В России это одна из приоритетных задач, которая закреплена в статье 41 части 2 Конституции Российской Федерации, гласившая, что поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта.

Занятия физической культурой обретают всё больше значимости на международном уровне. Так, в 21 ноября 1978 года в Париже была подписана Международная хартия физического воспитания и спорта, возводящее право заниматься спортом и физической культурой в основное право каждого человека. Также в ней говорится об эффективном осуществлении прав человека зависит от возможности каждого мужчины и каждой женщины сохранять и развивать свои физические, интеллектуальные и духовно-нравственные способности, и все люди имеют равный доступ, который должен быть гарантирован, к физическому воспитанию и спорту.

В понятие «физическая культура» входит различные аспекты, например, такие как «лечебная физкультура», «спорт», «физическое воспитание» и т.д. Но при этом теоретические вопросы и аспекты мало изучены и открыты для обсуждения.

На сегодняшний день научное сообщество не выработала единого и целого понимания понятия «физическая культура» для государства. В связи с этим кто-то делает больше упор на физическое воспитание (уроки физической культуры в школах), а где-то развивается больше спорт.

Поэтому стоит разобраться в этих терминах.

Физическое воспитание — это деятельность, направленная на воспитание личности, развитие физических возможностей человека, приобретение им умений и знаний в области физической культуры и спорта для формирования здоровья человека с хорошим уровнем физической культуры.

Физическая подготовка — процесс, направленный на развитие физических качеств, способностей (в том числе навыков и умений) человека.

Спорт — это упражнения, связанные с развитием и укреплением организма, а также систематическая организация и проведение спортивных мероприятий в различных областях физической культуры.

Отсутствие системного законодательного регулирования физической культуры приводит к тому, что права некоторых категорий граждан частично и полностью не реализованы. К таким группам относятся спортсмены, которых покупает спортивный клуб, потому что они не имеют права свободно распоряжаться своими способностями. Также к этой группе относятся инвалиды Российской Федерации.

Переход экономики к рыночным отношениям негативно влиял на государственные аппараты управления во всех отраслях. 27 апреля 1993 года Президент России подписал документ об «Основе законодательства Российской Федерации «О физической культуре и спорте»».

Созданный 21 ноября 1991 года Государственный комитет Российской Федерации по физической культуре и туризму, сформировал основные направления развития:

- модернизация системы управления отраслью;
- популяризация физической культуры и спорта;
- привлечение и интеграция финансовых средств.

Реформирования нормативно-правовой базы данной отрасли привело к созданию новой модели, которая имеет предпосылки для саморазвития.

На законодательном уровне гражданам Российской Федерации гарантирован и обеспечен необходимый единый обязательный стандарт физического воспитания, объем и состав услуг в культурно-физической сфере, обозначены жизненно необходимые физические умения, а также задекларированы равные правовые возможности граждан для своего физического совершенствования, которое позволяет реализовать себя в профессиональном спорте. Государство поощряет физическую и спортивную деятельность, способствующая укреплению жизни и здоровья населения. Особенности физической культуры и спорта регламентированы в подзаконных в нормативно-правовых актах субъекта РФ. В нормативно-правовые акты субъекта входят: целевые программы ФКС, образовательные стандарты, учебные планы и программы и т.д.

Сейчас в данной отрасли происходит трансформация спортивного движения. Президентом Российской Федерации 29 апреля 1999 года был подписан Федеральный закон «О физической культуре и спорте». В законе не было сформулировано основополагающих аспектов для государственной политики в сфере физической культуры и спорта. К таким аспектам относятся:

- какова расходная часть бюджета;

- профессиональная подготовка спортсменов;
- льготное налогообложение;
- централизованное управление материально-технических ресурсов;
- отсутствие единого федерального стандарта;
- соотношение полномочий в данной области между федеральными органами и субъектами РФ.

Нормативно-правовые акты, которые были приняты после распада СССР (1991–2000 гг), в общем имеют к этому косвенное отношение. Большую часть из 20 нормативных документов носит констатирующий, декларативный характер, отсутствуют конструктивные, кардинальные законодательные и созаконные нормативно-правовые акты в области физической культуры и спорта.

Новый Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 декабря 2007 № 329-ФЗ 1 утверждает правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области физической культуры и спорта в Российской Федерации, устанавливает ключевые принципы законодательства о физической культуре и спорте. В соответствии с этим законом физическая культура — это часть культуры, являющаяся системой ценностей, норм и знаний, созданных и используемых обществом с целью физического и умственного развития способностей человека, улучшения его двигательной активности и поддержания здорового образа жизни, социальной адаптации с помощью физического воспитания, физической подготовки и физического совершенствования.

Федеральный закон расширил и уточнил понятийный аппарат. Были введены такие понятия, как паралимпийские и сурдлимпийские движения, спортивная дисциплина,

спортивные сооружения, национальный спорт и так далее. Также новым термином является спортивная федерация, основной задачей для которой является пропаганда, развитие спорта и их видов, подготовка сборных и проведение спортивных мероприятий.

Закон 1999 года отличался декларативностью и имел существенные внутренние противоречия, создавая тем самым хаос в движении спорта. Порядок — лучшая демократия в спорте. И новый Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» сегодня выводит спортивную отрасль совершенно на другой уровень развития. Новый закон писался с учётом практики применения старого закона, с учётом изменения законодательства России, всех тех изменений в управлении страной за последнее время. Всё это произошло своевременно, так как спорт в нашей стране является не только общим символом удовлетворения амбиций, у нас имеются замечательные традиции, заложенные не одним поколением выдающихся спортсменов. Зачастую физкультура и спорт выступают единственной альтернативой социальным проблемам, таким как наркомания, алкоголизм, детская преступность — всему тому, что связано с неорганизованностью нашей молодёжи.

Развитие физической культуры и спорта — это одно из приоритетных направлений социальной политики государства. В наши дни спорт в общеобразовательной системе является залогом здоровья нации. Можно всячески совершенствовать и развивать систему здравоохранения, но здоровье — это, прежде всего, физическое развитие с раннего детства. То есть сегодня мы говорим о гармоничном развитии личности молодого, здорового, ставящего перед собой большие цели россиянина.

Литература:

1. Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 29.04.1999 N 80-ФЗ (ред. от 30.06.2007) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».
3. Аллянов, Ю. Н. Физическая культура: учебник для среднего профессионального образования / Ю. Н. Аллянов, И. А. Письменский. — 3-е изд., испр. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 493 с.
4. Алхасов, Д. С. Теория и история физической культуры: учебник и практикум для среднего профессионального образования / Д. С. Алхасов. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 191 с.
5. Теория и история физической культуры и спорта в 3 т. Том 1. Игры олимпиад: учебное пособие для среднего профессионального образования / Г. Н. Германов, А. Н. Корольков, И. А. Сабирова, О. И. Кузьмина. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 793 с.

Проблемные вопросы принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния

Пермякова Екатерина Павловна, студент магистратуры;
Научный руководитель: Пархоменко Светлана Валерьевна, доктор юридических наук, профессор
Иркутский государственный университет

В статье рассматриваются проблемные вопросы принуждения в уголовной правоприменительной практике, вопросы установления истины, действительности и реальности по делу — выявление действительных обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния, физическое принуждение, психическое принуждение, Уголовный Кодекс, законодательство Российской Федерации, правовая коллизия.

The article deals with the problematic issues of coercion in criminal law enforcement practice, the issues of establishing the truth, reality and reality in the case—the identification of actual circumstances that exclude the criminality of the act.

Key words: circumstances precluding the crime of the act, physical coercion, mental coercion, the Criminal Code, the legislation of the Russian Federation, legal conflict.

Правоприменительная практика определяет, присутствуют ли в деянии обстоятельства, исключающие преступность деяния или нет, когда деяние переходит из общественно полезного деяния в общественно опасное, и, наоборот. Пробелы практики применения уголовно-правовых запретов, в которых принуждение составляет ключевое содержание объективной стороны состава преступления, приводит к двойственным толкованиям уголовного закона и, как следствие, к некоторым ошибкам и погрешностям в правоприменительной практике. Это в значительной мере доставляет сложности при пресечении, выявлении преступных деяний, характеризующихся принуждением.

При этом понятие «принуждение» является одним из самых противоречивых дефиниций действующего российского уголовного законодательства. И проведенный анализ статей Уголовного кодекса Российской Федерации и их применение на практике позволяют сделать вывод о том, что положения данных статей составляют только общее представление о содержании понятия «принуждение», поскольку законодателем не дано полного и исчерпывающего определения, что является, на наш взгляд, упущением и пробелом для уголовного законодательства. Кроме этого, следует отметить, что содержательная часть понятия «принуждение» не раскрывается и в постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации. В теории достаточно часто переплетаются такие понятия как: «принуждение» и «насилие», «принуждение» и «понуждение», и только установление в законодательстве четких определений смогут решить данную проблему.

Также УК РФ не содержит определения понятий видов принуждения. Содержание физического принуждения формируется на основе анализа норм, содержащихся в ст. 40 УК РФ и этимологического анализа понятий «принуждение», «физическое воздействие», «психическое воздействие». Существует и психическое принуждение, которое урегулировано нормами ч. 2 ст. 40 УК РФ. Мы знаем, что любое воздействие на психику человека сказывается

на его поступках, и в некоторых случаях лицо, не может руководить своими действиями.

Сравнительный анализ свидетельствует о том, что критерии названных видов принуждения очень схожи друг с другом. Но при этом необходимо различать ситуации, когда обстоятельства физического и психического принуждения могут исключать уголовную ответственность, отягчать или же смягчать уголовное наказание. Данные обстоятельства имеют свои особенности и решение об их наличии или отсутствии принимает только суд.

Так, согласно Апелляционному определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.04.2017 N 46-АПУ17–2, приговор постановлен вопреки положениям ст. 40 УК РФ, не учтены положения п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Наказание назначено без учета роли осужденного в групповом преступлении, в приговоре не приведены содержание телефонных переговоров и выводов о наличии его связи с другими осужденными. В приговоре не отражен тот факт, что из всех осужденных он знал только Бурштейна [4].

Согласно действующему законодательству, все обстоятельства, предусмотренные Уголовным Кодексом РФ, позволяют суду при назначении наказания дифференцированно подходить к каждой конкретной ситуации. Но особая сложность заключается в том, что на практике не всегда удастся верно дать правовую оценку тому или иному виду принуждения. Мы говорим о том, когда одни и те же обстоятельства могут быть как обстоятельствами, исключающими уголовную ответственность или отягчающими, смягчающими уголовное наказание.

Согласно ч. 2 ст. 40 УК РФ вопрос об ответственности решается с учётом ст. 39 УК РФ, т. е. по правилам крайней необходимости, по которым предотвращенный вред должен быть больше причиненного.

Немаловажную роль в правоприменительной практике играет заключение эксперта, которое способно установить действительность, истинность, реальность. В данном случае действительность и реальность принуждения, истин-

ность факта наступления такого события, так как правоприменительная практика учитывает факт принуждения только в реальной действительности, а не вымысел принуждаемого. В таком случае, если все-таки факт принуждения в реальности отсутствует, то его следует рассматривать как мнимое принуждение.

Вернемся к заключению эксперта. Использование специальных познаний экспертов по уголовному делу является важным критерием при вынесении законного и обоснованного решения. Не менее важно, как для самого подсудимого, так и для всей российской уголовно-правовой системы, чтобы специалисты в данной области были антикоррупционированны, объективны и честны при даче заключений по определенным делам. Ведь от ложной экспертизы пострадают невинные, а такого быть не должно. Хотя эксперты и предупреждаются об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, но, считаем, в данном случае это слабый аргумент.

Для решения вышеназванных проблем мы полагаем законодателю необходимо дать определение понятия «принуждение», его видов, чтобы исключить смешения их с иными: «насилие», «понуждение», «непреодолимая сила» и т. д. Иначе на практике будет продолжаться некорректная трактовка данных понятий, что влечет за собой ряд судебных ошибок: начиная с неправильной квалификации преступления, заканчивая приговором суда [3].

Обстоятельства, исключающие преступное деяние, по мнению автора работы, являются необходимыми, так как основная цель уголовного законодательства — наказание виновных и защита невинных. Однако, данная статья довольно часто используются злоумышленниками как попытка избежать правосудия. Судебной практике по уголовным делам известны случаи, когда благодаря данным нормам, многочисленные правонарушители пытались избежать заслуженного наказания и, вследствие отсутствия соответствующих доказательств, уходили от уголовной ответственности.

Сейчас же криминалисты и работники правоохранительных органов столкнулись с правовой коллизией, когда нормы права, направленные на защиту невинных, используются злоумышленниками во избежание наказания.

Также заслуживает внимания правовая коллизия, с которой вынуждены столкнуться работники правоохранительных органов, криминалисты и судьи — соотношение соучастия принуждающего и принуждаемого. В некоторых случаях участники преступления, по предварительному сговору, в случае провала дела, дают показания, в кото-

рых фигуранты дела выступают в качестве принуждаемого и принуждающего, что не отягощает преступление формулировкой «по предварительному сговору, группой лиц» [2].

Приведем пример из судебной практики. Агаева Э. И. являлась главным бухгалтером ООО «Я-Полиглот». Согласно договору о полной индивидуальной материальной ответственности от 01.07.2011 года, Агаева Э. И. приняла на себя полную материальную ответственность за недостачу вверенного ей работодателем имущества, а так же за ущерб, возникший у работодателя в результате возмещения им ущерба иным лицам. Согласно п.8 раздела 2 должностной инструкции главного бухгалтера, утвержденной генеральным директором ООО «Я-Полиглот» Н. Н. от 15.04.2011 года, Агаева Э. И. наделена, наряду с иными, полномочиями по начислению и выдаче заработной платы сотрудникам, в соответствии с выполненной нагрузкой, согласно тарифам, установленным директором по управлению персоналом.

Имея полномочия по начислению и выдаче заработной платы сотрудникам ООО «Я-Полиглот», Агаева Э. И., преследуя корыстные мотивы личного обогащения за счет присвоения вверенных ей денежных средств, решила воспользоваться имеющимися у нее возможностями, определяемыми ее служебным положением, предусматривающим доступ к денежным средствам Общества и вынесла несколько купюр через черный ход и передала их подельнику. После задержания преступников, показания, которые были ими даны органам дознания, позволяли подвести деяния Агаевой Э. И. под ст. 40 УК РФ — физическое или психическое принуждение, которая утверждала, что ее действия были совершены под воздействием гипноза. Только благодаря соответствующей медицинской экспертизе удалось установить, что Агаева Э. И., вследствие своих психологических особенностей, не поддается гипнотическому влиянию [5].

Как видим, нормы статей, исключающих преступность деяния, в частности ст. 40 УК РФ являются необходимыми, так как главная цель уголовного законодательства — наказание виновных и защита невинных. Однако, данная статья может быть использована злоумышленниками как попытка избежать заслуженного наказания. Объективная реальность, с которой на данный момент сталкиваются правоведа и криминалисты — поиск новых методов и разработка доказательной базы для выявления тех злоумышленников, пытающихся избежать наказания посредством статьи 40 УК РФ. Как и отпечатки пальцев, каждый случай уникален и должен быть рассмотрен индивидуально.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. — N 25 — ст. 2954.
2. Борзов И. Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Аллея науки. — 2018. — Т. 4. № 3 (19). — С. 321–324.

3. Кожухова А. С., Кейдунова Е. Р. Актуальные вопросы физического или психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния // В сборнике: общество, экономика и право: современное состояние и вопросы. Материалы X международного научно-практического форума. — 2018. — С. 464–468.
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.04.2017 N 46-АПУ17–2 // URL: <https://ukrfkod.ru/statja-40/>
5. Приговор № 1–14/2015 1–647/2014 от 31 марта 2015 г. по делу № 1–14/2015 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0SdNL2OpyAWn/>

Нормотворчество органов внутренних дел

Перфилова Анна Андреевна, студент магистратуры

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

В данной статье исследуются особенности нормотворческой деятельности органов внутренних дел. Рассматриваются отдельные проблемные вопросы нормотворчества ОВД.

Ключевые слова: *нормотворчество, органы внутренних дел, министерство внутренних дел, законодательная деятельность.*

Исследование особенностей нормотворчества является актуальным, так как важное значение имеет выработка рекомендаций по совершенствованию законодательства, регулирующего процесс законотворчества в нашей стране, ведь существует множество проблемных вопросов в данной области.

Проблемы нормативно-правового регулирования и организации деятельности органов внутренних дел до сих пор вызывают научный и практический интерес ввиду того, что невозможно представить совершенный механизм нормотворчества без детального анализа предыдущего этапа становления и развития ведомственного нормотворчества ОВД.

Несомненно, особое место и роль в масштабе ведомственного регулирования имеет нормотворческий процесс. Данная деятельность регламентируется блоком подзаконных нормативных актов, однако, еще раз отмечая специфику ведомства Министерства внутренних дел Российской Федерации, важно отметить, что режим делопроизводства и режим секретности должны быть соблюдены; таким образом, возникает необходимость в разработке собственного ведомственного нормативного правового акта, который должным образом будет регулировать данные отношения.

На сегодняшний день к существенной проблеме следует отнести процесс систематизации ведомственных нормативных актов, которые должны быть подвергнуты данному процессу в ближайшее время.

Большое количество нормативных правовых актов представлены большим объемом разнородных положений и норм, которые регламентируют различные стороны общественной жизни. В рамках оптимизации государственного аппарата наглядно прослеживается динамика нормотворческой деятельности, и все же важно утверждать о потребности изучения и глубокого научного анализа существующей ведомственной нормотворческой деятельно-

сти. Первоочередно требуется отразить исторический опыт нашего государства, первооткрывателя в данном аспекте. Таким образом, правовой опыт регулирования нормативно-правовой и организационно-управленческой деятельности советской милиции позволяет считать его новаторством, вследствие чего возникает правовая и познавательная значимость данного аспекта

В настоящее время полномочия МВД в нормотворческой деятельности определяются Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и рядом других законодательных правовых актов (Указ Президента РФ от 18 июля 1996 г. N№ 1039) [1].

Правом издания нормативных правовых актов обладают министр внутренних дел, а также лицо, исполняющее его обязанности. Заместители министра, руководители подразделений МВД России правомочны издавать нормативно-правовые акты лишь только в случаях, которые законодательно определены. Содержательная часть издаваемых нормативных актов затрагивает непосредственно компетенцию деятельности МВД России.

В органах внутренних дел немаловажен процесс обобщения практики применения законодательства, прямо касающегося деятельности МВД России, который применяют в процессе разработки предложений по совершенствованию действующего ведомственного законодательства, а также подготовки законопроектов нормативных актов, непосредственно связанных с деятельностью органов внутренних дел.

На сегодняшний день основной проблемой остается установление единства формы и содержания, которая исходит из унифицированности требований как к оформлению (посредством использования юридической техники), так и к предмету правового регулирования. Под формой нормативного акта следует понимать его внешнюю «оболочку», начиная от названия, заканчивая структурой.

Содержание представлено как круг регулируемых вопросов в общем аспекте функционирования нормативно-правового акта. Процесс унификации — выработка общих требований к содержательной части закона, а также установление единообразного оформления.

Важен тот факт, что издаваемые министерством положения, уставы, инструкции, правила и иные нормативные правовые акты должны быть утверждены приказами МВД России. Логично заметить, что ведомственным нормотворческим органам следует помнить о выборе формы кодифицированного акта ввиду того, что к подобного рода документам предъявляются требования по объему, установленному предмету правового регулирования. Немаловажен аспект устранения коллизий и пробелов (выявленных недостатков), которые имеются в правовом регулировании деятельности ОВД. МВД России, как и другие государственные органы, проводит проверку (оценку) фактического воздействия нормативных правовых актов в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 30 января 2015 г. № 83 «Правила проведения оценки фактического воздействия нормативных правовых актов» [2].

МВД России участвует в процессе разработки многих законов, в том числе определяющих порядок участия граждан в охране общественного порядка, установления основ системы профилактики правонарушений в Российской Федерации.

Созданный правовой механизм системы МВД России позволяет реализовывать в полном объеме возможности новой законодательной базы, регламентирующей деятельность рассматриваемого правоохранительного института. В то же время сохраняются типичные проблемы ведомственного правотворчества, как количественные, так и качественные.

Основной проблематикой ведомственного нормотворчества выступает отсутствие функционального аппарата, который является важным элементом в процессе осуществления государственной политики. Основная функция ведомственного нормотворчества — осуществление государственной политики, т. к. с помощью данной функции возможно проанализировать, насколько надежно и эффективно обеспечиваются права, свободы и законные интересы человека и гражданина правоохранительными органами.

Следующий насущный вопрос — это достаточно большое количество существующих на сегодняшний день нормативных актов в ведомственном законодательстве. Так, следует отметить такие числовые количества, как превышение за 60 тысяч ведомственных нормативных правовых актов, что влечет за собой «раздувание» нормативных положений как в смысловой нагрузке, которую они несут, так и «захлапленность» большим количеством норм, что влечет их неисполнение [3].

Считаем, что первоначально в рамках территориального нормотворчества необходимо проводить «инвентаризацию»

местной системы ведомственных нормативных документов посредством их систематизации (учеты, кодификация, унификация, консолидация — данные виды систематизации различны по своей специфике, но именно данный аспект позволит выстроить логичную систему ведомственного законодательства.

Еще одна проблема, как федерального ведомственного нормотворчества, так и территориального, заключается в нестабильности правового порядка в рамках сложившейся системы права, ввиду чего и прослеживается обильное количество различных изменений и дополнений в данные источники.

Следует заметить, что до сих пор действуют ведомственные нормативные акты, которые не соответствуют требованиям общественности и в значительном объеме несут противоречивость в аспекте средств юридической техники и содержат серьезные правотворческие ошибки.

Таким образом, подводя итоги, можно отметить, что:

- ведомственное нормативно-правовое регулирование следует считать инструментарием правотворческой деятельности;
- ведомственное правовое регулирование следует считать неотъемлемым элементом процесса организации деятельности полиции. Исторический анализ ведомственного нормотворчества имеет значение для исследования современного состояния ведомственного нормотворчества;
- сама по себе нормотворческая деятельность выступает системообразующим фактором в механизме правового регулирования деятельности МВД России. Модернизационные процессы ведомственного законодательства нормативных правовых актов в части функционирования правовой системы в целом с учетом современных условий адаптации институциональных преобразований в системе МВД России должны быть направлены, во-первых, на систематизацию нормативных правовых актов, которые необходимо принимать только в рамках предоставленных полномочий по конкретным направлениям деятельности органов внутренних дел, а также единый учет, в том числе с использованием современных поисковых систем, во-вторых, на и систематизацию ведомственных нормативных правовых актов с последующим исключением устаревших и дублирующих норм;
- совершенствование ведомственного механизма нормотворчества является необходимым условием, которое впоследствии стабилизирует комплексность подхода в части оптимизации, систематизации правового регулирования всей деятельности МВД России. Повышение эффективности ведомственного нормотворчества в любом случае ощутимо предопределяет качество правоприменения в целом.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 18.07.1996 N 1039 (ред. от 17.04.2003) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации».
2. Постановление Правительства РФ от 30.01.2015 N 83 (ред. от 29.08.2018) «О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами проведения оценки фактического воздействия нормативных правовых актов»).
3. Шильников И. А. Актуальные проблемы системы оценки деятельности органов МВД России // Российский следователь. 2017. № 19. С. 53–56.

Соотношение финансово-правовой и административной ответственности

Пипченко Максим Игоревич, студент

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

На современном этапе развития финансового права всё больше обостряется вопрос соотношения его как самостоятельной отрасли права с другими. Одной из наиболее близких отраслей права в отношении финансового права выступает административное право. Определение общих и различных черт этих двух правовых ответвлений в сфере ответственности позволят наиболее точно разграничить их ключевые аспекты.

Ключевые слова: правоотношение, ответственность, Конституция РФ, юридическая ответственность, финансово-правовая ответственность, административная ответственность.

Финансовая ответственность — это наложение на правонарушителя осуждения либо ограничения как имущественного, так и неимущественного характера за совершенные им правонарушения в отношении охраняемых законом финансовых правоотношений.

Финансово-правовая ответственность представляет собой одну из разновидностей юридической ответственности, которая, в свою очередь, отсылает к ст. 57 Конституции РФ, содержание которой сообщает: «Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы». Слово «законно» является одним из ключевых терминов, ведь именно оно указывает на то, что осуществление оплаты налогов и сборов законодательно закреплено установленными на территории Российской Федерации нормативно правовыми актами, нарушение которых влечет за собой ту или иную ответственность.

Декан юридического факультета ТГУ Р.Л. Хачатуров считает: «система юридической ответственности — это совокупность норм и институтов права, соблюдение которых обеспечивает правопорядок, а применение их при совершении правонарушения восстанавливает правопорядок. Системное единство юридической ответственности обеспечивается предметом и методом правового регулирования и едиными принципами ответственности». [1, с. 41]. Одним из таких принципов ответственности является принцип правовой определенности — свойство права, которое по-разному может трактоваться в зависимости от рассматриваемой отрасли права, будь то административная или финансовая отрасль права, находит свое отражение в практике ЕСПЧ и представляет собой несколько базовых

компонентов, в числе которых: недопустимость пересмотра (отмены) судебных решений, которые вступили в силу (являются окончательными) и не содержат судебной ошибки и (или) нарушений закона; недопустимость обратной силы закона и иных проявлений, которые нарушают строгость установленных законом сроков; ясность, точность, стабильность правового регулирования; недопустимость действий (решений) государственных органов, которые могут ввести в заблуждение относительно правовых последствий; предсказуемость права, недопустимость произвола и применения непрозрачных методов, подрывающих доверие к праву, госорганам, судам. [2].

Довольно-таки тесная связь просматривается между финансовой и административной ответственностью, что провоцирует некоторых ученых полагать, что финансовая ответственность является разновидностью административной. Однако, это суждение является ошибочным по причине существования ряда отличительных особенностей первой: например, финансовое право считается самостоятельной отраслью права ввиду наличия собственного предмета — общественных отношений, возникающих в процессе осуществления государством его финансовой деятельности — и метода правового регулирования — совокупность специфических юридических признаков финансового права, в которых выражается соответствие его значимости в системе российского права средства и способы регулирования финансовых отношений, в то время как предметом административного права выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе организации и деятельности органов и должностных лиц,

осуществляющих исполнительную и распорядительную деятельность, а методом является совокупность приемов и способов правового воздействия и регулирования общественных отношений, являющихся предметом административного права.

Возвращаясь к вопросу отграничения финансовой ответственности от административной, можно привести в пример труды ученых правоведов Г. А. Кузмичевой и Г. А. Калининой, отстаивающего такую точку зрения, что налоговая ответственность носит административный характер, однако, сразу же противоречат своему высказыванию, сообщая, что довольно таки большое количество норм об административной ответственности содержится в других отраслях права, например, финансовом. [3. Ст. 10]. Так же можно привести в пример положение Центрального Банка РФ от 5 января 1998 года «О правилах организации наличного денежного обращения на территории РФ», в котором го-

ворится о том, что «при необходимости копии справок направляются в соответствующие органы Государственной налоговой службы РФ для принятия к предприятиям мер финансовой и административной ответственности за несоблюдение порядка для работы с денежной наличностью в соответствии с предоставленными им правами». Приведенное выше положение является достаточно ярким примером разграничения финансовой и административной ответственности. [4].

Итак, обращаясь к разновидности общественных отношений, которые составляют предмет финансового права, а так же на основании всего вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что финансовая и административная ответственность — две совершенно разные категории ответственности, наступающие за совершения правонарушения в абсолютно разных общественных правоотношениях.

Литература:

1. Хачатуров Р.Л. Понятие системы юридической ответственности // Вестник Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». Вып. 1. Тольятти: Изд-во ТолПИ, 1998. С. 41.
2. Принцип правовой определенности (Европейский суд) [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://euroclaim.ru/princip-pravovoj-opredelennosti/> (Дата обращения: 12.11.2019).
3. Кузмичева Г.А., Калинина Л.А. Административная ответственность. М.: Юриспруденция, 2000. С. 10.
4. Вестник Банка России. 1998. N 1.

Доктринальное толкование категорий «ошибка» и «заблуждение»

Платонова Татьяна Владимировна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются различные подходы к пониманию таких самостоятельных категорий как «ошибка» и «заблуждение» в доктрине уголовного права. На основе анализа указанных категорий делаются выводы об их соотношении.

Ключевые слова: вина, ошибка, заблуждение, уголовное право.

Современное уголовное законодательство России не соотносит виновность лица с пониманием им юридической природы своего поведения. С позиции принципа вины, тем самым, непонимание лицом противоправности содеянного не имеет уголовно-правового значения, независимо от того, какие уважительные причины назовет подсудимый. В то же время, количество и динамика изменения законов и в особенности подзаконных правовых актов в России превышает пределы гарантированной информированности граждан. Это способствует неправильному осознанию субъектом уголовной противоправности совершаемых деяний.

В современном уголовном праве вопрос доктринального толкования категорий «ошибка» и «заблуждение» всегда являлся актуальным. Это обусловлено тем, что это вопрос о субъективной стороне преступления, весьма противоречиво рассматриваемый наукой уголовного права, что вызы-

вает массу трудностей в обосновании пределов уголовной ответственности, а также в квалификации преступлений.

Большие затруднения вызывают исследования вопроса об ошибке субъекта преступления. Принцип субъективного вменения вины заключается во вменении виновному конкретных обстоятельств, тех, которые он осознавал во время совершения преступления. При этом ответственность за преступление, признаков которого субъект не осознавал исключается.

Но ответственность за такое преступление и наказание за него не исключается и не предполагает автоматическое освобождение от уголовной ответственности

В уголовном законодательстве большей части зарубежных стран активно используется алгоритм привлечения субъекта к ответственности при допущенной ошибке за неосторожное причинение вреда, если совершенные деяния

содержат признаки неосторожного преступления. В других случаях уголовная ответственность лица при фактической ошибке исключается.

При совершении преступных деяний лицо может ошибаться в тех или иных его обстоятельствах, и «ошибка» может существенно влиять на содержание вины, а значит она влияет на пределы уголовной ответственности.

То есть «ошибка» субъекта-причинителя вреда может оказать существенное влияние на квалификацию деяния, так как охватывается признаками субъективной стороны совершенного преступления, определяет его характер и содержание. Поэтому, мнение некоторых авторов, считающих, что «ошибка» — это, прежде всего, отношение лица к своему деянию и его общественно опасным последствиям в психическом смысле весьма обоснована.

Так, по мнению З. Г. Алиева, «ошибка означает психическое отношение лица к своему поведению и его последствиям, имеющее в интеллектуальном и (или) волевом моменте порок, обусловленный заблуждением относительно положений уголовного закона, касающихся преступности деяния, а также объективных свойств, относящихся к элементам состава преступления, либо обстоятельств, исключающих преступность деяния» [1, с. 6].

По мнению В. Ф. Кириченко «ошибка есть неверное представление лица относительно общественной опасности совершаемого им деяния» [4, с. 12–14].

Подобной позиции придерживается и Т. В. Кондрашова, считающая, что «ошибка есть не что иное, как заблуждение лица относительно характера и степени общественной опасности совершенного им деяния и его противоправности» [5, с. 70].

По мнению Т. И. Безруковой, «возможность допущения ошибки изначально заложена в человеческом сознании, поскольку процесс восприятия с участием памяти полностью обуславливает человеческое сознание, делая его всего лишь механическим отражателем реальности» [2, с. 16].

Существование ошибки обусловлено тем, что сознание представляет собой отражение действительности, ее образ, а всякий образ несёт отпечаток как того, что в нем отражается, так и того материала, на котором снимок отпечатывается, и свойств того аппарата, которым он сделан, поэтому в процессе деятельности сознания особое значение имеют различные психологические установки, ориентации лица, налагаемые его общественным положением, а также прошлым жизненным опытом.

В уголовно-правовой литературе российских правоведов предложены и иные определения ошибки.

Например, «заблуждение лица относительно фактических и юридических признаков содеянного»; «неверное, неправильное представление (знание) лица о фактических и юридических признаках или свойствах совершенного деяния и его последствий»; «неверная оценка лицом своего поведения» и другие.

Отличия указанных подходов к пониманию категории «ошибка» заключаются исключительно в выборе авто-

рами того или иного ключевого слова, которое, по их мнению, более точно передают понятие и сущность фактической ошибки.

Однако, при всех возможных различиях в терминах, все они достаточно полно и верно раскрывают понятие ошибки.

Заклучим, что на наш взгляд, ошибкой является неверное знание субъекта преступления, которое сформировалось у него под воздействием неправильного понимания объективных и субъективных признаков совершенного им противоправного деяния, в том числе неверного толкования обстоятельств, исключающих его противоправность.

Обратимся к пониманию «заблуждения» в уголовном праве. С гносеологической точки зрения понятия «ошибка» и «заблуждение» не являются тождественными. Однако, это не так.

Заблуждение, как и преднамеренная ложь является искажением истинной действительности в познании субъекта. В уголовном праве заблуждение проявляется в неправильной интерпретации либо неправильной оценке субъектом преступления положений уголовного закона, а также объективных свойств, относящихся к элементам состава преступления, либо обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Так, по мнению З. Г. Алиева, заблуждение выступает как неправильная мыслительная деятельность, связанная с совершением преступления, и является следствием порока в интеллектуальном и (или) волевом моментах [1, с. 6].

Заблуждение заключается в действительном отсутствии осознания лицом наличия уголовно-правового запрета и которая, следовательно, должна учитываться в качестве обстоятельства, исключающего уголовную ответственность, можно называть добросовестным заблуждением лица относительно запрещенности совершенного им деяния или извинительной юридической ошибкой в запрете.

Ситуации, в которых возможно такое добросовестное заблуждение, довольно многообразны, в связи с чем их необходимо систематизировать. Представляется, что при этом следует использовать два критерия, каждый из которых предполагает по два варианта проявления: причина заблуждения (дефект правотворчества либо дефект восприятия лицом установленных нормативных требований), а также характер ошибки (незнание самого факта наличия уголовно-правового запрета либо незнание его содержания).

По мнению А. Д. Дорогина «варианты проявления заблуждения формируют различные разновидности заблуждения» [3, 78].

Первую разновидность заблуждения в запрете образуют какие-либо нарушения деятельности государства по издаанию нормативных правовых актов, что «выводит» ситуацию из-под действия презумпции знания закона. Предписание, не получившее в установленном порядке надлежащей формы, не имеет юридической силы и не может порождать соответствующих правовых последствий.

В известном смысле можно утверждать, что нет самого закона, знание которого могло бы презюмироваться. Это

вызвано дефектом правотворчества и относится к факту наличия уголовно-правового запрета.

Вторая группа ситуаций добросовестного заблуждения относительно запрещенности содеянного связана с неопределенностью содержания положений нормативных правовых актов, которые по этой причине не могут быть правильно восприняты адресатами — субъектами регулируемых общественных отношений.

Именно в этих случаях наиболее ярко проявляется несовершенство презумпции знания закона. Это обусловлено дефектом правотворчества и характеризует незнание содержания уголовно-правового запрета.

Третьей разновидностью выступает ситуация, в которой действующее лицо не могло узнать о существовании уголовно-правового запрета и ознакомиться с его содержанием.

Четвертая группа ситуаций добросовестного заблуждения относительно запрещенности содеянного состоит в том,

что лицо имело теоретическую возможность ознакомиться с уголовно-правовым запретом, однако в действительности не понимало его содержания.

Таким образом, на наш взгляд заблуждением считается неадекватное представление, понимание действительности, имеющее для субъекта познания видимость истинного знания. Выявление заблуждения осуществляется посредством преодоления видимости его истинности.

Проанализировав толкования категорий «ошибка» и «заблуждение» различными авторами, можно заключить, что «ошибка» и «заблуждение» часто отождествляются, мы же придерживаемся мнения, что которые «ошибка» и «заблуждение» — это самостоятельные феномены, которые могут существовать друг без друга. Наш взгляд категория «заблуждения» является более широким понятием, включающим в себя категорию «ошибка».

Литература:

1. Алиев З. Г. Ошибка как особое обстоятельство оценки поведения субъекта преступления и ее уголовноправовое значение / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.08 — Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право. Работа выполнена на кафедре уголовного права и криминологии Сургутского государственного университета ХМАОЮгры. Москва: Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова, 2007.
2. Безруков Т. И. Фактическая ошибка: вопросы классификации и квалификации / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.08 — Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2008.
3. Дорогин Д. А. Разновидности юридической ошибки, исключаяющей уголовную ответственность // Lex Russica. 2019. № 8 (153). С. 74–85.
4. Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. Изд. Академии наук СССР. М., 1952.
5. Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности // Изд. Гуманитарного ун-та. Екатеринбург, 2000.

Некоторые вопросы квалификации простого убийства

Попов Сергей Александрович, студент магистратуры

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

Статья посвящена анализу некоторых актуальных проблем, возникающих при квалификации простого убийства, поскольку до сих пор нередки случаи неверного трактования следственно-судебной практикой разъяснений Пленума Верховного Суда России, что приводит к искажению квалификации умышленного причинения смерти.

Ключевые слова: понятие убийства, признаки убийства, «простое убийство», квалификация убийства, мотив, Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

The article is devoted to the analysis of some urgent problems that arise during the qualification of a simple murder. In the criminal law literature, the composition of a simple murder has been given a lot of attention not only in the educational literature, but also in the monographic one. But at the same time, cases of misinterpretation by the investigative-judicial practice of the explanations of the Plenum of the Supreme Court of Russia are not uncommon, which leads to a distortion of the qualification of intentional death.

Key words: concept of homicide, signs of homicide, “simple homicide”, qualification of homicide, motive, Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

В рамках исследования теоретических, законодательных и правоприменительных аспектов уголовно-правовой охраны жизни нельзя обойти тот факт, что несмотря на наличие всесторонней, глубокой и широкой изученности проблематики защиты жизни человека от преступных посягательств, в теории и практики применения уголовно-правовых норм остаётся большое количество актуальных проблем.

В ходе изучения невозможно обойтись без привлечения внимания к проблемам квалификации убийств, которые не вызывают сомнений в своей важности и актуальности.

На сегодняшний день остаются действующими разъяснения, установленные постановлением Пленума Верховного суда от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». Однако, встречается мнение многих исследователей о необходимости его доработки в целях повышения эффективности правильного применения законодательства по делам об убийствах [1].

Так, в п.4 Постановления подчёркнуто, что квалификация убийств по ч.1 ст. 105 УК РФ возможна, например, тогда, когда оно совершается в споре или драке при отсутствии хулиганских побуждений, из ревности, по мотивам мести, зависти, неприязни, вражды, тщеславия, ненависти, возникших на почве личных неприязненных отношений [2]. Наряду с этим считаю возможным для обсуждения расширение данного перечня указанием на совершение убийства на почве провокации. Речь о том, когда потерпевший вызывающе ставит под сомнения объективную способность виновного причинить ему смерть, тем самым побуждает его к совершению убийства.

Вместе с тем важно понимать, установление о наличии данных мотивов вовсе не означает необходимость квалификации убийства по признакам ч. 1 ст. 105 УК РФ. С учетом сопутствующих этим мотивам обстоятельств, оснований и условий их возникновения, они могут предопределять и другую квалификацию содеянного. Так, например, если ревность вызвана глубоко аморальными действиями потерпевшего (потерпевшей), то налицо возможность квалификации преступления по ст. 107 УК РФ.

Литература:

1. Мошкин С. В. Некоторые проблемы квалификации убийств // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. VIII междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск: СибАК, 2012. URL: <https://sibac.info/conf/law/viii/26119> (дата обращения: 28.05.2019).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (с изменениями и дополнениями). — URL <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251642/> (дата обращения: 28.05.2019).
3. Семикова Е. О. Проблемы квалификации простого убийства. — URL: <https://novainfo.ru/article/14034> (дата обращения: 28.05.2019).

Значительную сложность представляют и вопросы разграничения составов убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего.

Постановление Пленума ВС РФ предлагает при разграничении обращённости умысла на умышленное лишение потерпевшего жизни и причинении ему смерти по неосторожности «исходить из всех обстоятельств содеянного» и учитывать в качестве таких оснований «способ, орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений, а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения» [2].

Таким образом очевидно, что наибольшее затруднение практических работников в данных ситуациях вызывает исследование устремлённости умысла виновного на причинение конкретных последствий, его оценка в качестве неопределённого (ст. 111. Ч.4 УК РФ) или конкретизированного (ст. 105 УК РФ). В науке уголовного права данные основания разграничения вида умысла являются достаточно проработанными. Так, М. В. Калинин предлагает следующий алгоритм квалификации:

Ст. 105 УК РФ квалифицируется «при наличии конкретизированного умысла на причинение тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни, т. е. умышленного посягательства на здоровье человека в предвидении наступления его смерти»;

Часть 4 ст. 111 УК РФ вменяется «в случаях, когда субъект не предвидит наступления смерти и имеет место либо умысел на причинение тяжкого вреда здоровью, не опасного для жизни, либо неконкретизированный умысел на причинение вреда здоровью, оказавшегося тяжким» [3]. Соглашусь с высказанным ранее мнением Е. О. Семиковой, что именно данными условиями возможно дополнить содержание п. 3. Постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», что позволит существенно улучшить качество правоприменительной практики по данным уголовным делам.

Организация деятельности криптоказино: проблемы привлечения к уголовной ответственности (статья 171.2 Уголовного кодекса РФ)

Попова Юлия Васильевна, студент магистратуры

Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

Азартные игры — одно из любимых развлечений человечества с древнейших времен. Несмотря на вводимые периодические запреты и ограничения на этот вид досуга, его популярность не падает. Развитие цифровых технологий позволило играть всем и в любое время, несмотря на существенные ограничения, установленные в РФ в отношении организации и проведения азартных игр.

Правовые основы организации и проведения азартных игр определены в специальном законе «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». В соответствии с п. 3 ст. 5 которого, деятельность по организации и проведению азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети интернет, а также средств связи, в том числе подвижной связи, запрещена за исключением территории, которая специально определена в законе (специальные игорные зоны). За нарушения указанного требования установлена административная и уголовная ответственность.

В связи со столь жесткими запретами и жесткой системой ответственности многие организаторы азартных игр «ушли» в интернет, где возможности контроля со стороны государства крайне затруднены в силу объективных причин. В целях избежания ответственности со стороны российской правоохранительной системы, виртуальные казино регистрируются в офшорах, где разрешена регистрация казино в интернете, то фактически их пользователи ничего не нарушают. В 2017 году Правительство РФ начало принимать активные меры, направленные на противодействие незаконной организации деятельности онлайн-казино. Банкам и платежным агентам под угрозой наказания должно быть запрещено переводить в адрес нелегальных казино денежные средства резидентов российских банков. Соответствующий законопроект был разработан Минфином РФ, одобрен правительственной комиссией по законопроектной деятельности и в дальнейшем принят [1, с.23]. С 2018 года банкам и платежным системам производить перевод денежных средств между физлицами и нелегальными операторами интернет-казино. Государством будет создан реестр нелегальных букмекеров и операторов онлайн-казино, и кредитным организациям запретят обслуживать транзакции в их пользу. Тем не менее, онлайн-казино всюду изошрются в маскировке кода транзакции. Так называемого MCC (MerchantCategoryCode — «кода категории продавца»), классифицирующего вид деятельности торгово-сервисной точки при операции оплаты по банковским картам [2, с.1].

Второй, и очень популярный способ выхода из ситуации с запретом на производство платежей при нелегальных азартных играх — это использование криптовалюты как средства расчетов. С 01.10.2019 г. в российском законодательстве, спустя несколько лет сложных, острых дискуссий закреплена правовая статус цифровых прав (ст. 128, 141.1 Гражданского кодекса РФ). Однако относительно правовой природы таких цифровых прав дискуссия, очевидно, не прекратилась. Само понятие «цифровые права», как обоснованно, отмечается многими учеными, является крайне широким и неопределенным, позволяет идентифицировать в качестве таковых практически любые права, фиксируемые в цифровой форме. Например, это применительно к балансу мобильного телефона, к баллам, накапливаемым клиентом банка и фиксируемые в информационной системе этого банка, различные бонусы, на которые может претендовать участник компьютерных сетевых игр [3, с.23].

Не упростил подобный подход законодателя и уголовно-правовую оценку противоправной деятельности с использованием криптовалюты, в том числе, в рамках незаконной деятельности по организации и проведению азартных игр.

Российское уголовное право использует две основные категории — имущество и право на имущество, в отдельных статьях — имущественные обязанности (в контексте освобождения от них). Имущество обладает определенным набором признаков, которые традиционно рассматриваются при рассмотрении предмета хищения — физический (наличие определенной материальной формы), юридический (принадлежность определенному лицу) и экономический (полезность, материальная стоимость). Право на имущество представляет собой юридическую категорию, которая включает определенные полномочия собственника, т. е. право владения, использования, распоряжения принадлежащим имуществом [4, с.42].

Как видим, применительно с виртуальными валютами ни одна из представленных дефиниций напрямую не соотносится. Из этого вытекает весьма печальный вывод — лиц, совершивших преступления с использованием криптовалюты, например, используя ее в качестве платежа при организации игры в онлайн-казино, не может быть привлечен к уголовной ответственности, так как отсутствует предмет или средство совершения преступления.

Однако принимая во внимание масштабы оборота криптовалют и последствия невозможности привлечения к уголовной ответственности за подобные нарушения, полагаем, до внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство или выработке новых доктринальных подходов, к криптовалюте применительно к уголовному праву возможно рассматривать как иное имущество [5, с.14].

Аргументируем свою позицию следующим. Понятие виртуальных валют в мировой практике предложено группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF). Такое понятие включает в себя все наиболее значимые признаки криптовалюты. Под виртуальной валютой понимается средство выражения стоимости, представленное в цифровом формате и выступающее в качестве средства обмена, либо расчетной денежной единицы, либо средства хранения стоимости и при этом не подпадающее под понятие законного платежного средства. Таким образом, содержание этого виртуального объекта заключается в следующем — это цифровой актив, имеющий отображе-

ние в информационной форме и обладающий экономической (материальной) стоимостью. Обладать, владеть криптовалютой означает фактически обладать определенным цифровым кодом. При этом криптовалюта имеет реальный эквивалент в денежном выражении. Криптовалюта типа биткоин является виртуальной валютой открытого типа с возможностью двустороннего обмена. То есть, фактически криптовалюта в широком понимании вполне может иметь все признаки традиционного предмета преступления. Указанное позволяет сделать вывод о том, что незаконная организация онлайн-биткоин-казино вполне может быть квалифицирована по ст. 171.2 Уголовного кодекса РФ.

Литература:

1. Власти перекроют россиянам доступ к онлайн-казино // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/02/2017/589d9daf9a79472da2072f77> (дата обращения: 21.11.2019).
2. Законно ли играть в онлайн-казино // Сравни.ру. URL: <https://www.sravni.ru/q/zakonno-li-igrat-v-online-kazino-20636/> (дата обращения: 21.11.2019).
3. Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Известия Саратовского университета. Новая серия. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 331.
4. Уголовное право. Особенная часть: учеб. / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. — М.: Норма, 2001. С. 261.
5. Землюков С. В., Коренная А. А. Правовой статус криптовалюты в уголовном праве // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 3 (101). С. 51.

Правовое регулирование внешнего и внутреннего государственного долга Российской Федерации

Попова Елизавета Андреевна, студент

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

Настоящая статья посвящена вопросу государственного долга Российской Федерации. Автор рассматривает различные подходы к понятию государственного долга, а также анализирует правовое регулирование государственного внешнего и внутреннего долга.

Ключевые слова: *государственный долг, внешний долг, внутренний долг, бюджетное законодательство, федеральный бюджет.*

В настоящее время вопрос регулирования государственного долга остается актуальной проблемой, что обуславливается непосредственным влиянием рассматриваемого института на развитие и состояние бюджетной и кредитно-денежной политики, а также на развитие экономики в целом. Кроме того, проблема правового регулирования государственного долга остается объектом исследования многих ученых-правоведов.

Государственный долг в научной литературе традиционно рассматривается в двух аспектах: как экономическая и финансово-правовая категория. В качестве экономической категории государственный долг в своих трудах раскрывают И. А. Бескова, И. В. Макаренко, Н. В. Орлова и другие. Так, И. А. Бескова полагает, что государственный долг является задолженностью государства

по непогашенным внутренним займам и государственным гарантиям, а также не выплаченным по ним процентам, которые оформляются обязательствами перед физическими и юридическими лицами Российской Федерации [1, с.14]. О. А. Яковлева определяет государственный долг как совокупность экономических отношений, возникновение которых связано с перемещением капиталов из частных и национальных секторов в государственный бюджет на основе их заимствования [2, с. 11]. По мнению Н. В. Орлова, государственный долг следует обозначить как экономический инструмент, с помощью которого государство, получая стоимость от физических и юридических лиц во временное пользование на условиях возмездности и эквивалентности, использует в качестве источника доходов и расходов, основы реализации его интересов [3, с. 11]. Так, ученые,

рассматривая государственный долг как экономическую категорию, акцентируют внимание на том, что денежные средства передаются государству юридическими, физическими лицами и иными субъектами.

В качестве финансово-правовой категории государственный долг исследуется в работах Е. Ю. Грачевой, Н. М. Казанцева, А. В. Карташова, М. М. Порошина и других. В частности, Н. М. Казанцев считает, что государственный долг основывается на сочетании публичных и частных интересов всех субъектов государственного кредитования [4, с. 28]. М. М. Порошин раскрывает государственный долг как систему правовых норм, регулирующих общественные правоотношения, в которых государство выступает субъектом в качестве гаранта или заемщика с целью финансирования дефицита государственного бюджета [5, с. 9]. И. В. Рукавишникова и М. Н. Тоцкий закладывают в основу содержания понятия совокупность обязательств, возникающих из государственных заимствований, гарантий по обязательствам третьих лиц, а также других обязательств, принятых на себя субъектами РФ и Российской Федерацией [6, с. 300–301]. Исходя из этого, авторы, характеризуя государственный долг как финансово-правовую категорию, указывают на публичный характер рассматриваемого института.

Таким образом, рассмотренные научные подходы к определению государственного долга и выявленные его признаки позволяют сформулировать определение государственного долга, представляющей собой юридическую форму публичного финансового обязательства государства перед юридическими и физическими лицами, публично-правовыми образованиями.

На современном этапе развития финансово-правовое регулирование государственного долга в Российской Федерации осуществляется бюджетным законодательством, которое представлено прежде всего Бюджетным кодексом Российской Федерации, в частности, главой 14 БК РФ «Государственный и муниципальный долг», а также принятыми в соответствии с ним федеральными законами о федеральном бюджете и бюджетах государственных внебюджетных фондов РФ, законами субъектов РФ о бюджетах субъектов РФ и муниципальными правовыми актами представительных органов муниципальных образований о местных бюджетах.

Изучая нормативно-правовую базу, считаем важным сказать, что Конституция РФ четко не регламентирует регулирование государственного долга в РФ и, на наш взгляд, наиболее целесообразнее было бы закрепить нормы, регулирующие рассматриваемый институт в Конституции Российской Федерации, которые в дальнейшем конкретизировались бы в финансовом законодательстве. Кроме того, анализируя зарубежное законодательство, мы увидели, что прослеживается тенденция регулирования государственного долга как самостоятельного раздела на конституционном уровне (например, в Швеции, Бельгии, Германии).

Законодательное определение понятия государственного долга находит свое закрепление в ст. 6 Бюджетного

кодекса Российской Федерации, которая устанавливает, что государственный долг представляет собой долговые обязательства публично-правового образования, возникающие из государственных заимствований, гарантий по обязательствам третьих лиц, других обязательств в соответствии с видами долговых обязательств, установленными БК РФ [7].

Долговые обязательства РФ могут быть в форме кредитов, привлеченных от кредитных организаций и субъектов международного права, бюджетных кредитов, привлеченных из других бюджетов бюджетной системы РФ, государственных ценных бумаг, выпущенных от имени РФ, государственных гарантий РФ, иными долговыми об., которые ранее были отнесены к государственному долгу в соответствии с российским законодательством.

В соответствии со статьей 102 БК РФ Государственный долг Российской Федерации, обеспечивается всем находящимся в собственности Российской Федерации имуществом, составляющим государственную казну, и исполняются за счет средств федерального бюджета.

Законодательство Российской Федерации в сфере государственного долга предусматривает его деление на внутренний и внешний по признаку валюты обязательств. Иными словами, если денежные средства заимствуются у российский либо иностранных субъектов в валюте иностранного государства, то долг будет считаться внешним, а в случае с внутренним долгом — в валюте Российской Федерации.

Под внешним государственным долгом следует понимать общую задолженность страны по внешним займам и не выплаченным по ним процентам, выраженных в иностранной валюте.

Непосредственное управление государственным внешним долгом в Российской Федерации осуществляет Правительство РФ в соответствии с Постановлением от 4 марта 1997 г. № 245 «О единой системе управления государственным долгом Российской Федерации» [8]. Здесь управление государственным внешним долгом представлен деятельностью государства, которая реализуется через совокупность финансовых мероприятий по погашению займов, учреждению выплат доходов по ним, осуществлению деятельности по изменению сроков и условий займов, а также по вопросам их размещения.

Следующим важным нормативным актом, регулирующим государственный внешний долг является Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2019 год» от 29.11.2018 № 459, при разработке которого определяются верхний предел государственного внешнего долга РФ, верхний предел внешнего долга перед РФ, предел предоставления гарантий третьим лицам. Так, верхний предел государственного внешнего долга РФ на 1 января 2020 года составляет 64,3 млрд долл. США, а верхний предел государственного внешнего долга Российской Федерации по государственным гарантиям Российской Федерации — 25,0 млрд долларов США [9].

Кроме того, обязательным также является разработка Программы государственных внешних заимствований.

Здесь определяющее значение имеет то, что предельный размер внешних заимствований не должен превышать годовой объем платежей для погашения основной суммы государственного внешнего долга. Внешние заимствования осуществляются на основе международных договоров Правительством РФ или от имени российских юридических лиц. Учет и регистрация заимствований и предоставляемых кредитов в соответствии с приказом Минфина № 140н «Об утверждении Порядка ведения Государственной долговой книги Российской Федерации в Министерстве финансов Российской Федерации» фиксируется Министерством финансов в государственных книгах внешнего долга РФ [10], а их порядок определяется постановлениями Правительства РФ от 19 марта 1992 г. № 173 «О порядке организации работы, связанной с привлечением и использованием иностранных кредитов», от 16 октября 1993 г. № 1060 «Об организации работы, связанной с привлечением и использованием иностранных кредитов», а также на основе норм международного права — Статей Соглашения Международного валютного фонда, Статей Соглашения Международного банка реконструкции и развития.

Что касается совокупного внешнего долга в Российской Федерации, то в 2019 году его размер снизился. Так, если в 2017 году он составлял более 51 млрд долл., то в 2018 он уменьшился до 50 млрд, а по состоянию на 1 марта 2019 года сумма внешнего государственного долга РФ составила 47, 5 млрд. Так, за два года размер внешней задолженности уменьшился на 6,9% [11].

Государственный внутренний долг возникает в валюте Российской Федерации и связан с осуществлением внутренних заимствований. Согласно статье 103 Бюджетного Кодекса РФ под государственными внутренними заимствованиями понимается привлечение заемных средств в федеральный бюджет посредством размещения государственных ценных бумаг РФ, а также в форме кредитов из других бюджетов бюджетной системы РФ, кредитных организаций, международных финансовых организаций, по которым возникают долговые обязательства РФ как заемщика. Указанные заимствования осуществляются на основании программы внутренних заимствований [7].

Программа государственных внутренних заимствований РФ на финансовый год и плановый период представляется приложением к федеральному закону о федеральном бюджете. Так, приложение 35 к Федеральному закону «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» устанавливает государственные внутренние заимствования, сумма которых на 2019 год составляет 1 566 618 725,8 тыс. руб., 100% из объема которых составляют государственные ценные бумаги. Исходя из этого, следует, что государственные ценные бумаги яв-

ляются единственной используемой формой государственных внутренних заимствований [9].

Обслуживание государственного внутреннего долга в РФ производится Банком России и его учреждениями, а Правительство ежегодно публикует сведения о состоянии внутреннего долга за предыдущий финансовый год. Так, согласно данным Министерства финансов, по состоянию на 1 марта 2019 года внутренний долг Российской Федерации оценивается в 2,11 трлн рублей. Сравнивая с 2017–2018 гг., наблюдается тенденция к уменьшению задолженности за счет выполнения обязательств перед держателями ценных бумаг и финансовыми компаниями. Раньше размер внутреннего долга составлял 2,3–2,35 трлн рублей. Учитывая все факторы, размер внутреннего государственного долга уменьшился примерно на 8,3% [12].

Учитывая значение государственных облигационных форм обязательств в структуре государственного долга, необходимо отметить, что помимо Бюджетного кодекса РФ и ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый 2020 и 2021 годов» нормативно-правовой базой внутреннего государственного долга являются Постановление Правительства РФ от 6 ноября 2001 г. № 771 «Вопросы эмиссии и обращения государственных сберегательных облигаций» [13], Постановление Правительства РФ от 03.07.1997 № 812 «О выпуске облигаций государственных нерыночных займов» [14], а также акты Министерства финансов РФ и Банка России, которые определяют порядок эмиссии, обращения и выкупа государственных ценных бумаг.

Рассматривая финансовые правоотношения, возникающие в сфере государственного внутреннего долга, и их финансово-правовое регулирование, следует раскрыть и вопросы установления верхнего предела государственного внутреннего долга, закрепленного бюджетным законодательством. В федеральном законе «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый 2020 и 2021 годов» прослеживается тенденция к увеличению верхнего предела государственного внутреннего долга РФ. Верхний предел государственного внутреннего долга в соответствии с законом на 1 января 2020 года обозначен суммой в 11 329 480 816,7 тыс. руб., на 1 января 2021 года — 13 500 046 376, 6 тыс. руб., а на 1 января 2022 года — 15 176 325 636, 6 тыс. руб.

Таким образом, проблема государственного долга является чрезвычайно важной для нашей страны. Несмотря на то, что с каждым годом величина госдолга уменьшается, экономическая ситуация в стране не улучшается, поэтому для решения этой проблемы государству необходимо разработать продуманную долгосрочную программу, обеспечивающую рациональное и продуманное погашение как внешнего, так и внутреннего долга.

Литература:

1. Бескова И. А. Управление государственным внутренним долгом в Российской Федерации: дис... канд. экон. наук. М., 2002. 26 с.

2. Яковлева О. А. Государственный внутренний долг: источники финансирования и воздействие на экономику России: дис... канд. экон. наук. М., 1997. 133 с.
3. Орлова Н. В. Государственный внутренний долг как инструмент макроэкономической политики: автореф. дис... канд. экон. наук. Саратов, 2004. 164 с.
4. Институты финансового права/Казанцев Н. М. и др.; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; под ред. Н. М. Казанцева. Москва, 2009. 509 с.
5. Прошунин М. М. Финансово-правовые вопросы управления государственным долгом Российской Федерации: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2003. 193 с.
6. Финансовое право: учеб. пособие/под ред. Рукавишниковой И. В. М., 2009. 384 с.
7. Бюджетный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823; 2014. № 52.
8. Постановление Правительства РФ от 4 марта 1997 г. N 245 «О единой системе управления государственным долгом Российской Федерации»// Собрание законодательства Российской Федерации. 1997 г. № 10. Ст. 1184.
9. Федеральный закон от 29.11.2018 N 459-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов»// Российская газета. 2018 г. № 273.
10. Приказ Минфина РФ от 20 декабря 2007 г. N 140н «Об утверждении Порядка ведения Государственной долговой книги Российской Федерации в Министерстве финансов Российской Федерации»// Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008 г. № 6.
11. Государственный внешний долг Российской Федерации // Министерство финансов России URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/external/structure/ (дата обращения: 10.11.2019).
12. Объем государственного внутреннего долга Российской Феде // Министерство финансов России URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/internal/ (дата обращения: 10.11.2019)
13. Постановление Правительства РФ от 6 ноября 2001 г. № 771 «Вопросы эмиссии и обращения государственных сберегательных облигаций»// Российская газета. 2001 г. № 222.
14. Постановление Правительства РФ от 3 июля 1997 г. N 812 «О выпуске облигаций государственных нерыночных займов»// Собрание законодательства Российской Федерации. 1997 г. № 27. Ст. 3246.

Некоторые вопросы правового регулирования валютных правоотношений

Пшеничная Кристина Сергеевна, студент

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Ростов-на-Дону)

В настоящей статье анализируется система валютного регулирования в Российской Федерации на современном этапе развития. Рассмотрены объекты и субъекты правового регулирования, цели и инструменты валютного регулирования.

Ключевые слова: правовое регулирование, валютное регулирование, валютная политика, валютные отношения.

В настоящее время всю большую актуальность приобретает проблема регулирования валютных правоотношений, это обуславливается необходимостью регулирования валютных операций, совершаемые всеми субъектами валютных отношений. Валютная политика на современном этапе развития является одним из направлений деятельности любого государства и имеет своей целью стабилизацию курса национальной валюты, обеспечение ее конвертируемости, защиту внутреннего валютного рынка, обеспечение функционирования валютно-финансовых механизмов, а также поддержание стабильности платежного баланса страны. Курс валютной политики формирует и направляет валютное регулирование отношений, возникающих во время деятельности субъектов валютных правоотношений.

Валютные правоотношения являются предметом валютного права, и под ними следует понимать общественные

отношения, имеющие властно-имущественных характер и урегулированные нормами валютного законодательства, а также складывающиеся в процессе совершения валютных операций и осуществления валютного регулирования и валютного контроля [1, с. 38].

Однако следует отметить, что правоведы в своих исследованиях отмечают, что данный предмет не является собственным, поскольку валютные отношения регулируются не только валютным правом, но и нормами финансового, международного, гражданского, административного, конституционного права [6, с. 13]. Конечно, в вопросах регулирования валютных правоотношений финансово-правовые нормы имеет определяющее значение. Это объясняется тем, что изначально институт валютного регулирования и валютного контроля возник в системе финансового права, а валютные отношения возникали лишь в сфере финансо-

вой деятельности государства процессе образования, распределения и использования валютных ценностей и валюты [3, с. 11].

Традиционно понятие регулирования рассматривают в двух аспектах. В широком смысле валютное регулирование является одним из направлений государственной деятельности в области финансов, которое выражается в проведении экономических и юридических мероприятий целях защиты национальной валюты. В этом понимании оно выражается в установлении и формировании правовых норм императивного характера с применением в основном экономических механизмов. В узком смысле валютное регулирование представляет собой инструмент экономической и валютной политики, который направлен на введение различных видов ограничений на проведение операций резидентов и нерезидентов с иностранной валютой и другими валютными ценностями путем дифференциации, лицензирования и контроля [2, с. 694]. Так, учитывая приведенные определения, под валютным регулированием следует понимать деятельность государства, сосредоточенную на упорядочивании расчетов и последовательную реализацию сделок с валютными ценностями, с помощью которого государство осуществляет регулирование валютных операций, а также выдачи иностранным юридическим и физическим лицам кредитов и ссуд, вывоза и ввоза, перевода валют за рубеж с целью сохранения стабильности и устойчивости платежного баланса.

Объектами валютного регулирования признаются порядок и условия совершения операций в валютах, операций и сделок с иными валютными ценностями, а также торговые и другие экономические отношения с нерезидентами. Субъектами, подвергающиеся регулированию являются: резиденты и нерезиденты, эмиссионные и девизные банки, а также правительства по вопросам размера кредитования иностранными государствами или Центральным банком.

Нормативно-правовая база в сфере валютных правоотношений формируется и обновляется в соответствии с условиями развития экономики страны. В РФ законодательные акты, регулирующие валютные отношения принимаются Президентом РФ, высшими законодательными органами РФ, которые впоследствии конкретизируются и пополняются актами Правительства РФ, а также руководящими документами Центрального Банка РФ и актами других ведомств [4, с.39].

Так, источником правового регулирования валютных правоотношений в Российской Федерации следует назвать прежде всего Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле», который определяет правовое положение органов валютного регулирования и валютного контроля, условия осуществления валютных операций на территории Российской Федерации с использованием национальной и зарубежной валют, правомочия физических и юридических лиц при владении, пользовании и распоряжении валютными ценностями, а также ответственность за несоблюдение валютного законодательства [7].

Кроме того, валютные правоотношения регулируются отдельными положениями федеральных законов «О банках и банковской деятельности» (ст. 5,36), О Центральном банке Российской Федерации (ст. 35, 61, 70), О драгоценных металлах и драгоценных камнях (ст. 1, 2, 6, 8, 15, 20, 21), указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, нормативные акты ЦБ РФ и Министерства финансов.

Осуществление и исполнение валютного законодательства возлагается на органы валютного регулирования, которые представлены в Российской Федерации Банком России и Правительством РФ. Центральный банк Российской Федерации предоставляет коммерческим банкам право на выполнение валютных операций, осуществляет контроль над совершением указанных операций, управляет ими путем принятия нормативных актов и устанавливает пределы в отношении внешних заимствований. Уполномоченные коммерческие банки подотчетны ЦБ РФ и, в свою очередь, осуществляют ежедневный контроль за исполнением валютных операций, соблюдением принятых ограничений на переводы капиталов, а также за перемещением средств на корреспондентских счетах российских банков в иностранные банки.

Центральный Банк РФ и Правительство РФ, реализуя валютную политику, управляют динамикой валютного курса, устанавливают систему валютного курса рубля, погашают правительственный внешний долг, управляют внешнеэкономической деятельностью, а также осуществляют воздействие на положение на валютном рынке.

При осуществлении правового регулирования валютных правоотношений применяются различные инструменты, которые условно можно подразделить на административно-правовые и рыночные [5, с. 215].

Применение административно-правовых инструментов подразумевает установление режима исполнения операций с валютными ценностями через установление прямых запретов и ограничений и порядка проведения данных операций. Деятельность административно-правовых инструментов проявляется в непосредственном влиянии на цену и объем исполнения валютных операций.

Рыночные инструменты, в свою очередь, подразделяются на инструменты прямого и косвенного регулирования. Прямыми экономическими инструментами являются меры прямого воздействия на субъектов валютных правоотношений: обесценивание или повышение ценности национальной валюты, налогообложение трансграничных денежных потоков, неременное резервирование и другие.

Использование инструментов косвенного воздействия не проявляется в непосредственном воздействии на объем и размеров проводимых валютных операций, однако их применение все же влияет на валютный рынок. Так, например, к косвенным инструментам можно отнести валютные интервенции, использование которых дает возможность государству пресекать атаки на национальную валюту и стабилизировать состояние валютных курсов, что ориентирует экономических агентов на принятие решений.

Таким образом, необходимо обратить внимание, что одной из наиболее неустойчивых в сегодняшнем мире, пожалуй, является сфера валютных отношений. Для решения злободневных вопросов необходимо использование всего объема мер валютного регулирования, которые являются инструментами валютной политики и имеют опре-

деляющее значение, а также представляется обязательным повышение качества нормативной основы, способов контроля и формирование отработанного режима взаимодействия абсолютно всех субъектов: органов валютного регулирования, компаний-экспортеров и импортеров, агентов валютного контроля.

Литература:

1. Емелин А. В. Валютные правоотношения: понятие и классификация // Деньги и кредит. 2001. № 2. С. 37–42.1
2. Крохина Ю. А. Финансовое право: учебник. М.: Норма. 2011. 720 с.
3. Крохина Ю. А. Понятие и содержание валютного права Российской Федерации // Финансовое право. 2010. № 5. С. 10–14.
4. Курбанова, Х. И. Валютное регулирование в современной России [Текст] / Х. И. Курбанова // Российское предпринимательство. 2014. № 6 (54). С. 38–43.
5. Крашенинников, В. М. Валютное регулирование в системе государственного управления экономикой [Текст]: учебник / В. М. Крашенинников. М.: Экономика, 2013. 400с.
6. Тютин Ю. В. К вопросу о месте валютного права в системе российского права и законодательства // Финансовое право. 2008. № 1. С. 11–16.
7. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Российская газета. 2003 г. № 253.

Понятие, значение и особенности производства по делам о примирении

Рахимова Ульзана Хамидуллаевна, преподаватель

Ташкентский государственный юридический университет (Узбекистан)

В статье рассматриваются отдельные вопросы развития института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением в Республики Узбекистан, его состояние на сегодняшний день. В статье изложены обязательные условия, присущие примирению, а именно это совершение преступления, предусмотренного данной статьей, возмещение причиненного ущерба потерпевшему со стороны виновного и прощение потерпевшего, при наличии которых возможно освобождение лица от уголовной ответственности.

Ключевые слова: институт примирения, примирение сторон, способ урегулирования уголовно-правового конфликта, уголовно-процессуальное законодательство, возмещение причиненного ущерба.

Примирение по уголовным делам представляет собой разновидность уголовно-процессуальной деятельности, предназначенной для урегулирования уголовного конфликта между потерпевшим и обвиняемым. Примирение потерпевшего с обвиняемым проявляется в следующем:

- охране прав и законных интересов потерпевшего и обвиняемого;
- борьбе с преступностью;
- воспитании граждан в духе взаимного уважения и доверия друг к другу.

Институт примирения был введен в действующее уголовное законодательство Законом Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Административный кодексы Республики Узбекистан в связи с либерализацией уголовных наказаний» 29 августа 2001 года. [1]

В первом квартале 2019 года в результате эффективного применения института примирения 1804 лица были освобождены от уголовной ответственности. [2]

Процессуальный порядок производства по делам о примирении регламентирован главой 62 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан.

Внедрение института примирения в уголовное судопроизводство обусловлено характерными особенностями практического применения данного порядка:

1. Уголовные дела, рассматриваемые в связи с примирением, предусмотрены ст. 66¹ Уголовного кодекса Республики Узбекистан, данный перечень является исчерпывающим;
2. Производство по делам о примирении включает в себя возбуждение уголовного дела, предварительное расследование и судебное производство;
3. На дознании и предварительном следствии подлежит доказыванию следующее:

- а) был ли ранее судим подозреваемый, обвиняемый;
 - б) совершено ли преступление именно подозреваемым, обвиняемым;
 - в) возмещен ли полностью причиненный преступлением вред; г) подано ли потерпевшим добровольно заявление о примирении;
4. Судебное производство проводится на основании материалов дела, постановление следователя о примирении с резолюцией прокурора, заявление потерпевшего о примирении;
5. Судебное заседание состоит из подготовительной части, судебных прений и вынесения определения о примирении;
6. Одной стороной в суде выступают прокурор и потерпевший, его представители, а другой стороной — подозреваемый, обвиняемый, подсудимый и его защитник;
7. В случае если на дознании или предварительном следствии не было достигнуто соглашение о примирении, то потерпевший вправе подать заявление о примирении до того, как суд удалится в совещательную комнату для вынесения решения. В подобном случае судебное заседание состоит из пяти частей;
8. На определение, вынесенное по делам о примирении, может быть подана частная жалоба или частный протест.
- В статье 66¹ Уголовного кодекса указан перечень составов преступлений, по которым возможно производство по делам о примирении. Следует обратить внимание на то, что перечень является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. В частности, умышленное средней тяжести телесное повреждение (ст. 105 УК), причинение умышленного тяжкого или средней тяжести телесного повреждения в состоянии сильного душевного волнения (ст. 106 УК), причинение умышленного телесного повреждения при превышении пределов необходимой обороны (ст. 107 УК), причинение умышленного телесного повреждения при превышении мер задержания лица, совершившего общественно опасное деяние (ст. 108 УК), умышленное легкое телесное повреждение (ст. 109 УК), умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 173 УК), нарушение правил пользования электрической, тепловой энергией, газом, водопроводом (ст. 185 УК) и т. д. Стоит отметить, что данный перечень расширяется, свидетельством тому является принятый 8 июля 2019 года Закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы Республики Узбекистан и Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности». Согласно данному закону, часть первая статьи 66¹ Уголовного кодекса была дополнена ещё одним составом преступления, по которому также возможно примирение, а именно часть первая статьи 141² (нарушение законодательства о персональных данных).

Во всех вышеперечисленных преступлениях присутствует причинение вреда потерпевшему. В производстве по делам о примирении, вопрос о прощении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого полностью предоставлен на волю потерпевшего, то есть основная инициатива в ре-

шении вопроса о примирительном производстве в установленном в законе порядке принадлежит потерпевшему (гражданскому истцу) или его представителю.

Можно сказать, что примирение — это не одно из условий, а производное из совокупности ряда факторов, результат согласия сторон, по достижению которого допустимо принятие осведомленным государственным органом постановления о прекращении уголовного дела, преследования по рассматриваемому основанию. Обстоятельства, связанные непосредственно с примирением сторон, в отличие от элементов состава материально-правового основания, представляют собой посткриминальные действия сторон, то есть производятся искусственно после события преступления участниками, заинтересованными в результате дела именно путем примирения. Данные обстоятельства можно наименовать предпосылкой прекращения уголовного дела первой очереди — они определяют факт примирения сторон. Наличествуют и условия второй очереди, именуемые факультативные обстоятельства, которыми может быть определено принятие решения о прекращении уголовного дела. [3]

Согласно статье 583 УПК Республики Узбекистан, заявление о примирении может быть подано потерпевшим (гражданским истцом) либо его законным представителем на любой стадии дознания и предварительного следствия, а также судебного разбирательства, но до удаления суда в совещательную комнату.

Заявление о примирении во всех случаях подается в письменной форме с указанием сведений о заглаживании причиненного преступлением вреда (или отказе потерпевшего от возмещения ему вреда) и просьбой о прекращении уголовного дела в связи с примирением.

Если заявление о примирении подано в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции, суд немедленно приступает к его рассмотрению.

Если по делу имеется несколько потерпевших, то производство по делу о примирении возможно только при достижении примирения со всеми потерпевшими.

Заявление может быть подано только в письменной форме, должно быть исключительно добровольным и содержать сведения о заглаживании причиненного преступлением вреда (или отказе потерпевшего от возмещения ему вреда) и просьбой о прекращении уголовного дела в связи с примирением. Также необходимо учитывать, что в случаях, когда по делу наряду с потерпевшим участвует и гражданский истец, для возбуждения производства по делам о примирении требуется подача соответствующего заявления как потерпевшим, так и гражданским истцом. [4]

При приеме заявления дознаватель, следователь, прокурор и суд обязаны разъяснить потерпевшему (гражданскому истцу) или законному представителю правовые последствия примирения, а именно то, что при утверждении примирения судом он теряет право заявлять ходатайство о возобновлении производства по данному делу.

Такие же требования установлены законом и в тех случаях, когда по делу имеются один подозреваемый, обви-

няемый, подсудимый и несколько потерпевших. При отсутствии соответствующего заявления хотя бы от одного из потерпевших, производство по делам о примирении исключается. В таких случаях производство по уголовному делу ведется на общих основаниях.

Когда по делу участвуют один потерпевший (гражданский истец) и несколько подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, закон допускает возможность достижения примирения потерпевшего (гражданского истца) с отдельно взятыми из них. В таких случаях часть дела в отношении подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, с которыми достигнуто примирение, выделяется и направляется в суд в порядке статьи 584 Уголовно-процессуального кодекса, а в отношении остальных производство осуществляется на общих основаниях.

Результат изучения зарубежного опыта показывает, что во многих странах также действует институт примирения, например, в Российской Федерации [5], Азербайджане [6], Белоруссии [7], Туркменистане [8] и других странах.

На практике существуют проблемы, связанные с возмещением вреда причинному потерпевшему, так как об-

виняемому (подсудимому), зачастую не хватает времени возместить вред потерпевшему, причинный действиями обвиняемого. Исходя из этого считаем, что Главу 62 УПК Республики Узбекистан регулиющую производство по делам о примирении, необходимо дополнить статьёй, которая бы содержала понятие «соглашение о примирении». Данное предложение поможет более эффективно применять институт примирения, и тем самым увеличит число лиц, которые будут освобождены от уголовной ответственности. Так как в случае заключения соглашения о примирении вред, причиненный потерпевшему действиями обвиняемого, может быть устранен и в будущем (с указанием четких сроков возмещения и последствий их нарушения в самом соглашении), то есть даже после принятия судом решения.

Как показывают данные судебной статистики и результаты обобщения судебной практики по делам о примирении, введение данного института в уголовное законодательство явилось эффективным средством в либерализации уголовно-правовых отношений. Данный институт позволяет более надежно защищать права человека, снижает состояние судимости в республике.

Литература:

1. Пайзиев Д. Ю. Институт примирения по законодательству Республики Узбекистан. <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-primireniya-pozakonodatel-stvu-respubliki-uzbekistan>
2. <https://podrobno.uz/cat/obchestvo/v-uzbekistane-chislo-rassmo/>
3. Сивин И. А. Некоторые проблемы нормативного регулирования и практики прекращения уголовного преследования (дела) в связи с примирением сторон. // «Государство и право. Юридические науки», 2011. С. 408–410.
4. Постановления Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 25 октября 2002 года № 27 «О судебной практике по делам о примирении». <http://lex.uz/docs/1453537>
5. Официальный правовой-информационный интернет портал Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pravo.gov.ru/ (дата обращения. 25.10.2019).
6. Единая электронная база Нормативно-правовых актов министерства Юстиции Республики Азербайджан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.e-qanun.az/ (дата обращения: 25.10.2019).
7. Национальный правовой интернет портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/ (дата обращения: 25.10.2019).
8. Сайт правового информационного центра Туркменистана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.minjust.gov.tm/ru/ (дата обращения: 25.10.2019).

Преодоление конкуренции общей и специальной уголовно-правовых норм

Репкина Алёна Юрьевна, студент магистратуры

Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Прежде чем проанализировать особенности преодоления конкуренции общей и специальной уголовно-правовых норм, следует, на наш взгляд, в общих чертах охарактеризовать преодоление конкуренции.

Как отмечает Л. В. Горбунова, существует два основных способа разрешения конкуренции уголовно-правовых норм, к числу которых относится устранение и преодоление.

Устранение как способ разрешения конкуренции уголовно-правовых норм имеет место в случае конкуренции, возникшей по субъективным причинам, в то время как конкуренция, возникшая по объективным причинам, разрешается посредством преодоления. При этом устранение конкуренции уголовно-правовых норм предполагает отмену одной из конкурирующих норм или, как вариант, внесение в нее

изменений, т. е. в данном случае речь идет о законотворческом пути устранения конкуренции, влекущем за собой, как правило, полное исчезновение данного правового явления. Однако гораздо более часто на практике встречается преодоление конкуренции уголовно-правовых норм, предполагающее использование определенных коллизионных принципов и правил, представляющих собой основные начала выбора нужной нормы из нескольких конкурирующих. [1, с. 193]

Стоит заметить, что подобным образом оценивает преодоление конкуренции уголовно-правовых норм и А. В. Корнеева, понимающая под ним выбор необходимой уголовно-правовой нормы при квалификации преступлений, осуществляемый на основе правил и принципов, предусмотренных как нормами уголовного права, так и системой уголовного права, общей теорией права и т. д. [2, с. 57]

Вполне очевидно, что преодоление конкуренции уголовно-правовых норм, представляя собой выбор необходимой и наиболее подходящей для конкретной ситуации уголовно-правовой нормы, основывается на применении определенных принципов и правил. В контексте указанного обстоятельства особенностью преодоления конкуренции общей и специальной уголовно-правовых норм является закрепленность такого правила в ч. 3 ст. 17 УК РФ, устанавливающей приоритет специальной нормы.

Иными словами, как отмечают Ж. С. Дмитриева и В. М. Чупров, «... при всех видах конкуренции общей и специальной норм действует классическое правило: специальный закон отменяет действие закона общего» [3, с. 16], поскольку, как отмечает В. Б. Шакин, «... после продолжительного периода практических и теоретических работ по разрешению указанного вида конкуренции, законодатель официально закрепил правило преодоления конкуренции общей и специальных норм» [4, с. 113].

Ярким примером применения указанного правила на практике является квалификация получения взятки по ст. 290 УК РФ, которая является специальной, а не по ст. 285 УК РФ, которая в данном случае является общей, а также квалификация посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, по ст. 295 УК РФ, являющейся специальной, а не по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, которая в данном случае является общей.

Помимо этого, как особо отмечает Л. Д. Гаухман, ч. 3 ст. 17 УК РФ применяется также в случае конкуренции уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность общего и специального субъектов преступления, поскольку в подобных ситуациях правоприменитель ориентируется, как правило, на нормы, предусматривающие ответственность специального субъекта [5, с. 294–295]. Так, например, Х. совершил служебный подлог, т. е. внесение должностным лицом в официальные документы заведомо ложных сведений, совершенное из иной личной заинтересованности при следующих обстоятельствах. Х., являясь исполняющим обязанности заведующего хирургическим отделением, тем самым являясь должностным

лицом, временно выполняющим организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, находясь в помещении больницы, имея умысел на использование своих должностных полномочий вопреки интересам службы, из иной личной заинтересованности, выразившейся в извлечении выгоды неимущественного характера, обусловленного желанием приукрасить действительное положение хирургического отделения, т. е. в нормальном функционировании деятельности отделения, в создании видимости своей профессиональной состоятельности перед вышестоящим руководством и успешного выполнения возложенных на него обязанностей, в целях повышения показателей своей работы внес в медицинские карты ложные сведения о нахождении нескольких граждан на стационарном лечении, при этом будучи достоверно осведомленным о том, что эти услуги указанным гражданам не оказывались. Впоследствии руководство больницы, не осведомленное о противоправных действиях Х., представило в ЗАО «МАКС — М» счет, содержащий сведения об оказании медицинских услуг указанным гражданам, получив на основании указанного обстоятельства необоснованное финансирование. Действия Х. были квалифицированы органами предварительного следствия как совокупность преступлений по ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 292 УК РФ как должностное злоупотребление и служебный подлог. В свою очередь, суд квалифицировал действия Х. по ч. 1 ст. 292 УК РФ, исключив ч. 1 ст. 285 УК РФ как излишне вмененную в виду того, что в данном случае нет состава предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, поскольку нет существенного вреда. Исходя из этого, налицо не совокупность преступлений, а конкуренция правовых норм, при которой одно и то же деяние подпадает под действие двух или более статей УК РФ, а ст. 285 УК РФ является общей нормой предусматривающей все случаи злоупотребления должностными полномочиями.

Правила квалификации преступлений при конкуренции норм установлены в ч. 3 ст. 17 УК РФ и состоят в том, что если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует, и уголовная ответственность наступает по специальной норме. [6]

Стоит заметить, что помимо ч. 3 ст. 17 УК РФ, принципы и правила, на основании которых осуществляется преодоление конкуренции общей и специальной уголовно-правовых норм, устанавливаются в практике высших судебных инстанций. В частности, из п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» следует, что преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 256 УК РФ, ч. 2 ст. 258 УК РФ и п. «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ, отличаются специальным субъектом. Исходя из этого, Пленум Верховного Суда РФ особо отмечает, что поскольку «... в указанных нормах специально предусмотрена ответственность за деяния, совершенные с использованием служебного положения, содеянное квалифицируется только по ч. 3 ст. 256, или ч. 2 ст. 258, или п. «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ

без совокупности с преступлениями, предусмотренными статьями 201 или 285, 286 УК РФ». [7]

Аналогичные правила имеются и в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», в соответствии с которым «... если использование должностным лицом своих служебных полномочий выразилось в хищении чужого имущества, когда фактически произошло его изъятие, содеянное полностью охватывается ч. 3 ст. 159 УК РФ или 3 ст. 160 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 285 УК РФ не требует». [8]

В свою очередь, из п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», следует, что «... в тех случаях, когда лицо содействует террористической деятельности путем финансирования незаконного вооруженного формирования, его действия охватываются ч. 1 ст. 208 УК РФ и дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ как финансирование терроризма не требуется». [9]

Стоит заметить, что некоторые ученые отмечают, что конкуренция общей и специальной уголовно-правовых норм, как и конкуренция специальных уголовно-правовых норм, не является однородной, отличаясь наличием нескольких разновидностей. В частности, Л. Д. Гаухман утверждает, что одним из вариантов применения ч. 3 ст. 17 УК РФ является достаточно широко применяемое на практике утверждение о том, что квалифицированный или привилегированный состав преступления всегда обладает приоритетом перед основным видом. В качестве примеров указанной ситуации ученый приводит соотношение ч. 1 и ч. 2 ст. 158 УК РФ, в котором ч. 2 ст. 158 УК РФ, представляя собой квалифицированный состав преступления, является специальной нормой, а также соотношение ч. 1 ст. 105 УК РФ и ст. 106 УК РФ, в котором ст. 106 УК РФ, представляя собой привилегированный состав преступления, является специальной нормой по отношению к ч. 1 ст. 105 УК РФ [5, с. 295–296]. Примечательно при этом то, что к конкуренции общей и специальной уголовно-правовых норм ученый относит конкуренцию, возникающую между несколькими квалифицированными составами преступления, в рамках которой более тяжкий квалифицирующий признак поглощает менее тяжкий. Подобное мнение, по сути, является схожим с упоминавшимся нами ранее мнением о том, что практически любая конкуренция уголовно-правовых норм в конечном счете сводится к конкуренции общих и специальных уголовно-правовых норм.

Стоит заметить, что такую же точку зрения на разновидности конкуренции общих и специальных уголовно-правовых норм разделяет М. З. Александр, утверждающий, что рассматриваемая конкуренция возникает применительно к составам основного и квалифицированного преступлений, а также применительно к квалифицированным составам преступлений. Преодоление конкуренции в пер-

вом случае осуществляется посредством квалификации преступления по норме, предусматривающей квалифицированный состав, а во втором — по норме, предусматривающей особо квалифицированный состав. Соответственно, как отмечает ученый, законодательные приоритеты во всех возможных случаях являются очевидными и «... заключаются в преимуществе квалифицированных и привилегированных составов преступления над основными, а особо квалифицированных над квалифицированными», в то время как «... каких-то иных случаев конкуренции общей и специальной нормы уголовное законодательство <...> не предусматривает». [10, с. 130–131] Подобной точки зрения придерживается и А. М. Зацепин. [11, с. 103]

Тем не менее, далеко не всегда квалификация преступлений при конкуренции общей и специальной уголовно-правовых норм является очевидной. Практика показывает, что иногда затруднения возникают в процессе закрепления за той или иной уголовно-правовой нормой статуса общей или специальной. Наиболее ярким примером данной проблемы, широко обсуждающимся в отечественной правовой науке, является соотношение злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий. В абсолютном большинстве случаев злоупотребление должностными полномочиями, уголовная ответственность за которое предусмотрена в ст. 285 УК РФ, признается общей нормой, в то время как превышение должностных полномочий, закрепленное законодателем в ст. 286 УК РФ, рассматривается в качестве специальной нормы, частного случая, как это делает, например, Т. В. Кленова. [12, с. 115]

В свою очередь, И. А. Гааг и Е. Н. Разыграева утверждают, что на практике квалификация преступления по ст. 285 или 286 УК РФ зависит от установления или, напротив, не установления такого факультативного признака субъективной стороны, как мотив в виде корыстной или личной заинтересованности, характерный для ст. 285 УК РФ. [13, с. 259] Однако, например, В. Б. Шакин утверждает, что ошибочно говорить о соотношении ст. 285 и 286 УК РФ как общей и специальной уголовно-правовых норм, поскольку «... в данном случае имеет место проблема разграничения преступлений, поскольку в приведенных нормах предусмотрены отличительные признаки, исключающие одновременное существование друг друга (в одной — злоупотребление, в другой — превышение)». [4, с. 156]

Исходя из изложенного, нельзя не согласиться с М. З. Александром в том, что правило преодоления конкуренции общей и специальной уголовно-правовых норм, содержащееся в ч. 3 ст. 17 УК РФ, отличается слишком абстрактным характером, не содержащим критериев определения конкурирующих норм для практики. Кстати говоря, в связи с этим ученый предлагает дополнить ч. 3 ст. 17 положением о том, что «... если преступление предусмотрено несколькими статьями или частями статьи, одна из которых содержит состав преступления, отражающий любой случай совершения определенного деяния, а другая — один из случаев совершения этого деяния, то совокупность преступ-

лений отсутствует и уголовная ответственность наступает по статье или части статьи, особо предусматривающей совершенное преступление». [10, с. 130–131]

Нельзя не согласиться с мнением В. Б. Шакина, отмечающего, что наличие законодательно закрепленного правила преодоления конкуренции общей и специальной уголовно-правовых норм вовсе не облегчает задачу правоприменителя, поскольку возникают сложности с определением общих и специальных норм и т. д. [4, с. 117–118] Во многом поэтому В. Б. Шакин считает необходимым дополнить действующее уголовное законодательство легальными определениями общей и специальной уголовно-правовых норм или, как вариант, перечнем присущих данным нормам признаков, что позволило бы правоприменителю четко устанавливать характер соотношения между нормами.

Подобной точки зрения придерживается и Н. Ф. Кузнецова, которая, однако, предлагает внесение гораздо более существенных изменений в действующее уголовное законодательство. В частности, как отмечает ученый, нельзя согласиться с мнением о том, что «... законодательное закрепление правил преодоления конкуренции уголовно-правовых норм не решает проблемы квалификации преступлений, так как на практике может представить трудность определение того, какая из норм является общей, а какая специальной», поскольку разработка и законодательное закрепление правила преодоления конкуренции «... будет существенно облегчать квалификацию деяний, тем более, если предоставить правоприменителю понятия общей или специальной норм». [14, с. 124] Исходя из этого, ученый считает необходимым включить в действующее уголовное законодательство особую статью, которая включала бы в себя основные правила преодоления конкуренции, в числе которых приоритетность специальных норм, использование общих норм только в случае отсутствия специальных и т. д.

Таким образом, преодоление конкуренции уголовно-правовых норм, представляя собой выбор необходимой и наиболее подходящей для конкретной ситуации уголовно-правовой нормы, основывается на применении определенных принципов и правил. В контексте указанного обстоятельства особенностью преодоления конкуренции общей и специальной уголовно-правовых норм является закрепленность такого правила в ч. 3 ст. 17 УК РФ, устанавливающей приоритет специальной нормы. Примечательно при этом то, что дан-

ное правило применяется и в случае конкуренции квалифицированных и особо квалифицированных составов и т. д., поскольку практически любая конкуренция уголовно-правовых норм в конечном счете сводится к конкуренции общих и специальных уголовно-правовых норм. Тем не менее, наличие законодательного закрепленного правила преодоления конкуренции между общей и специальной уголовно-правовыми нормами не облегчает квалификацию преступлений, поскольку оставляет неразрешенными некоторые вопросы, в числе которых, например, возможность отнесения тех или иных норм к общим или специальным.

Исходя из этого, представляется целесообразным исключить из действующего уголовного законодательства ч. 3 ст. 17 УК РФ, дополнив его при этом ст. 17.1 УК РФ, изложенной в следующей редакции: «Статья 17.1. Конкуренция уголовно-правовых норм.

1. Конкуренцией уголовно-правовых норм признается предусмотренность совершенного одного преступления в двух и более уголовно-правовых нормах, соотносящихся между собой как общая и специальная либо специальная и более специальная.

2. Специальной (более специальной) признается уголовно-правовая норма, выделенная из общей (более общей) нормы, содержащая один или несколько отличительных признаков, конкретизирующих признаки, предусмотренные в общей (более общей) норме, что обуславливает ее более узкое содержание и наибольший объем признаков состава преступления в сравнении с общей (более общей) нормой.

3. Если в процессе квалификации преступления на применение претендуют общая (более общая) и специальная (более специальная) нормы одновременно, то применению подлежит только специальная (более специальная) норма. Если в процессе квалификации преступления на применение одновременно претендуют несколько специальных норм, то применению подлежит, в случае если все специальные нормы содержатотягчающие обстоятельства, только та специальная норма, санкция которой предусматривает наиболее строгое наказание.

В остальных случаях применению подлежит только та специальная норма, в которой предусмотрены смягчающие (наиболее смягчающие) уголовное наказание обстоятельства либо в которой предусмотрены наиболее благоприятные условия уголовной ответственности».

Литература:

1. Горбунова Л. В. Общая теория квалификации преступлений: учеб. пособие. Казань, 2004.
2. Корнеева А. В. Теория квалификации преступлений: учеб. пособие. М.: Проспект, 2014.
3. Дмитриева Ж. С., Чупров В. М. Конкуренция правовых норм: на примере норм уголовного права // Теория государства и права. 2017. № 3.
4. Шакин В. Б. Преодоление конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации преступлений: дис... канд. юрид. наук. М., 2004.
5. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: ЮрИнфоР, 2001. С. 294–295.
6. Постановление Шатойского районного суда Чеченской республики № 1–59/2015 1–7/2016 от 05.02.2016 по делу № 1–59/2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/e8D9Jqtzn0oH/> (дата обращения: 12.12.2018).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Александр М. З. Дополнительная квалификация при конкуренции уголовно-правовых норм // Евразийский союз ученых. 2015. № 11–4 (20). С. 130–131.
11. Зацепин А. М. Дополнительная квалификация преступлений при конкуренции общей и специальной нормы // Перспективы науки. 2015. № 11 (74). С. 103.
12. Кленова Т. В. Должностные преступления: проблемы регламентации и применения в условиях конкуренции норм // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2014. № 11–1 (122). С. 115.
13. Гаг И. А., Разыграева Е. Н. Проблемы квалификации преступлений, связанных со злоупотреблением и превышением должностных полномочий // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3–1 (59). С. 259.
14. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений / Науч. ред. и предисл. академика В. Н. Кудрявцева. М.: Издательский Дом «Городец», 2007. С. 124.

Принципы организации и функционирования адвокатуры как института гражданского общества

Ровенская Дарья Андреевна, студент магистратуры

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

В данной статье рассмотрены сущность, понятие, а также главные принципы адвокатуры в качестве института гражданского общества.

Ключевые слова: адвокатура, гражданское общество, права человека, закон.

В научных трудах многих современных авторов одним из важных направлений постперестроечного промежутка времени стала тематика гражданского общества [1,3].

Однако далеко не исследованным остается правовое положение, значимость и роль адвокатуры несмотря на то, что наша страна встала на путь развития правового государства в целом. В то же время данная профессия не должна оказаться настолько незначимой среди других юридических специальностей по причине того, что у адвокатов отсутствуют государственно-властные возможности.

Важно, что вынесение определенных судебных актов не может быть справедливым, верным, легитимным и аргументированным в том случае, если не будет налажена равноправная конкуренция сторон истца и ответчика, обвинения и защиты.

В результате чего обозначим одно из основных определений института адвокатуры. На защите основных прав гражданского населения, а также их объединений, находится важный институт для каждого государства, который получил название — адвокатура [1]. Согласно ст. 1 п. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (далее — Закон об адвокатуре), адвокатской деятельностью называется квалифицированная юри-

дическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката. Достаточно важным считается, что адвокатская деятельность не является предпринимательской.

Нельзя не отметить, что палата адвокатов присутствует на территории каждого отдельного субъекта Российской Федерации. Органом адвокатского самоуправления, имеющим наивысшие полномочия в рамках отдельного субъекта нашей страны, считается собрание адвокатов. В то же время, все палаты адвокатов, расположенные в субъектах, объединены в Федеральную палату адвокатов. При этом высшим органом самоуправления является Всероссийский съезд адвокатов.

В преамбуле «Основные принципы, касающиеся роли адвокатов», которая была принята с 27 августа, по 7 сентября 1990 Конгрессом Организации Объединенных наций, имеются важные рекомендации, которым вышеобозначенные положения целиком и полностью соответствуют.

В рамках рассматриваемого правового документа отмечается то, что формулирование принципов направлено для достижения цели, связанной оказанием помощи странам, которые являются членами Организации Объединенных наций в решении задач совершенствования и обеспечения соответствующей роли адвокатов.

Более того, правительства обязаны соблюдать и учесть данные принципы в контексте их национального законодательства.

Следует отметить, что принцип легитимности считается первостепенным в непосредственной деятельности адвокатуры. Создание органов самоуправления осуществляется на основании установленного законодательства. Отметим, что законом предусматриваются особые организационно-правовые формы, в рамках которых производится деятельность адвокатов. Важно, что отечественная система права не ограничивается только отечественным законодательством, но также включает в себя международные соглашения, нормы международного права и общепризнанные принципы.

Независимость считается вторым по значимости принципом организации и деятельности адвокатуры. Исходя из данного принципа, можно сказать, что в деятельность адвокатских сообществ и адвокатов не могут вмешиваться, ни органы государственной власти, ни какие-либо должностные лица. В тоже время, данный принцип затрагивает и взаимоотношения между адвокатами внутри сообщества адвокатов. Таким образом, не допустимы различные формы влияния на позицию адвоката по тому или иному делу.

Самоуправление может быть отнесено к третьему принципу адвокатской деятельности. На основании рассматриваемого принципа отмечается возможность адвокатов в самостоятельном определении правил, регулирующих их отношения в процессе профессиональной деятельности, так как адвокатские сообщества не относятся к системе органов местного самоуправления и государственной власти. Отсюда можно сказать, что необходимым элементом всего механизма деятельности адвокатуры считается именно самоуправление. Таким образом, на основании решений, которые приняты правомочными органами, в четком соблюдении установленного законодательства осуществляется деятельность адвокатских образований, что в конечном итоге называется самоуправлением.

Принцип корпоративности считается четвертым принципом адвокатской деятельности. Зачастую его называют принципом общности профессиональных интересов. На основании данного принципа определяется особый характер взаимоотношений между адвокатами. Адвокат при выполнении своих обязанностей отстаивает свою позицию, придерживаясь требований закона, в тоже время являясь членом сообщества адвокатов, его действия должны быть направлены в интересах указанного сообщества. В тоже время контроль за непосредственным соблюдением установленных правил сообщества адвокатов его членами осуществляется на основании принципа общности профессиональных интересов. Таким образом, этот принцип является основополагающим при решении вопросов привлечения адвокатов к дисциплинарной ответственности, а также определении наличия или отсутствия их нарушения норм кодекса профессиональной этики.

Равноправие считается пятым принципом адвокатской деятельности [2, с.24]. Данный принцип основывается на том, что после того, как адвокат стал полноправным членом сообщества адвокатов с этого момента он принимает под свою ответственность определенные обязанности и наделяется определенными права. Нельзя не отметить одно из важных правил данного принципа, заключающееся в том, что в сообществе адвокатов все равны между друг другом и не имеют никаких преимуществ. Таким образом, адвокаты имеют гарантию на равные права.

В конечном итоге отметим, что, как и любой из институтов гражданского общества, институт адвокатуры считается самоуправляемым. Однако конкретные «правила игры» должны быть обозначены со стороны государства, то есть перечень нормативных аспектов, определяющий ответственность и правила, но не ограничения и условия. Именно в этом случае граждане смогут рассчитывать на получение грамотной правовой поддержки, а институт адвокатуры сможет обрести взаимодоверие и почтение со стороны людей.

Литература:

1. Киргизова, Т.Д. Адвокатура в РФ как институт гражданского общества [Электронный ресурс] // Т.Д. Киргизова. Электронный научный журнал «Дневник науки». 2019. № 5. — Режим доступа: <http://www.dnevniknauki.ru/index.php/number5-2019/law-5-2019> (дата обращения: 09.11.2019).
2. Петров, К.И. Характеристика современной российской адвокатуры // К.И. Петров. Молодой ученый. 2016. № 11. — С. 1331–1333.
3. Судоргина, Е. В., Черемисина, А. В. Адвокатура как публично-правовой институт гражданского общества современной России // Е. В. Судоргина, А. В. Черемисина. Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 1А. — С. 97–104.

Адвокатура как правозащитный институт в Российском государстве: направления оптимизации

Ровенская Дарья Андреевна, студент магистратуры

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

В рамках данной статьи рассмотрено понятие и функции правозащитных институтов Российской Федерации в сопряжении с юридической природой адвокатуры; обоснована необходимость повышения статуса отечественного института адвокатуры через переосмысление его непосредственной роли в защите прав; предложены направления профильной законодательной оптимизации.

Ключевые слова: адвокатура, правозащитные институты, правозащитная деятельность, Конституция РФ, квалифицированная юридическая помощь.

В настоящее время существующая неурегулированность при оказании правовой помощи считается серьезной проблемой. Речь идет о том, что современный гражданин не может должным образом чувствовать свою защищенность с точки зрения права, однако защитой гражданских прав занимаются многие организации, службы, структуры и частнопрактикующие граждане.

Рассмотрев понятие «правозащитный институт», становится возможно определить основную роль и место института адвокатуры во всей правозащитной структуре.

Правозащитный институт является довольно общим понятием и включает в себя множество структур таких, как государственных, общественных, некоммерческих, так и коммерческих, частных и иных, которые обеспечивают права и законные интересы человека и гражданина, что составляет основу и определяет цель правозащитной деятельности [2].

Все правозащитные институты обладают рядом общих признаков и функций:

- осуществляют свою деятельность в соответствии с нормативными актами, т. е. их функционирование регулируется государством;
- обладают собственной структурой и руководством;
- обладают правами и обязанностями, содержащимися в нормативных актах, относящихся к виду их правозащитной организации;
- действуют в рамках определенной процедуры;
- принимают или выдают акты с определенными правовыми последствиями;
- их деятельность осуществляется, учитывая факт последующих определенных правовых последствий с точки зрения законности.

Отметим, что практическим воплощением основных принципов правовой защиты считается институт адвокатуры, так как применяя все законные методы и способы для защиты законных интересов и прав граждан, он позволяет привнести практический смысл в термин «правозащита». Преследуя цели защиты законных прав и интересов, а также свобод граждан, профессиональная адвокатская деятельность производится в рамках правового поля адвокатами [3]. Адвокатская деятельность выступает гарантией профессионализма и доступности правовой защиты, играет роль профессионального право-

защитного института отечественного гражданского общества, а также считается первостепенной формой, в рамках которой происходит реализация правозащитной деятельности. Таким образом, гарантированные российским государством правовые нормы и принципы, которые в свою очередь направлены на защиту интересов, свобод и прав, а также обеспечивающие непосредственный доступ к правосудию, являются правозащитной функцией института адвокатуры.

Важно, что качество профессиональной деятельности знатока права, от лица которого происходит оказание правовой помощи широкому кругу лиц, обеспечивается существующими тремя канонами.

Первое. Допуск к профессии. Минимальное требование: сдача экзаменационных испытаний, а также наличие высшего юридического образования.

Второе. Нарботанные профессиональные стандарты и этические нормы.

Третье. Контроль самоуправляемой ассоциации [4].

Отметим, что профессиональная деятельность адвоката не в состоянии в полном объеме охватить всю правозащитную деятельность. Речь идет о том, что правозащитная деятельность рассматривается с точки зрения более широкого понятия. Однако институт адвокатуры играет важную роль в правозащитной деятельности, наполняя его реальным содержанием и создавая возможности для существования правозащиты как правового, так и юридического термина.

После распада СССР в российской правовой системе прослеживалась непродуманность и половинчатость судебной и правовой реформы, которая приняла перманентный характер. Спустя несколько десятков лет мы снова встали на путь преобразований, так как реформы начала 90-х годов не имели сбалансированности при принятии решений, были связаны с хаотическими изменениями и в конечном итоге не позволили добиться нужных результатов. Нельзя не отметить, что то, что смогли претворить в жизнь, не подходит под общественные ожидания, а также не соответствует политическим и экономическим реалиям современной России. Именно в тот момент времени институт адвокатуры стал примером наиболее яркого проявления данной реформы, и, как следствие, его правовой статус получил явное занижение.

Законодатель в какой-то период даже попытался сделать несколько шагов назад, чтобы вновь определить место и роль адвокатуры в системе правового государства. Таким образом, адвокатура все-таки потеряла свой конституционный статус в свете произошедших преобразований. Более того, по-прежнему адвокатская деятельность во многом ограничена, что сказывается на возникновении проблемных ситуаций в процессе реализации адвокатами своей профессиональной деятельности [1].

Важно, что ожидаемые реформы в направлении судебно-правовой сферы должны быть направлены на демократизацию и гуманизацию права. В то же время он должен занять место важнейшего инструмента в процессе обновления отношений в обществе. Также должны быть затронуты те правовые направления, которые позволят регламентировать профессиональную деятельность адвокатуры.

Следовательно, необходимо повысить правовой статус адвокатуры за счет внесения исправлений в данное положение, а именно:

- осуществить закрепление конституционного статуса института адвокатуры путем добавления в главу 7 «Судебная власть и прокуратура» Конституции Российской Федерации отдельной статьи;

- наделить адвокатуру правом на проявление законодательных инициатив с целью повышения результативности процесса законотворчества, таким образом, сделав их непосредственными участниками правотворческого процесса;
- изменить основные принципиальные положения относительно формирования судейского корпуса путем введения обязательного требования к кандидату, планирующему занять должность судьи, а именно: он должен иметь опыт работы в правоохранительных органах или в адвокатуре;
- повысить уровень и качество судебного представительства за счет формирования нового понятия «адвокатская монополия». Речь в данном случае идет о том, что необходимо запретить лицам, не имеющим статус адвоката, представлять интересы других граждан в рамках судебного процесса.

Таким образом, представленные выше предложения позволят в полной мере раскрыть потенциал института адвокатуры как первостепенного института правовой защиты граждан и общества в целом. В то же время защита его свобод и прав сможет положительно сказаться на устойчивом развитии иных институтов общества и государства.

Литература:

1. Масловская, Е. В. Трансформация института адвокатуры и процессы юридической профессионализации в постсоветской России. // Е. В. Масловская. Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2019. № 4. — С. 8–14.
2. Полтавцева, Л. И., Полтавцева А. В. Уголовная политика и правозащитная деятельность // Л. И. Полтавцева, А. В. Полтавцева. Уголовная политика и правоприменительная практика. 2019. — С. 321–324.
3. Петров, К. И. Характеристика современной российской адвокатуры // К. И. Петров. Молодой ученый. 2016. № 11. — С. 1331–1333.
4. Резник, Г. М. Не кардинально реформировать, а просто урегулировать [Электронный ресурс] // Г. М. Резник. Издательская группа «Закон». — Режим доступа: http://www.arbitr.ru/_upimg/501fa3d6bf170ef994c78e0cc149e01d_z-9_p_091-092.pdf (дата обращения: 09.10.2019).

Недвижимое имущество как объект обложения налогом на имущество организаций

Рузметов Сергей Атаханович, кандидат юридических наук, доцент;
Солодовникова Анжелика Юрьевна, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Успех развития экономики любого государства во многом зависит от проводимой им налоговой политики. При этом обязательным условием этого является справедливая и максимально эффективная система налогов. Ее грамотное осуществление было и остается актуальным как в прошлом, так и теперь.

Важнейшей составляющей всего объема налогообложения является налогообложение имущества предприя-

тий. От того как проводится налогообложение имущества зависит уровень развития производственной базы и благосостояния населения.

Юридической основой регулирования всех налогов является Налоговый кодекс РФ (НК). По нему осуществляется взимание налогов со всех категории вещей и с имущества. Порядок определения налога на имущество предприятий закреплен в главе 30 НК.

Объектом налогообложения на имущество организаций являются разнообразные объекты. Для целей налогообложения используются такие объекты как движимое и недвижимое имущество. Оно должно быть учтено на бухгалтерском балансе как объект основных средств [1].

Налоговый кодекс не определяет понятия движимое и недвижимое имущество. Эти положения закрепляются и используются в других отраслях законодательства (ст. 11 НК).

Понятия движимого и недвижимого имущества, закрепленные в ст. 130 ГК РФ, разъясняются Минфином РФ [6].

Объект является недвижимым по своим природным свойствам или по закону, относящему его к недвижимости.

Отличительными признаками недвижимого имущества являются:

1. Неразрывная связь с землей. Все объекты недвижимости невозможно перемещать без нанесения ущерба для них (ст. 130 ГК РФ).

Поэтому к недвижимости отнесены капитальные строения и сооружения. Исключением из этого являются объекты без фундамента, которые могут перемещаться без повреждения его назначения (дачные домики, киоски и другое), которые причисляются к движимому имуществу.

2. Причисление объекта к недвижимости законом (п. 1 ст. 130 ГК РФ).

Так, к движимому имуществу отнесены линии связи по закону «О связи», а также по закону «О космической деятельности» космические объекты. К движимому имуществу также относят воздушные и морские суда.

3. Государственная регистрация в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН), в соответствии со ст. 131 ГК РФ. Однако она не является необходимым условием признания объекта недвижимостью [1, 8]. Налоговые органы, при осуществлении своих проверок по объектам недвижимости, берут информацию из ЕГРН.

4. Наличие разрешительной документации на недвижимость.

5. Не способность недвижимого имущества к самостоятельному функционированию. При этом оно учитывается, и облагается налогом в составе всего имущественного комплекса недвижимого имущества [9]. Это различное имущество: лифты, мусоропроводы, водопроводы и другое [10].

6. Сохранение натурально-вещественной формы объекта в течение всего жизненного цикла.

7. Длительность пользования недвижимостью, поэтому ее увеличивающая экономическая ценность и стабильность.

8. Для сохранения и развитие объектов недвижимости необходим постоянный приток инвестиций.

9. Высокая цена объектов недвижимости как товара, и тенденцией к увеличению ее стоимости с течением времени.

10. Зависимость величины стоимости недвижимости от местонахождения на земле и возможностей ее использования.

Недвижимое имущество — это конструктивный объект единого капитального строительства, функционально связанного со зданием. При этом перемещение объекта без причинения ему ущерба невозможно [4].

К недвижимым объектам относятся (ст. 130 ГК РФ):

- участки земли и недр;
- объекты, прочно связанные с землей;
- различные здания и сооружения, а также незавершенные объекты строительства;
- помещения как жилые, так и нежилые; [4]
- части зданий или сооружений, предназначенные для нахождения транспортных средств;
- сложные вещи, составляющие единый недвижимый имущественный объект; [7]
- различные трубопроводы для газовых, тепловых и других сетей;
- разнообразные элементы по благоустройству: газоны, тротуары, замощения, ограждения, рассматриваемые как улучшения земли;
- суда воздушные и морские;
- различное другое имущество.

Право собственности на недвижимые объекты подлежат государственной регистрации (ст. 131 ГК РФ). При этом не является обязательным условием для признания вещи объектом недвижимости ее государственная регистрация.

Все налоги на недвижимость объединяются в систему налогообложения недвижимых объектов. Их характерная черта в том, что объекты недвижимости по своей природе не могут произвольно перемещаться с одного места на другое.

Объединяющими общими признаками налогов на недвижимость являются следующие их черты:

- причисляются к прямым налогам потому, что их плательщики сами являются субъектами налогообложения недвижимости;
- относятся к реальным налогам потому, что это физические объекты недвижимости;
- взимаются в процентах от дохода.

Движимым же имуществом являются вещи, не относящиеся к недвижимости и не требующие ее специальной регистрации (п. 2 ст. 130 ГК РФ). Все движимое имущество не является объектом налогообложения с 1.01.2019 г., и только недвижимость облагается налогом [2, ст. 2].

Однако отдельное недвижимое имущество не признается налогооблагаемыми объектами [12, с. 22]. К этой категории относятся:

- земля и объекты природопользования, входящие в состав природных и водных ресурсов;
- имущественные объекты, принадлежащие государственным органам, предназначенные для военной службы, и применяемые ими для оборонительных целей, обеспечения безопасности России;
- различные исторические и культурные памятники, относящиеся к культурному наследию;

- разнообразные ядерные хранилища и установки на судах;
- всевозможные разнообразные космические объекты;
- суда как морские, так и воздушные; [3]
- заасфальтированные площадки, трансформаторные подстанции и трубопроводы;
- объекты благоустройства (газоны, тротуары и некоторые другие);
- оборудование, для которого было построено отдельное здание; [11]

Исходя из указанных имущественных объектов, основными видами налогов на недвижимость являются:

1. Налоги на недвижимое имущество, которые являются обязательными для следующих объектов:

- имущества организаций, состоящие на их балансе;
- имущество физических лиц, подлежащее налогообложению;
- земельные налоги.

Эти налоги выплачиваются периодически в заранее определенное время.

2. Налоги на различные действия по отчуждению объектов недвижимости. Это следующие категории налогов:

- налог на прибыль;
- налог с доходов гражданина;
- налог с имущества, полученного при наследовании или при дарении.

Все налогоплательщики с 2016 г. начали вносить налоги на недвижимое имущество в соответствии с их кадастровой стоимостью (КС). При этом цене недвижимости определяется службой кадастрового учета, устанавливающей государственную кадастровую оценку. КС периодически корректируется, поэтому и изменяются налоги.

Налогооблагаемая база устанавливается налогоплательщиками самостоятельно в соответствии с гл. 30 НК. КС налогооблагаемой недвижимости должна представлять собой общедоступную информацию. При установлении КС применяются следующие правила ее определения для налогообложения:

- Используется КС, указанная в ЕГРН;
- При изменении качественных или количественных данных объекта, в КС это учитывается для определения налоговой базы;
- Если произошли изменения КС объекта из-за технической ошибки в сведениях ЕГРН, данные об измененной КС учитываются при определении налога с начала ее применения для налогообложения;
- При изменении КС объекта по решению комиссии по разрешению споров или постановлением суда, измененная КС применяется для определения налогов с начала применения налогообложения;

— При неопределенности КС объектов, налоговые выплаты осуществляются в соответствии с гл. 30 НК.

Начиная с 2016, с обязательного определения размера налогов по КС, по настоящее время нововведение не успело полноценно укорениться в обиходе владельцев недвижимости. Поэтому вопрос, что это такое — кадастровая оценка объекта, и поныне весьма актуален.

При современном состоянии экономики РФ, роль налогов с недвижимости, как для государства, так и для плательщиков налогов не является полностью положительной и достаточно определенной.

Данный вид налогов оценивается с разных точек зрения:

- для государства увеличение данного вида налога положительное явление;
- для граждан-налогоплательщиков любое увеличение этого налога будет негативно отражаться на их платежеспособности.

Будет наблюдаться и обратное явление:

- минимальные сборы налогов с имущества не обеспечат потребностей государства, необходимых для выполнения им своих управленческих и социальных задач;
- уменьшение налогов на все виды имущества не обязательно приведет к росту платежеспособности работающего населения, а для неработающих необходимо будет увеличение социальных выплат.

Поэтому, для оптимизации всего комплекса налогов на недвижимость необходим учет интересов всех сторон, как государства, так и граждан-налогоплательщиков. В процессе дальнейшего развития налоговой системы эти интересы должны совпадать.

При осуществлении налогообложения недвижимости из-за постоянного роста ее стоимости увеличиваются бюджетные поступления от них. Этому также способствует практическая невозможность уклонения от уплаты налогов на имущество.

При проведении налогообложения недвижимого имущества всегда важно соотносить интересы государства и налогоплательщиков. Поэтому, фискальная функция налога, значимая для развития общества, не отвечающая интересам налогоплательщиков, обязывает их уплачивать все налоги. Необходимо чтобы государство при этом преследовало не одни фискальные цели, но и выполняло свои социально-политические цели. Для оптимизации налогов на недвижимое имущество необходимо вводить прогрессивную шкалу налогов. Этим смягчится социальное неравенство в обществе и будет оказываться влияние на распределение имущества и доходов среди населения, что явится положительным фактором для налоговой системы в целом.

Литература:

1. Налоговый кодекс РФ. //ФЗ от 31.07.1998. № 146 с изменениями ФЗ от 29.09.2019 № 325.
2. ФЗ от 03.08.2018 № 302 «О внесении изменений в части 1 и 2 Налогового кодекса РФ».

3. ФЗ от 3.08.2018 г. № 291 «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края».
4. ФЗ от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений».
5. Определение ВС РФ от 30.09.2015 № 303-ЭС15–5520.
6. Письмо Минфина РФ от 17.02.2017 № 03–05–05–01/9043.
7. Письмо Минфина РФ от 29.03.2013 № 03–05–05–01/10050.
8. Письмо ФНС от 01.10.2018 № БС-4–21/19038.
9. Письмо ФНС от 23.04.2018 № БС-4–21/7770.
10. Письмо ФНС от 08.02.2019 № БС-4–21/2181, № БС-4–21/2179.
11. Письмо ФНС от 30.07.2019 № БС-4–21/14997.
12. Русаков И. «Движимое и недвижимое имущество для целей налогообложения». // «Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение)» № 42 (9758) 2018. С. 21–28.
13. Шашкова Е. «Какие объекты относятся к недвижимому и движимому имуществу в целях исчисления налога на имущество?» // ИА ГАРАНТ. Правовой консалтинг ГАРАНТ. 15.08.2018.

Европейский суд по правам человека и Россия: вопросы взаимодействия

Рытиков Егор Андреевич, студент магистратуры

Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В ст. 15 Конституции РФ сказано, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [1].

Одним из таких международных договоров является Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция).

Согласно Федеральному закону от 30 марта 1998 г. «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [2] Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и протоколов к ней, а также в части рассмотрения жалоб о нарушении этих документов со стороны России.

Применительно к нашему государству ЕСПЧ рассматривает жалобы на нарушение прав, свобод и других гарантий, которые определены самой Конвенцией и протоколами к ней, в частности это право на жизнь, запрещение пыток, запрещение рабства и принудительного труда, право на свободу и личную неприкосновенность, право на справедливое судебное разбирательство, наказание исключительно на основании закона, право на уважение частной и семейной жизни, свобода мысли, совести и религии, свобода выражения мнения, свобода собраний и объединений, право на вступление в брак, право на эффективное средство правовой защиты, запрещение дискриминации, защита собственности, право на образование, право на свободные выборы, запрещение лишения свободы за долги, свобода передвижения, запрещение высылки граждан, запрещение коллективной высылки

иностранцев, процедурные гарантии в случае высылки иностранцев, право на апелляцию по уголовным делам, компенсация в случае судебной ошибки, право не привлекаться к суду или повторному наказанию, равноправие супругов.

Россия в 2018 году стала абсолютным лидером по числу жалоб в ЕСПЧ, следует из ежегодного отчета организации, согласно которому количество находящихся на рассмотрении заявок от России составляет 11745 (20,8% от общего количества заявок, поданных в ЕСПЧ). Всего было подано 56350 жалоб. [3]

В 2018 году ЕСПЧ рассмотрел 11745 жалобы против России, из которых признал приемлемыми только 908 (7,7%). По ним суд вынес 248 постановлений, 238 из которых указывают по меньшей мере на одно нарушение прав и свобод человека (здесь Россия также лидирует). Наиболее частыми являются нарушения: права на свободу и личную неприкосновенность (99), запрета бесчеловечного или унижающего достоинство обращения (99), права на эффективное средство правовой защиты (67), права на справедливое судебное разбирательство (46). [4]

Этот массовый наплыв жалоб свидетельствует о том, что граждане России доверяют Европейскому механизму защиты прав человека, и о том значении, которое они придают ему.

Россия является единственной страной Совета Европы, которая на законодательном уровне установила право властей не исполнять решение ЕСПЧ. Однако, такое право государство использует крайне редко. На сегодняшний день власти отказались исполнять только два решения ЕСПЧ.

Уже не раз высказывалось мнение о том, что многие решения ЕСПЧ являются не только необъективными, но и провокационно политизированными.

Депутат Государственной думы от партии «Справедливая Россия» **Елена Мизулина** выступила с достаточно радикальным предложением к президенту РФ Владимиру Путину о выходе России из-под юрисдикции межгосударственного суда. «Следует честно признать, что сегодня ЕСПЧ не является символом справедливости, он превратился в примитивное орудие политического давления на Россию. Более того, это канал вмешательства во внутренние дела России через судебные решения», — заявила она.

Владимир Путин считает, что в деятельности ЕСПЧ проявляется **излишняя политизированность**, если подобная практика будет иметь место и дальше, то выход России из-под юрисдикции данного суда возможен. Глава государства добавил, что на данный момент этот вопрос на повестке дня не стоит.

Стоит заметить, что дела, которые рассматривает ЕСПЧ, в некоторых случаях действительно затрагивают политические интересы России. Учитывая репутацию государства как основного «поставщика» жалоб, неудивительно возникновение периодических инициатив о выходе из-под юрисдикции ЕСПЧ или о снижении его влияния на российскую правовую систему.

Однако большинство экспертов признают, что постановления ЕСПЧ положительно влияют на степень защиты

прав и свобод граждан, и тем самым обеспечивают приведение как российской правовой системы, так и судебной практики в соответствие со стандартами Конвенции.

По мнению Федеральной палаты адвокатов РФ, отсутствие международного контроля, предписывающего государству оставаться в рамках, установленных Конвенцией, несомненно приведет к ухудшению положения граждан России.

Характеризуя роль ЕСПЧ в системе защиты прав и свобод человека К. В. Энтин отмечает, что «Суд — особая гордость Европы, ее ценнейшее достояние» [5].

Действительно, важность и ценность ЕСПЧ как международного суда очень высока. Именно он сможет обеспечить защиту прав и законных интересов граждан в случае, если решения национальных судебных органов государства нарушат стандарты и принципы Конвенции.

В данном случае, интересным будет мнение относительно выхода России из-под юрисдикции ЕСПЧ самого Генерального секретаря Совета Европы Турбьёрна Ягланда. В Парламентской Ассамблее 11 октября 2018 года он сказал, что «если Россия покинет Организацию, ее граждане больше не будут иметь доступа к Европейскому суду по правам человека», добавив, что это будет «огромным ударом по правам человека в России» [6].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // «Российская газета» от 25 декабря 1993 г. N 237.
2. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // «Российская газета» от 7 апреля 1998 г.
3. ANNUAL REPORT European Court of Human Rights 2018 // <https://www.echr.coe.int/>. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Annual_Report_2018_ENG.pdf (дата обращения: 20.11.2019).
4. Analysis of statistics 2018 // <https://www.echr.coe.int/>. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2018_ENG.pdf (дата обращения: 20.11.2019).
5. ECHR — Violations by Article and by State 2018 // <https://www.echr.coe.int/>. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_2018_ENG.pdf (дата обращения: 20.11.2019).
6. Энтин К. В. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский союз в 2004–2005 годах: моногр. / К. В. Этни. — СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2006. С.465.

Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства

Рытиков Тимур Андреевич, студент магистратуры

Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В теории уголовного процесса при помощи понятий правосудия и судопроизводства раскрывается функционирование суда. Однако, чтобы раскрыть государственно-властную природу судебного органа, чтобы понять, как изменяется его роль и место в уголовном судопроизводстве, этих понятий оказывается недостаточно. Эти понятия не раскрывают в полной мере функциональную деятель-

ность суда как государственно-властную структуру. В связи с этим особое теоретическое значение приобретает вопрос, касающийся механизма реализации судебной власти.

Судебная власть — самостоятельная ветвь государственной власти, которая имеет сложную политико-правовую природу. Функционирование этой ветви не сводится только к выполнению судом процессуальных действий в ка-

честве одного из участников уголовного судопроизводства. В силу этого необходимо выделить и провести анализ государственно-властного элемента в функционировании судебного органа, для того чтобы раскрыть содержание и основу тех властеотношений, которые возникают между судом с одной стороны и участниками уголовного судопроизводства — с другой.

Судебная реформа, начавшаяся более десяти лет назад, все еще не завершена, поэтому разработка понятия механизма реализации судебной власти является весьма актуальной. Именно она даст возможность сопоставить и соединить доктринальное представление о судебной власти с его воплощением в праве и практической деятельности.

В последние годы имели место многочисленные научные публикации, посвященные совершенствованию судопроизводства и судопроизводства, но, к сожалению, эти исследования, не касались рассматриваемого понятия. Вопрос о механизме реализации судебной власти не стал предметом самостоятельного научного исследования.

Однако в юридической науке предпринимались попытки исследовать механизм реализации судебной власти, некоторые представители научной среды обратили своё внимание к отдельным аспектам реализации судебной власти в России. Так, Лазарева В. А. одна из первых обозначила свой интерес к исследованию проблем реализации судебной власти. В своей работе она показала её новое назначение в защите прав человека и гражданина, раскрыла формы и способы осуществления реализации судебной власти, определила содержание судебного контроля, а также его виды и соотношение его с традиционными полномочиями суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел. [1]

Михайловская И. Б. также выделила самостоятельный вопрос о понятии и формах реализации судебной власти, определив понятие и значение судебной власти; раскрыв виды социальных конфликтов, рассматриваемых ею, показав функции и формы осуществления судебной власти. [2] Однако вопрос о механизме реализации судебной власти как комплексного, системного понятия, характеризующего функционирование и результативность судебной власти, в этих работах не затрагивался.

Для российской юридической науки интерес к исследованию различных механизмов в праве является не новым. При раскрытии функциональной стороны того или иного правового явления в первую очередь правоведы обращаются к понятию механизма. Васильев А. М. считает, что механизм призван показать, как догма права или теории переводится в юридическую практику, а также призван характеризовать деятельность сторону и результативность правового регулирования [3].

К исследованию понятия механизма правового регулирования обращался, в частности, Алексеев С. С. По его мнению, понятие механизма правового регулирования позволяет собрать вместе явления правовой действительности — нормы права, правоотношения, юридические

акты и др. и обрисовать их как целостность..., представить их «в работающем» системно-динамическом виде, что характеризует результативность правового регулирования, его способность гарантировать с правовой стороны достижение поставленных законодателем целей [4].

Как правило, понятие механизма в праве связано с установлением и проведением анализа составляющих его элементов и определением его структуры в целом. Например, к элементам механизма правового регулирования Алексеев С. С. относит следующее:

- 1) юридические нормы, которые дают основу, исходную базу регулирования. В качестве факультативного элемента сюда же могут включаться и индивидуальные акты применения права;
- 2) правоотношения, обеспечивающие перевод общей модели поведения в конкретные меры поведения;
- 3) акты реализации права как юридически значимые результаты действий субъектов, в которых реально осуществляются их правовые возможности и требования. [5]

Горшнев В. М. несколько иначе, но достаточно близко по существу к данной точке зрения, определяет структуру механизма правового регулирования. Он считает, что в нее необходимо включать два основных элемента:

- 1) способы воздействия, дозволения и запреты;
- 2) способы реализации, которые проявляются в фактическом поведении людей. [6]

Эти общетеоретические научные разработки способствовали развитию исследования проблем механизма правового регулирования и в отраслевых правовых науках. Так, к исследованию механизма уголовно-процессуального регулирования обращался Зусь Л. Б. По его мнению, понятие механизма уголовно-процессуального регулирования имеет три значения:

- 1) способ, посредством которого уголовно-процессуальное право функционирует в сфере уголовного судопроизводства;
- 2) совокупность процессуальных средств, обеспечивающих правовое воздействие на общественные отношения в этой сфере;
- 3) устойчивую внутренне согласованную систему этих средств, образующую целостный объект, именно механизм. [7] Из этого следует, что автор в качестве структурных элементов механизма уголовно-процессуального регулирования выделяет: а) уголовно-процессуальные нормы; б) уголовно-процессуальную правосубъектность; в) юридические факты; г) правосознание; д) уголовно-процессуальные отношения. [7, с. 14]

Учитывая эти рассуждения, можно прийти к выводу, что в основу механизма уголовно-процессуального регулирования помимо самих процессуальных норм в их статическом и догматическом содержании, включается и функционирование этих норм, то есть так называемое «право в действии»; обеспечение ими конкретно определенного

и целенаправленного воздействия на общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства.

Не вызывает сомнений, что судебная власть в формировании и действии механизмов защиты прав и свобод человека играет существенную роль, имеет важное значение. Это еще раз подчеркивает, что сама судебная власть должна иметь свой собственный механизм реализации, состоящий из определенных правовых и процессуальных элементов, при помощи которых провозглашение ее самостоятельности и независимости, провозглашение прав человека и гражданина на судебную защиту найдет реальное воплощение в практике судопроизводства.

Изученные точки зрения ученых-правоведов позволяют нам сформулировать ряд исходных положений для определения понятия механизма реализации судебной власти. Мы акцентируем внимание лишь на правовой характеристике данного механизма.

1) Это понятие представляет собой определенную теоретическую абстракцию [8], с помощью которой может быть раскрыта функциональная характеристика судебной власти;

2) Понятие механизма реализации судебной власти позволяет показать, каким образом при ее осуществлении в уголовном процессе обеспечивается:

- а) самостоятельность и независимость судебной власти;
- б) ее государственно-властный статус;
- в) контролирующе-сдерживающая функция по отношению к другим ветвям власти;
- г) предназначение защищать верховенство права;
- д) способность служить доступным средством для защиты прав человека;

Литература:

1. Лазарева В. А. Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики. Автореф. диссерт... докт. юрид. наук. — М., 2000. С.16.
2. Петрухин И. Л. Судебная власть. — М.: Проспект, 2003. — 718 с.
3. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. — М.: Юр. лит., 1976. С. 211, 214—215.
4. Алексеев С. С. Общая теория права в 2-х т. Т. 2. — М.: Юр. лит., 1982. С. 10.
5. Алексеев С. С. Общая теория права в 2-х т. Т. 2. — М.: Юр. лит., 1982. С. 27
6. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства. Автореф. диссерт... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1969. С. 50—55.
7. Зусь Л. Б. Правовое регулирование. Его механизм в сфере уголовного судопроизводства (вопросы теории). Автореф. диссерт... докт. юрид. наук. — Л., 1981. С.13.
8. Васильев А. М. Категории теории права: (К разработке понятийной системы): Автореф. диссерт... канд. юрид. наук. — М., 1975. С. 212.
9. Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: Автореф. диссерт... докт. юрид. наук. — М., 2004. С.162.

- е) справедливость и непредвзятость при проведении судебного разбирательства;
- ж) профессионализм, объективность, и беспристрастность суда в познании обстоятельств рассматриваемого дела;
- з) независимость и правосудность решений суда;
- и) обязательность и исполняемость последних. [9]

3) Представление о механизме реализации судебной власти обуславливается самой природой этой власти, которую необходимо понимать как особый вид государственно-властных отношений, возникающих между судом с одной стороны и участниками уголовного судопроизводства — с другой.

4) Особенностью уголовного судопроизводства является наличие и закрепление собственного механизма реализации судебной власти, отвечающего назначению, особенностям, принципам, условиям и порядку производства по уголовным делам, а также современной процессуальной роли суда.

Таким образом, можно вывести следующее определение механизма реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства — это система, состоящая из процессуально-правовых элементов, средств и способов, которые обеспечивают в определенном порядке функционирование самой судебной власти и осуществление судебно-властных отношений при производстве по уголовному делу. Механизм реализации судебной власти должен обеспечивать выполнение судом социально-правового назначения уголовного судопроизводства.

Злоупотребление правом на товарный знак

Сангаджиев Тензин Николаевич, студент магистратуры

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Статья посвящена институту злоупотребления исключительным правом на товарный знак. В статье рассматривается традиционное определение злоупотребления правом, а также формы злоупотребления правом на товарный знак. На основе анализа судебной практики автор приходит к выводу об отсутствии закреплённого закрытого перечня последствий злоупотребления правом. Особое внимание автор уделяет такой форме злоупотребления правом на товарный знак, как неиспользование товарного знака.

Ключевые слова: интеллектуальные права, злоупотребление правом, товарный знак.

Abuse of the right to a trademark

The article is devoted to the Institute of abuse of the exclusive right to a trademark. The article discusses the traditional definition of abuse of rights, as well as forms of abuse of the right to a trademark. Based on the analysis of judicial practice, the author comes to the conclusion that there is no fixed closed list of consequences of abuse of law. The author pays special attention to such form of abuse of the right to a trademark as non-use of a trademark.

Keywords: intellectual property rights, abuse of rights, trademark.

Впервые в отечественном гражданском законодательстве было закреплено положение о пределах осуществления гражданских прав и недопустимости злоупотребления правом при принятии части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации в 1994 г. Традиционно в юридической литературе под злоупотреблением правом понимают «особое гражданское правонарушение, совершаемое управомоченным лицом при осуществлении принадлежащего ему субъективного права, заключающееся в использовании им конкретной формы его осуществления, противоречащей социальному значению права, и направленное на причинение вреда другому лицу» [1]. Его основную специфику составляет действие нарушителя, формально опирающееся на принадлежащее ему право. Однако при конкретной его реализации оно приобретает такую форму и характер, что это приводит к нарушению прав и охраняемых законом интересов других лиц.

Особое назначение товарного знака (знака обслуживания) состоит в индивидуализации товаров, работ, услуг в коммерческом обороте и выделении правообладателя исключительного права на товарный знак среди других. Осуществление исключительного права на товарный знак связано с потребительским выбором и определенной деловой репутацией правообладателя на рынке товаров, работ и услуг [7, С. 45].

Правообладателям предоставляется защита в соответствии с функциями товарного знака: экономической (нематериальный актив правообладателя), информационной (сообщает потребителю о том, кто является правообладателем исключительных прав), индивидуализирующей (индивидуализирует товары, работы и услуги, позволяя потребителям отличать один товарный знак от другого), защитной (информирует о предоставлении правовой охраны товарного знака), социальной (предупреждает введение потребителей в заблуждение). При этом законодатель не определяет формы злоупотребления правом, только устанавливает общие случаи (шикану, действие в обход закона с противоположной целью), и это оправданно [6, С. 40].

С учетом особенностей исключительного права на товарный знак, проанализировав правоприменительную практику, можно выделить злоупотребление правом на стадии регистрации товарного знака — форма выражения товарного знака тождественна либо сходна до степени смешения иному обозначению (т. е. «захват» известного товарного знака в отношении неоднородных товаров, паразитировании на репутации чужого бренда), злоупотребление правом на защиту, включая право на судебную защиту и право на оспаривание прав на товарный знак в Роспатент, аккумулярование товарного знака как форму злоупотребления правом [1]. Согласно п. 2 ст. 10 ГК РФ суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом.

Для того, чтобы понять, что из себя представляет злоупотребление правом на товарный знак, рассмотрим некоторые примеры судебной практики. Так, ООО «Александровы погреба» оспаривает решение об отказе в государственной регистрации ТЗ «Vicerphal», сходного до степени смешения с обозначением американской компании. Судебная коллегия пришла к выводу, что истец, подав заявку на регистрацию такого обозначения, пытался получить необоснованные преимущества за счет уже существующего бренда элитных алкогольных напитков. Регистрация заявленного обозначения окажется непреодолимым препятствием для ввоза названного элитного вина на территорию РФ, то есть действия истца по получению на территории РФ исключительных прав на обозначение «Vicerphal» в отношении алкогольных напитков и пива не только направлены на получение необоснованных преимуществ, но и являются попыткой воспрепятствования введению в гражданский оборот на территории РФ элитного вина, имеющего сходное до степени смешения наименование. Действия истца содержат признаки недобросовестной конкуренции и зло-

употребления правом, в связи с чем в удовлетворении требований было отказано [4].

Суд признал администрирование домена «vifeop.ru» нарушением исключительных прав на товарный знак и злоупотреблением правом, кроме того, запретил использование товарного знака в доменном имени в Интернете и взыскал 10000 руб. компенсации. Было установлено, что доменное имя ответчика тождественно товарному знаку истца, у владельца доменного имени нет законных прав и интересов в отношении доменного имени, доменное имя зарегистрировано ответчиком и используется недобросовестно [3].

Ещё одной формой злоупотребления правом является аккумуляция товарного знака, выражающаяся в приобретении исключительных прав на товарный знак с целью заключения лицензионных договоров, отчуждении товарного знака, обращении с исковым заявлением о прекращении правовой охраны сходных товарных знаков, с целью получить материальные блага в ходе переговоров или иным способом. Так, правообладатель товарного знака «Афродита», зарегистрированного в отношении товаров и услуг 30-го класса МКТУ предъявляет исковое заявление о запрете использовать обозначение «Афродита» и взыскании компенсации, при этом истец не использует товарный знак более 15 лет. Требования не были удовлетворены, а действия истца признаны злоупотреблением правом [2].

Таким образом, законом не закреплен закрытый перечень последствий злоупотребления правом. Целесообразно выделять такие последствия злоупотребления исключительными правами на товарный знак, как отказ в защите права, запрет использования обозначения, возложение обязанности на Роспатент аннулировать регистрацию товарного знака, признание злоупотребления правом нарушением исключительного права на товарный знак и взыскание компенсации соразмерной нарушению, возмещение причиненных убытков. В общественных интересах отказ в защите права может быть частичным.

Еще одной формой злоупотребления правом на товарный знак является неиспользование товарного знака. Ситуация же, в которой правообладатель не использует свое обозначение на протяжении длительного времени и тем не менее пытается ограничить существование на аналогичном рынке сходных обозначений третьих лиц, инициируя административные или судебные разбирательства, может быть оценена как злоупотребление правом [8, С. 60].

На этот счет в судебной практике существует два основных подхода:

- 1) суды признают злоупотребления в действиях лиц, которые в условиях фактического неиспользования своего товарного знака создают препятствия в использовании иными лицами обозначений, тождественных или сходных до степени смешения с таким товарным знаком;
- 2) поскольку правовым последствием неиспользования товарного знака является его досрочное пре-

кращение в соответствии со ст. 1486 ГК РФ, то само по себе неиспользование товарного знака по крайней мере в течении любых трех лет без наличия иных доказательств ещё не свидетельствует о недобросовестном поведении и злоупотреблении правом [10, С. 10].

Отличие данных подходов основывается на том, сопряжено ли неиспользование товарного знака с такими действиями, как обращение за защитой исключительных прав на товарный знак. Однако даже при неиспользовании товарного знака правообладателем право на защиту может быть реализовано им с целью пресечения паразитирования третьих лиц на его репутации в ситуации, когда товарный знак используется лишь для части охраняемых им товаров [9, С. 16]. Соответственно, оценить добросовестность таких правообладателей и правомерность предъявленных ими требований является непростой задачей для административных и судебных органов.

По результате анализа судебной практики и научной литературы мы предлагаем следующие основные критерии, которые могут указывать на злоупотребление правом в условиях неиспользования товарного знака:

- 1) наличие или отсутствие законного интереса лица в защите своего товарного знака путем устранения иных лиц от использования сходных обозначений;
- 2) истинная цель регистрации товарного знака;
- 3) наличие или отсутствие реального намерения использования товарного знака самостоятельно либо с привлечением третьих лиц;
- 4) причины и срок неиспользования товарного знака.

Руководствуясь приведенными выше критериями, можно прийти к выводу, что само по себе неиспользование товарных знаков ещё не свидетельствует о злоупотреблении. Предъявление при таких условиях исков к третьим лицам может быть лишь проявлением коммерциализации частной инициативы на средства индивидуализации, в частности, способом пресечения паразитирования на известном бренде правообладателя. Так или иначе, представляется, что правомерной следует признать защиту прав того лица, который приложил реальные усилия для продвижения обозначения на рынке, а не того, который лишь получил регистрацию данного знака с недобросовестной целью либо не доказал наличие своего законного интереса в сохранении прав на товарный знак.

Таким образом, со ссылкой на злоупотребление правом в удовлетворении требований правообладателя о защите исключительных прав на товарный знак, который фактически им не используется, должно быть отказано в случаях, если законный интерес правообладателя в сохранении прав на товарный знак не доказан им, а цель регистрации направлена лишь на запрещение использования сходных обозначений третьими лицами, что сопряжено с их судебным преследованием, при этом причины и срок неиспользования не объясняются необходимостью защиты законного интереса правообладателя.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4): Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. N 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (часть 1). Ст. 5496.
2. Определение Верховного Суда РФ от 23.07.2015 по делу № 310-ЭС15—2555, А08—8802/2013 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
3. Постановление ФАС Московского округа от 19.12.2012 по делу N А40—60743/11—110—497 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
4. Решение Суда по интеллектуальным правам от 02.03.2016 по делу № СИП-720/2015 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
5. Решение Суда по интеллектуальным правам от 23.10.2015 по делу № СИП-299/2015 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
6. Голофаев В. В. Пределы осуществления права на товарный знак. Злоупотребление правом на защиту товарного знака // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 20. С. 40—53.
7. Лосев С. Охрана товарных знаков: новое в законодательстве // Наука и инновации. 2016. № 5 (159). С. 44—48.
8. Сергеева Н. Ю. Порядок признания действий правообладателя товарного знака злоупотреблением правом либо недобросовестной конкуренцией // Гражданин и право. 2018. № 5. С. 56—64.
9. Суспицына М. В. Злоупотребляет ли правом на товарный знак правообладатель, не использующий его? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 8. С. 15—19.
10. Фролова Н. Оспаривание представления правовой охраны товарному знаку в случае злоупотребления правом и недобросовестной конкуренции // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2014. № 6. С. 5—13.

Обобщенный типовой механизм реализации муниципальной политики в сфере организации транспортного обслуживания населения современного крупного российского города

Слатюхин Николай Владимирович, студент;

Научный руководитель: Кириллов Леонид Григорьевич, кандидат экономических наук, доцент

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Екатеринбург)

На сегодняшний день в специальной учебной и научной литературе крайне редко встречается подробная информация с описанием непосредственного содержания деятельности органов местного самоуправления в сфере транспортного обслуживания населения. Вследствие этого перед молодыми специалистами и учеными встает проблема, связанная с ограничением возможности относительно быстрого и полного осмысления рассматриваемой сферы муниципального управления.

В целях устранения названного теоретико-методологического пробела, автором настоящей статьи, на основании собственного сравнительного анализа вопросов правового обеспечения и нормативного регулирования деятельности уполномоченных органов местного самоуправления в сфере транспортного обслуживания населения, была предпринята попытка самостоятельного исследования и обобщения практики организации рассматриваемой сферы, на основании нормативных документов десятка крупных отечественных муниципалитетов. В результате исследования был сформирован представленный ниже обобщенный типовой

алгоритм работы — механизм реализации полномочий — профильного отраслевого органа местного самоуправления в сфере организации транспортного обслуживания населения крупного отечественного муниципалитета.

Отправной точкой муниципального управления вопросами транспортного обслуживания населения являются установленные в статье 16 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» полномочия органов местного самоуправления городского округа в рассматриваемой сфере. К ним отнесены «вопросы создания условий для предоставления транспортных услуг населению и организация транспортного обслуживания населения в границах городского округа, а также сопутствующая им дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах городского округа и обеспечение безопасности дорожного движения на них, включая создание и обеспечение функционирования парковок (парковочных мест), осуществление муниципального контроля за сохранностью автомобильных дорог

местного значения в границах городского округа, а также осуществление иных полномочий в области использования автомобильных дорог и осуществления дорожной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации» [1].

Практически всегда аналогичная норма содержится и в Уставе муниципального образования. Например, в соответствии с положениями статьи 9 Устава муниципального образования «город Екатеринбург» [2] к вопросам местного значения муниципального образования, с учетом предмета настоящего исследования, относятся: «создание условий для предоставления транспортных услуг населению и организация транспортного обслуживания населения в границах муниципального образования».

Непосредственными правами на реализацию названных полномочий (собственными полномочиями по решению вопросов местного значения в рассматриваемой сфере) обычно обладает исполнительно-распорядительный орган местного самоуправления муниципального образования. Как правило, это администрация города, которой руководит ее глава или глава города на принципах единоначалия. Администрация города подконтрольна и подотчетна городской Думе (собранию депутатов). Администрация города в подавляющем большинстве случаев обладает правами юридического лица.

Структуры администраций городов чаще всего разрабатываются главами администраций и либо утверждаются, либо не утверждаются городскими Думами (советами депутатов). Штатное расписание администрации города, типовая структура администраций его районов устанавливаются главами администраций городов самостоятельно.

Структуру администраций городов образуют отраслевые (функциональные) и территориальные органы. Отраслевые (функциональные) органы администрации города осуществляют полномочия по управлению отраслями местного хозяйства и социальной сферы. Территориальными органами администраций городов являются администрации районов. В целях организационного, юридического, информационного, материально-технического обеспечения деятельности главы администрации города, администрациями городов формируются аппараты администрации города.

Организация работы и полномочия органов администрации города, не наделенных правами юридического лица, определяются положениями об этих органах, утвержденными правовыми актами администрации города.

Основным субъектом муниципального управления сферой транспортного обслуживания населения города является уполномоченное подразделение местной администрации. Например, это может быть Комитет по транспорту, организации дорожного движения и развитию улично-дорожной сети Администрации города Екатеринбурга [3].

Уполномоченный орган в сфере организации транспортного обслуживания населения является отраслевым органом администрации города.

В его цели, как правило, входят вопросы организации и развитие пассажирских перевозок на территории города; обеспечение эффективного функционирования дорожного движения на улично-дорожной сети города.

Задачи деятельности такого специализированного подразделения крайне разнообразны, поэтому их перечисление в рамках настоящей статьи автором не осуществляется.

Достаточно распространенным является ситуация, при которой специализированное отраслевой подразделение администрации города осуществляет свою деятельность под руководством руководителя, который, в свою очередь, назначается на должность, освобождается от должности и подотчетен либо непосредственно главе администрации города (главе города), либо заместителю главы администрации города (главы города) по вопросам благоустройства, транспорта и экологии и тому подобное.

Внутри специализированного подразделения функции его отделов закрепляются соответствующими положениями.

Достаточно часть специализированное подразделение администрации города, ответственное за вопросы организации транспортного обслуживания населения, имеет свои подведомственные организации, учрежденные в организационно-правовом статусе муниципального бюджетного учреждения.

Осуществляя возложенные на него задачи и функции, специализированное подразделение администрации города, ответственное за вопросы организации транспортного обслуживания населения, непосредственно взаимодействует с федеральными органами государственной власти, с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, с органами местного самоуправления муниципальных образований Российской Федерации, с отраслевыми (функциональными) и территориальными органами администрации города и их подведомственными учреждениями, с общественными организациями, с организациями различной формы собственности.

Как показало проведенное автором настоящей статьи в ходе её подготовки теоретическое исследование, по общему правилу, деятельность органов местного самоуправления по реализации полномочий в сфере транспортного обслуживания населения (далее по тексту статьи также «муниципальная политика») осуществляется на принципах программно-целевого управления в рамках разработанных и принятых отраслевых документов стратегического планирования. Как показывает практика, программно-целевой метод и системный подход к управлению процессами решения вопросов местного значения, основанный на реализации целевых комплексных программ, разрабатываемых с учетом реального состояния муниципальной экономики, с учетом актуальных проблем и задач, стоящих перед городом и его административно-территориальными единицами, а также других, в том числе социальных, факторов, *полностью себя оправдывает*. Программно-целевой подход *позволяет* переориентировать деятельность органов местного са-

моуправления по управлению системой транспортного обслуживания населения города, целенаправленно использовать бюджетные средства *с наибольшей отдачей и эффективностью*.

Классическим инициатором разработки положений муниципальной политики в сфере организации транспортного обслуживания населения выступает либо администрация города, либо городская Дума (совет депутатов).

В укрупненном виде, содержание деятельности уполномоченного подразделения местной администрации, ответственного за вопросы организации транспортного обслуживания населения города, включает в себя:

1. Разработку и принятие муниципальных правовых актов, необходимых для выполнения муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения;

2. Ежегодное формирование перечня основных мероприятий муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения на очередной финансовый год и на плановый период с уточнением затрат по основным мероприятиям муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения в соответствии с мониторингом фактически достигнутых и целевых показателей реализации муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения;

3. Информирование общественности через средства массовой информации и сеть Интернет о ходе и результатах реализации муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения, финансировании основных мероприятий муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения;

4. Совершенствование организационной структуры муниципального управления вопросами транспортного обслуживания населения с четким определением состава, функции, механизмов, координации действий ответственного исполнителя и соисполнителей муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения.

Организация транспортного обслуживания осуществляется посредством размещения муниципальных заказов на выполнение работ, закупку и поставку продукции, оказание услуг на основе муниципальных заказов на приобретение товаров (оказание услуг, выполнение работ) для муниципальных нужд, заключаемых муниципальными заказчиками с исполнителями в установленном законодательством Российской Федерации порядке, а также на основе соглашений между социальными партнерами администрации города.

Оценка результатов и показателей выполнения основных мероприятий муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения, их эффективности осуществляется в порядке, установленном действующим законодательством.

Уполномоченное профильное (отраслевое) подразделение администрации города, выступая координатором реализации муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения.

Во-первых, обеспечивает в ходе реализации муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения координацию деятельности исполнителей муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения, ответственных за реализацию основных мероприятий муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения, и контролирует их исполнение.

Во-вторых, вносит в установленном порядке предложения о распределении финансовых средств и материальных ресурсов, направляемых на проведение основных мероприятий муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения, формирует сводную бюджетную заявку на очередной финансовый год совместно с исполнителями муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения.

В-третьих, контролирует выполнение основных мероприятий муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения.

В-четвертых, готовит отчет о ходе реализации муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения и использовании финансовых средств.

В-пятых, осуществляет текущий мониторинг реализации муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения.

В-шестых, ежегодно проводит оценку эффективности реализации муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения.

Непосредственными исполнителями муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения города могут являться подведомственные уполномоченному подразделению администрации города муниципальные бюджетные учреждения. Например, в городе Екатеринбурге к таковым относятся МБУ «Центр организации движения», МБУ «Городская служба автопарковок», МКУ «Муниципальная транспортная инспекция» [3].

В таком случае непосредственные исполнители муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения:

1) в соответствии с основными мероприятиями муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения направляют предложения к сводной бюджетной заявке с указанием конкретных мероприятий и расчетов в стоимостном выражении с соответствующим обоснованием;

2) ежемесячно представляют аналитическую информацию о ходе выполнения основных мероприятий муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения, эффективности использования финансовых средств, оценку значений целевых показателей реализации муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения.

Исполнители муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения несут ответственность за рациональное, целевое и эффективное использование выделенных им бюджетных средств в соответствии с дей-

ствующими нормативными правовыми актами Российской Федерации, соответствующего субъекта Российской Федерации и муниципальными правовыми актами.

Документы, обосновывающие объемы финансирования мероприятий за счет средств бюджета города, направленных на реализацию положений муниципальной политики в сфере транспортного обслуживания населения города, согласовываются финансовым органом местной администрации.

В заключение статьи отметим, что как показало осуществленное теоретическое исследование, предоставление

субсидий из бюджета города организациям автомобильного транспорта в целях возмещения затрат, возникших в связи с оказанием услуг по перевозке пассажиров в границах муниципального образования по регулируемым тарифам и организациям водного транспорта на возмещение недополученных доходов от социально значимых перевозок пассажиров водным транспортом на пригородных линиях по согласованным тарифам, чаще всего и как правило, осуществляется в соответствии с утвержденными администрацией города порядками предоставления субсидий.

Литература:

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 года N 131-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О принятии Устава муниципального образования «город Екатеринбург»: Решение Екатеринбургской городской Думы от 30.06.2005 № 8/1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении Положения о Комитете по транспорту, организации дорожного движения и развитию улично-дорожной сети Администрации города Екатеринбурга: Распоряжение Главы Екатеринбурга от 24.05.2019 № 73-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Понятие и общая характеристика ответственности перевозчика при перевозке грузов автомобильным транспортом

Слюсарь Алиса Александровна, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Эффективное экономическое развитие любого государства невозможно без активного товарного оборота между коммерческими организациями, некоммерческими структурами, равно как и организациями с различными долями государственного участия. По мере активизации этого процесса масштабы сотрудничества расширяются, соответственно увеличиваются и объемы перевозок, осуществляемых автомобильным транспортом в силу его наибольшей доступности и экономической целесообразности.

Договором перевозки в действующем законодательстве признается соглашение, согласно которому перевозчик обязуется доставить вверенный ему отправителем груз в пункт назначения и выдать его управомоченному лицу (получателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату [1, ст. 785 ГК РФ]. Договорные отношения строятся не только на правах и обязанностях сторон, но и на ответственности в случае неисполнения ими своих обязательств.

В российском законодательстве отношения сторон, возникающие в результате перевозки, в том числе грузов, регламентированы главой 40 «Перевозка» части II Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (в действующей редакции от 18.03.2019 г). Кроме этого, в п. 2 ст. 784 ГК РФ преду-

смотрено, что общие условия перевозки устанавливаются транспортными уставами и кодексами, законами и принятыми в соответствии с ними правилами. На текущий момент для автомобильных перевозок это: Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта, введенным в действие Федеральным законом от 08.11.2007 г. № 259-ФЗ (в редакции от 30.10.2018 г.), Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2011 г. № 272 «Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом» (в редакции от 12.12.2017 г., с изм. от 22.12.2018); иные нормативно-правовые акты. Кроме того, ввиду общей диспозитивности гражданского законодательства РФ, предусмотрено право сторон определять их ответственность за нарушение обязательств в соглашении, с единственным ограничением: если законодательством не установлено иное.

Проанализировав действующие нормативно-правовые акты, регулирующие ответственность за неисполнение обязательств по перевозке, можно сделать выводы, что такая ответственность имеет определенную специфику.

Во-первых, это всегда ограниченная ответственность, сужающая право на полное возмещение убытков по сравнению с общим порядком. Ограничения могут распространяться на упущенную выгоду и даже на часть реального

ущерба. Кроме того, такая ответственность в значительной мере является односторонне-нормативной: соглашения перевозчиков с грузовладельцами (отправителями и получателями) об ограничении или устранении установленной законом ответственности перевозчика недействительны. Таким образом, можно выделить ряд особенностей, действующих при привлечении перевозчика к ответственности за нарушение обязательств:

- возможность взыскания лишь части причиненных убытков;
- действие императивных норм, касающихся размера ответственности перевозчика, что не позволяет снизить или исключить полностью ответственность перевозчика в соглашениях;
- возможность определения размера и пределов ответственности перевозчика по соглашению сторон только в установленных законодательством случаях.

Во-вторых, спецификой ответственности за нарушение обязательств по перевозке грузов является то, что она может наступать не только за нарушение уже заключенного договора перевозки, но и за несовершение действий, связанных с организацией перевозок (например, ответственность перевозчика за неподачу транспортных средств и ответственность отправителя за их неиспользование) [2, с. 28].

Общим правилом для всех видов перевозки является презумпция вины и ответственности перевозчика за вред, причиненный за утрату, недостачу или повреждение груза с момента заключения договора до момента доставки груза в место назначения. Данное утверждение в качестве общеобязательного толкования правовых норм было признано в Постановлении Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации (ВАС РФ) от 14.12.2010 г. № 9587/10, где указывалось, что вина перевозчика презюмируется, и на нем лежит бремя доказательства того, что потеря груза, его повреждение или опоздание были вызваны обстоятельствами, избежать которые перевозчик не мог, и последствия которых он не мог предотвратить [4, с. 1].

Проанализировав нормы законодательства, касающиеся перевозок грузов, можно выделить следующие характеристики ответственности по договору перевозки:

1. ответственность по договору перевозки строится скорее по принципу вины (чем без вины), хотя и в форме презумпции вины обязанной стороны;
2. ответственность по договору перевозки ограничена пределами стоимости груза (не более стоимости груза).

Институт ответственности перевозчика выполняет две важные функции. С одной стороны, он защищает имущественные интересы лиц, которые пользуются услугами по перевозке. С другой стороны, он не позволяет применить к перевозчику чрезмерные финансовые требования, которые могут привести к угрозе функционирования как отдельно взятой транспортной организации, так и в целом транспортного сообщения.

В силу этого ответственность по договору перевозки имеет ряд существенных отличий в сравнении с общегражданским институтом ответственности за невыполнение или ненадлежащее выполнение договорных обязательств. О. Н. Толочко считает, что перевозчик как сторона по гражданско-правовому договору находится в определенной степени в более привилегированном положении по сравнению с другими участниками транспортного процесса [3, с. 36–37].

Проблема ответственности перевозчиков, в том числе при перевозке грузов автомобильным транспортом, является довольно сложной и до сих пор не до конца разрешенной. Данное обстоятельство связано не в последнюю очередь с тем, что нарушение обязательств перевозчиками при оказании ими услуг оказывает непосредственное экономическое влияние на грузоотправителей. Естественно, что, чем шире предел ответственности перевозчика, тем спокойнее для грузоотправителя. И, наоборот, в таких обстоятельствах перевозчику приходится все сложнее оказывать услуги без материального ущерба для себя и морального давления со стороны грузоотправителя или иного собственника груза.

Следует подчеркнуть, что проблема ответственности перевозчика включает в себя, помимо прочего, два основных вопроса, а именно:

- 1) пределы ответственности перевозчика во времени;
- 2) круг тех случаев, наступление которых влечет ответственность перевозчика.

Очевидно, что перевозчик должен нести ответственность только за свою вину, которая может возникнуть при выполнении транспортного процесса, как во времени, так и по существу. Однако, перевозочный процесс является сложной деятельностью, охватывающей ряд вспомогательных и дополнительных операций, включение которых в понятие перевозки может вызывать сомнения. Так, при рассмотрении вопроса ответственности перевозчика, в некоторых случаях необходимо установить, что нарушение было результатом неправомерных действий или бездействия представителей перевозчика — работников, ответственных за выполнение договора. Если будет установлено, что работники предприятия использовали все возможности и резервы, но все же не смогли предотвратить нарушения обязательств и, следовательно, не виноваты в нарушении договора, то возникает вопрос: может ли перевозчик в этом случае быть признан виновным и нести материальную ответственность. Если рассматривать этот вопрос с точки зрения того, что по принципу виновной ответственности, все предприятия-должники обязаны отвечать за нарушение договорных обязательств на одинаковых началах, то тогда ответственность за вину с установлением презумпции виновности должника выглядит более справедливой, чем презумпция невиновности, которая может быть лишь дополнительной лазейкой для ухода перевозчика от ответственности, и без того весьма ограниченной.

Эти и другие особенности, и коллизии Арбитражными судами РФ ежегодно рассматриваются в сотнях споров, вытекающих из договора перевозки грузов. Практика его применения субъектами хозяйствования и судебная практика показывают несовершенство отдельных положений действующего законодательства об автомобильной перевозке грузов, разницу в теоретическом представлении об этом договоре, различия правового регулирования в соседних государствах.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) [Электронный ресурс] // Доступ из Консультант плюс.
2. Гражданское право: Учебник / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. Ч. II. С. 397
3. Толочко, О. Н. Международное транспортное право / О. Н. Толочко. Гродно: ГрГУ, 2006. — 134 с.
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 14.12.2010 N 9587/10 по делу N А31–6093/2009, опубликовано в «Вестник ВАС РФ», 2011, N 3 [Электронный ресурс] // Доступ из Консультант плюс.
5. Санникова Л. В. О правовой природе транспортных обязательств / Л. В. Санникова. — М.: Юрист, 2007, № 5. — с.16–19.

Поэтому можно резюмировать, что правовое регулирование ответственности перевозчика должно обеспечивать решение по крайней мере двух важных задач. А именно:

- давать достаточную защиту организациям и грузоотправителям, пользующимся услугами транспорта;
- стимулировать перевозчиков к надлежащей организации транспортного процесса и не порождать для них чрезмерных финансовых трудностей [5, с. 16–17].

Сравнительный анализ развития систем мобильной связи и прогноз развития технических средств защиты информации от утечки по каналам сотовой связи

Соколовский Сергей Петрович, кандидат технических наук, доцент;
 Беляев Сергей Николаевич, кандидат на обучение в адъюнктуре
 Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С. М. Штеменко

В настоящее время наличием мобильного телефона уже никого не удивить. Современные мобильные устройства настолько прочно вошли в нашу жизнь что представить ее без них уже невозможно. Отказаться от сотовой связи, невозможно и по социальным причинам — человек отказавшийся от благ 21 века в той или иной мере становится «изгоем» для окружающего его общества. Но не все владельцы мобильных телефонов учитывают, тот факт, что мобильная связь приносит не только удобства, но и способствует развитию угроз безопасности в различных сферах жизни.

Тема защиты информации от утечки по средством несанкционированного применения сотовых телефонов по своей сути не нова, о ее актуальности можно говорить очень много. Однако в наше время развитие сетей сотовой связи происходит непрерывно. Инженеры крупных компаний постоянно разрабатывают новые решения способные повысить скорость и надежность передачи данных. Каждое новое поколение мобильных технологий связано с существенным увеличением возможностей и с появлением качественно новых сервисов, которые могут использоваться не только во благо человека, именно поэтому актуальность данного вопроса не пропадает и с каждым появлением нового сервиса выходит на первое место.

Прослушанные разговоры высокопоставленных лиц различных государств, которые велись по сотовым телефонам не раз становились предметом политических скандалов, а видео снятое на мобильные телефоны не редко используется для ведения информационного противоборства.

Мобильный телефон на сегодняшний день является самым высокотехнологичным устройством, находящимся в свободном доступе. Именно этот факт заставил государственную думу Российской Федерации разработать и принять федеральный закон, запрещающий военнослужащим в ряде случаев иметь при себе электронные приборы бытового назначения, в которых могут храниться или которые позволяют через Интернет распространять или предоставлять аудио-, фото-, видеоматериалы и данные геолокации.

Вместе с тем, организационные меры не всегда решали все проблемы защиты информации. В организациях, уделяющих внимание защите своих корпоративных данных, организационные меры всегда применялись в комплексе с мероприятиями, направленными на техническую защиту информации.

С целью определения тенденций развития технических средств защиты информации от утечки по каналам сотовой связи проведем сравнительный анализ развития сотовой связи.

Рассматривая вопросы эволюции систем мобильной связи, мы приходим к понятию «поколений»

Первое поколение

Первое поколение было полностью аналоговым и позволяло только осуществлять передачу голоса. Аналоговые системы сотовой связи первого поколения, были больше похожи на сети теле- или радиовещания, чем на современные сотовые системы связи. Базовые станции в них излучали сигнал с большой мощностью и на обширной территории (с радиусом до 50 км).

В последствие появилась возможность низкоскоростной передачи пользовательских данных. Но из-за низкой скорости (1,2 кбит/сек) данная услуга широкого распространения не нашла, как и само развитие аналоговой связи.

Второе поколение

Второе поколение мобильной связи 2G стало полностью цифровым.

Главным отличием стандартов второго поколения от стандартов связи предыдущего был способ доступа абонентов в сеть, вместе с частотным разделением каналов использовался множественный доступ с временным разделением что позволило повысить емкость сети и увеличить скорость передачи данных.

Основным преимуществом стандарта GSM перед остальными являлась возможность замены абонентского номера (оператора), для этого достаточно лишь было поменять SIM-карту. Данное преимущество и позволило этому стандарту завоевать рынок мобильной связи.

Его диапазон частот был 890–960 МГц, а затем и 1800 МГц. Во втором поколении связь стала более качественной за счет оцифровки звука. Но из-за того, что уровень сигнала был слишком низким, GSM-операторы вынуждены размещать как можно большее количество базовых станций, чтобы люди не испытывали проблем со связью.

В последующем на базе GSM модулей создавалось огромное количество различных гаджетов, таких как автомобильная GSM сигнализация, GSM жучки для прослушки и которые применяются и развиваются и по настоящее время.

Третье поколение

Поколение 3G ознаменовано существенным увеличением скорости передачи данных. Сеть мобильной связи третьего поколения, позволяет осуществлять видеозвонки (когда собеседники видят друг друга на экранах мобильных телефонов), реализовывать различные мультимедийные сервисы, требующие высокую скорость передачи данных, а также предоставляет высокоскоростной доступ к интернету, в любой точке, где есть 3G сеть, что позволяет забыть о привязке к проводной точке доступа к интернету (дома или в офисе).

Частотный диапазон 3G был следующий 900 МГц, 1900 МГц, 2100 МГц. Основной особенностью 3G-связи стала возможность задействовать одновременно пакетную передачу цифровых данных и каналное подключение. Это значило, что появилась возможность говорить по теле-

фону, не теряя связи с любым сайтом. 2G подобной роскоши не разрешало.

Четвертое поколение

Четвертое поколение обеспечивает предельные скорости передачи данных на уровне 326,4 Мбит/сек в сторону абонента и до 172,8 Мбит/сек в направлении от пользователя к базовой станции. К примеру, загрузка фильма в хорошем качестве займет менее одной минуты.

Четвертое поколение связи основано на IP-протоколе, который объединил отдельные компьютерные сети во всемирную сеть Интернет с отдельными IP-адресами. Основным преимуществом 4G стала скорость, превышающая показатели 3G в 200–500 раз. Кроме того, в отличие от предшественника, сети четвертого поколения не используют канал для передачи голоса, а работают только с цифровыми данными. Это значит, что звонки переходят в формат VoIP, что в будущем может привести к отмиранию классической сотовой связи в пользу интернет-телефонии. Формат VoIP (англ. Voice over IP) подразумевает все варианты передачи голоса в сети, в том числе не имеющие никакого отношения к телефонии и общению людей. Например, технология VoIP применяется для передачи звука в системах видеонаблюдения, оповещения, просмотре фильмов в режиме онлайн.

Пятое поколение

Как отмечалось ранее прогресс не стоит на месте и сегодня мы стоим на пороге очередного перехода к новому поколению мобильной связи. Международные организации по стандартизации ставят целью не только многократное увеличение скорости передачи до 10 Гбит/сек, но и кардинальное повышение надежности сетей нового поколения. Теперь речь будет идти не только о мобильной связи, но и о внедрении технологии в такие ответственные задачи как медицина, энергетика, автомобилестроение.

Основные категории прогнозируемых вариантов использования сетей 5G:

— Усовершенствованная подвижная широкополосная связь. Данная категория охватывает варианты использования, ориентированные на человека и обеспечивающие доступ к мультимедийным услугам и контенту. Для этих вариантов, включая загрузку мультимедийных потоков, веб-доступ, видеоконференцсвязь и виртуальную реальность, будет обеспечена повышенная скорость передачи данных. Наивысшая скорость передачи будут достигаться в малых сотах при небольшой скорости движения пользователей.

— Сверхнадежная передача данных с малой задержкой. В данную категорию входят новые варианты использования, которые предъявляют жесткие требования к таким показателям сетей, как пропускная способность, задержка передачи пакетов и коэффициент готовности. Примерами таких вариантов являются беспроводное управление производственными процессами, дистанционная хирургия, автономное вождение и т. д.

— Массовая межмашинная связь. Относящиеся к данной категории варианты использования характеризуются огромным числом подключенных устройств, как правило,

передающих относительно небольшие объемы данных, не столь чувствительных к задержке. Необходимо обеспечить малую стоимость этих устройств и продолжительное время их работы от батареи.

Проведя анализ развития сетей мобильной связи, интересующую нас информацию можно представить в виде таблицы № 1.

Таблица 1

Поколение связи	Стандарт сети	Технология	Скорость передачи данных (макс.) к абоненту/от абонента	Полоса сигнала, МГц	Используемые диапазоны частот МГц
2 G	GSM	GPRS	20/20 кбит/с	0,2	900
		EDGE	59,2/59,2 кбит/с	0,2	1800
3 G	UTMS	WCDMA	384/384 кбит/с	5	900 1900 2100
		HSDPA	14,4/5,76 Мбит/с	5	
		HSPA+	21/11,5 Мбит/с	5	
		DC HSPA+	42/23 Мбит/с	10	
4 G	LTE	MIMO 2\2	150/75 Мбит/с	20	800 1800 2600
5 G	-	-	10 Гбит/сек	-	3,4–3,8 ГГц 24,5–29,5 ГГц 4,4–4,9 ГГц.

Рассмотрев технические характеристики поколений сотовой связи, представленные в таблице, можно сделать вывод о том что развитие сетей мобильной связи привело к увеличению в первую очередь скорости передачи данных. Для реализации этого приходилось увеличивать ширину (полосу) сигнала и диапазоны частот, задействованные для его передачи.

Переходя к прогнозированию развития средств защиты информации от утечки по каналам сотовой связи необходимо оговорить что в данной работе рассматриваются технические средства, не относящиеся к комплексам радиоэлектронной борьбы, которые решают определенного рода другие задачи и на других театрах действий.

И так на сегодняшний день средства защиты информации от утечки по каналам сотовой связи представляют собой портативные модели имеющие собственные аккумуляторы и предназначены для подавления одного или нескольких диапазонов частот. Могут работать как автономно, так и при подключенном питании, их можно носить с собой, применять в автомобиле или помещениях.

Диапазоны, которые могут глушить такие приборы: GSM900; GSM1800; 3G; 4G WIMAX; 4G LTE, однако одним прибором невозможно заглушить все диапазоны

Общий принцип работы всех глушилок очень прост: они излучают сигнал в том же диапазоне частот, что и устройство, которое требуется подавить. Вокруг глушилки создается поле «белого шума», в котором теряются сигналы от других источников.

Исходя из вышеизложенного можно было бы сделать вывод что дальнейшее развитие средств защиты информации от утечки по каналам сотовой связи будет происходить по такому же пути — увеличение ширины сигнала помехи и частоты помехи.

Но по ряду причин, дальнейшее развитие по данному пути будет тупиковым.

У технических средств, имеющихся в настоящее время на рынке, есть ряд недостатков:

- большинство таких устройств не имеют сертификатов соответствия;
- дальность подавления сотовой связи для различных операторов связи будет разной;
- чем шире диапазон частот, который необходимо подавить тем менее эффективно устройство;
- развитие сетей на основе действующих не позволяет отбросить имеющиеся в настоящее время средства защиты.

Заключение

Рассмотренное выше позволяет сделать вывод о том, что основным направлением развития комплексов, устройств блокирования работы сотовых телефонов будет направление интеллектуального подавления сотовой связи, которое в свою очередь будет включать:

- развитие энергетически эффективных средств подавления. Работа устройств по принципу обнаружил подавил;
- развитие средств высокоточного подавления (узконаправленного в частотном диапазоне. Дабы избежать создания помех для сторонних радиоэлектронных средств устройства блокировки должны обладать сосредоточенным в частотном спектре генерируемым сигналом;
- развитие средств подавления (блокирования) функционирующих по принципу выборочного подавления работы устройств. Кроме устройств, которые необходимо заблокировать, в сети работают и другие, которые нужны.

— развитие систем подавления комбинированного (модульного) типа (для различного вида технологий передачи данных). Ввиду того что от старых сетей никто

не отказывается устройства должны иметь возможность подавлять и их.

Литература:

1. А. Джамалипур. Беспроводной мобильный Интернет. Архитектура, протоколы и сервисы. — Техносфера, 2009. — 496 с.
2. Х. Кааранен, А. Ахтиайнен, Л. Лаитинен — Сети UMTS. Архитектура, мобильность, сервисы. — Техносфера, 2007. — 464 с.
3. В. О. Тихвинский, С. В. Терентьев, А. Б. Юрчук — Сети мобильной связи LTE. Технологии и архитектура. — Экотрендз, 2010. — 284 с.
4. С. Б. Макаров, Н. В. Певцов, Е. А. Попов, М. А. Сиверс — Телекоммуникационные технологии. Введение в технологии GSM. — Академия, 2008. — 256 с.
5. А. Н. Берлин — Сотовые системы связи. Бином. Лаборатория знаний. 2009. — 360 с.
6. В. Вишневский, С. Портной, И. Шахнович — Энциклопедия WiMAX. Путь к 4G. — Техносфера, 2009. — 472 с.

Методика оценки налоговых рисков

Суворова Евгения Владимировна, директор по правовым вопросам

ООО УК «РФП Групп» (г. Хабаровск)

Идентификация риска — это процесс выявления субъектов, объектов и ситуаций, несущих риск, факторов риска и классификации риска по видам. Основной целью идентификации рисков является создание условий для возможности их последующего измерения и снижения. Для идентификации источников возникновения налоговых рисков, риски, вызванные действиями (бездействием) государственных органов, можно подразделить на:

- риски, вызванные действиями (бездействием) законодательных (представительных) органов;
- риски, вызванные действиями (бездействием) органов исполнительной власти;
- риски, вызванные действиями (бездействием) судебных органов. Кроме того, действия (бездействие) налогоплательщика могут провоцировать возникновение налогового риска (рис. 1).

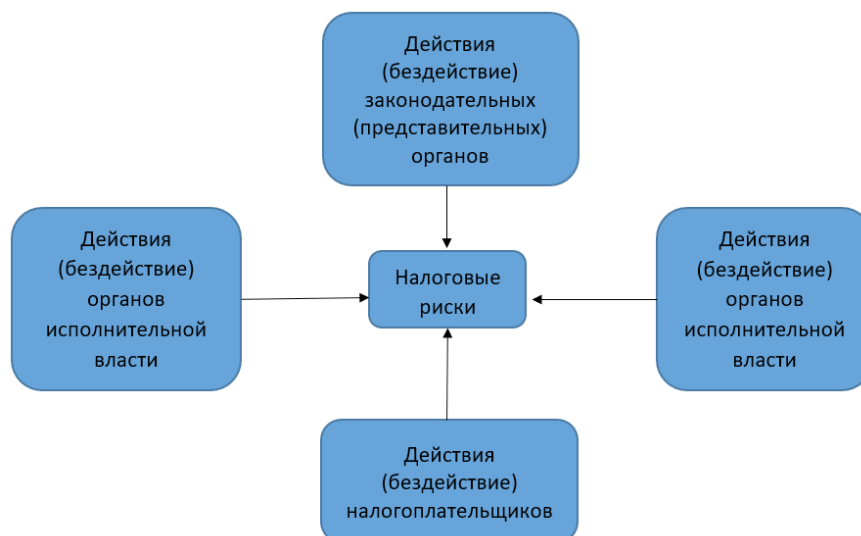

Рис. 1. Источники возникновения налоговых рисков

Таким образом, для идентификации и оценки налоговых рисков необходимо результаты действий (бездействия) налогоплательщика соотнести с результатами действий (без-

действия) государственных органов и (или) органов местного самоуправления. Данные результаты могут носить как реализованный, так и планируемый (предполагаемый)

характер. При этом, исходя из указанных источников возникновения, можно предложить условную шкалу оценки экспертами возможных налоговых рисков в результате действий (бездействия) налогоплательщика, квалифицируя их как высокие, средние или низкие, в соответствии со следующими критериями:

- **высокий риск** — требования налогового законодательства, по мнению экспертов, нарушены, а позиция Минфина России и (или) налоговых органов достаточно обоснована и неблагоприятна для налогоплательщика (отрезок 3); арбитражная практика отсутствует (отрезок 5) либо сложилась не в пользу налогоплательщика (отрезок 6);
- **средний риск** — требования налогового законодательства, по мнению экспертов, не нарушены, но позиция Минфина России и (или) налоговых органов неблагоприятна для налогоплательщика (отрезок 2); арбитражная практика отсутствует либо позиция судов неоднозначна (отрезок 5).
- **низкий риск** — требования налогового законодательства, по мнению экспертов, не нарушены (отрезки 1 и 2); позиция Минфина России и (или) налоговых органов неблагоприятна для налогоплательщика (отрезок 2), неоднозначна или отсутствует (отрезок 1), но арбитражная практика сложилась в пользу налогоплательщика (отрезок 4).

Для количественной оценки налогового риска можно использовать по аналогии методику, предложенную для примерной оценки вероятности последствий условного факта хозяйственной деятельности (приложение к Положению по бухгалтерскому учету «Условные факты хозяйственной деятельности» ПБУ 8/01, утвержденному приказом Минфина России от 29.11.2001 № 96н), в соответствии с которой малая вероятность оценивается как 0–5%, средняя — 5–50%, высокая 50–95%.

Существуют и другие критерии оценки уровня налогового риска. Например, Е. Е. Смирнова использует следующие критерии [1]:

- высокий уровень налогового риска — свыше 30%;
- средний уровень налогового риска — от более 15% до 30%;
- низкий уровень налогового риска — в интервале 1–15%.

Количественным выражением налогового риска будет произведение ожидаемых финансовых потерь при наступлении вероятностного события и процента вероятности потерь: $R = S * P$, где

- R — налоговый риск;
- S — возможные финансовые потери при наступлении вероятностного события;
- P — вероятность потерь.

Предложенная методика оценки налоговых рисков предназначена для оценки рисков по отдельным хозяйственным операциям.

Существуют три уровня принципов оценки рисков:

1) методологические принципы — принципы, определяющие более общие, концептуальные положения, которые не зависят от особенностей рассматриваемого вида риска (даже инвариантные относительно характера целевых и ценностных установок);

2) методические принципы — непосредственно связаны с видом деятельности, его спецификой и ценностными представлениями;

3) операционные принципы — связанные с однозначностью, достоверностью, наличием информации и возможностью ее обработки.

Достаточно сложным является создание структуры системы принципов.

Данная структура, в свою очередь, должна также удовлетворять определенным правилам, например, таким как полнота и непересекаемость.

Соблюдение принципа полноты означает построение системы, которая максимально учитывала бы все возможные принципы, на всех уровнях. Принцип непересекаемости предполагает, что смысловое содержание одного принципа не должно иметь чего-либо общего с содержанием других принципов оценки рисков.

Рассмотрим некоторые принципы более детально.

Первая группа включает в себя шесть основных методологических принципов, применяемых в оценке налоговых рисков.

Однотипность рисков означает, что представления о налоговом риске у всех участников деятельности совпадают. Данный принцип имеет большое значение, так как невозможно строить стратегию и тактику изучения рисков, если у участников их реализации противоположные мнения.

Позитивность рисков означает, что показатель риска не больше уровня приемлемости. Данный принцип также связывают с достижимостью результатов, то есть риски не должны быть такими, чтобы дело было безнадежным.

Объективность предполагает, что при оценке налогового риска нужно обеспечить правильное отражение структуры и характеристик изменяющихся параметров налогообложения объекта. При этом необходимо опираться на правильные качественные и количественные показатели процессов и по возможности учитывать степень не Достоверности и неопределенности, всегда присущую будущему.

Корректность представляет собой набор формальных требований, к которым относятся:

1) интервальная монотонность — на определенном интервале значений показателей при увеличении интенсивности деятельности пропорционально возрастает величина риска;

2) непропорциональность — то есть рост налогового риска не прямо пропорционален увеличению интенсивности деятельности;

3) переходность — предусматривает, что если первая ситуация менее рискованная, чем вторая, а вторая меньше, чем третья, то, соответственно, первой ситуации присущ меньший уровень риска, чем третьей.

4) аддитивность — если налоговый риск одного вида деятельности — P_1 , а второго — P_2 , то при одновременном ведении этих видов деятельности общий налоговый риск равен сумме отдельных рисков: $R_{общ} = P_1 + P_2$.

Комплексность рисков — общая совокупность налоговых рисков объекта должна образовать иерархическую замкнутую систему.

Взаимозависимость — возникновение одних рисков прямо или опосредованно влечет за собой возникновение других.

Естественно, группа методологических принципов не ограничивается представленными шестью.

Рассмотрим следующий уровень оценки рисков — методические принципы. Нам целесообразно рассматривать лишь ту группу принципов, которую непосредственно можно отнести к налоговым рискам (рис. 3).

Диссонансируемость — любая новая деятельность приносит в окружающую действительность что-то специфическое; данная специфика в итоге и определяет величины конкретных показателей. Следовательно, величина налогового риска тем больше, чем значимее величина диссонанса от новой деятельности.

Разновосприимчивость — предполагается, что различные участки деятельности имеют несовпадающие интересы и, соответственно, разное отношение к возможным ущербам.

Динамичность — необходимость учитывать изменчивость налоговых рисков и давать однозначную характеристику предполагаемой динамике процессов.

Согласованность — принцип основан на несинхронности отдельных этапов деятельности, неравномерности вложения ресурсов, различности целевых установок. При ведении экономической деятельности риски начинают наступать в определенный момент и процессы их предупреждения должны быть согласованы с другими процессами.

К третьему уровню относятся операционные принципы оценки рисков.

Наиболее значимыми для оценки налоговых рисков, на наш взгляд, являются **моделируемость** и **симплифицируемость** рисков.

Моделируемость — возможность описания ситуации возникновения налоговых рисков моделью. Но не следует путать принцип моделируемости и **метод моделирования** — последний применяется для расчета величины риска, в то время как первый определяет правила моделируемости [2].

Оценка уровня налогового риска является одним из важнейших этапов управления риском. В различных экономических источниках даются различные определения оценки рисков; в общем случае под данным понятием понимается **системный процесс выявления факторов и видов риска, а также их количественная оценка, то есть методология оценки рисков сочетает дополняющие друг друга количественный и качественный подходы.**

Для проведения анализа и оценки возможных налоговых рисков необходима полная и качественная информационная база.

Выделяются два этапа оценки налогового риска: качественный и количественный.

Задачей качественной оценки риска является выявление источников и причин риска, этапов, при выполнении которых возникает риск, то есть:

- определение потенциальных зон возникновения риска;
- выявление налоговых рисков, сопутствующих деятельности объекта;
- прогнозирование возможных выгод и негативных последствий.

Основная цель данного этапа оценки — выявить основные виды налоговых рисков, которые могут возникнуть при ведении деятельности.

Преимущество такого подхода заключается в том, что уже на начальном этапе оценки руководитель предприятия может наглядно оценить степень рискованности по качественному составу налоговых рисков и отказаться от осуществления принятого налогового решения.

Итоговые результаты качественной оценки налогового риска, в свою очередь, служат исходной информацией для проведения количественной оценки, то есть оцениваются только те налоговые риски, которые будут присутствовать при осуществлении конкретных налоговых решений.

На этапе количественной оценки налогового риска вычисляются числовые значения величины отдельных рисков и риска, присущего объекту в целом. Также выявляется ущерб и дается стоимостная оценка возможного проявления налогового риска. Завершающей стадией количественной оценки рисков является разработка системы мероприятий по снижению налоговых рисков и расчет их стоимостного эквивалента.

Количественный анализ можно формализовать, для чего используются методы, применяемые в теории вероятностей, математической статистике, теории исследования операций. Наиболее распространенными методами количественной оценки налогового риска являются статистические, аналитические методы, метод экспертных оценок, метод аналогов [3].

Суть статистических методов оценки налогового риска заключается в определении вероятности возникновения у налогоплательщика потерь на основе имеющихся статистических данных о доначислении налогов, пеней и штрафов за предшествующие периоды и установлении зоны риска, коэффициента риска и т. д.

В целом статистическая оценка налогового риска предусматривает ряд процедур, зависящих от конкретной ситуации. Но при обобщении данных методов можно предложить общую методику статистической оценки налогового риска, состоящую из 11 блоков, 7 из которых аналитические, а 4 — логические.

Главным достоинством статистических методов оценки налоговых рисков является возможность анализировать и оценивать различные варианты развития событий и учитывать разные факторы возникновения налоговых рисков в рамках одного подхода.

Основным недостатком этих методов является возможность использования в них лишь вероятностных характеристик.

При оценке налоговых рисков возможно применение следующих статистических методов: оценка вероятности исполнения решения, анализ вероятного распределения потока платежей, деревья решений, имитационное моделирование рисков.

Метод оценки вероятности исполнения позволяет дать упрощенную статистическую оценку вероятности исполнения какого-либо решения путем расчета доли выполненных и невыполненных решений в общей сумме.

Метод анализа вероятностных распределений потоков платежей позволяет при известном распределении вероятностей для каждого элемента потока платежей оценить возможные отклонения стоимостей потоков платежей от ожидаемых. Поток с наименьшей вариацией — менее рискованный.

Создание дерева решений обычно используются для анализа рисков событий, имеющих обозримое или разумное число вариантов развития. Они особо полезны в ситуациях, когда решения, принимаемые в момент времени $t = n$, сильно зависят от решений, принятых ранее, и в свою очередь определяют сценарии дальнейшего развития событий.

Литература:

1. Смирнова Е. Е. Налоговый контроль в цифровой экономике // Финансы. — 2017. — № 11. — С. 32–34.
2. Ступина, А. О. Оптимизация и минимизация налоговых платежей организации // Налоговый вестник. — 2017. — № 2. — С. 20–25.
3. Мизгулин Д. А. Методологические подходы к определению содержания рисков в сфере налогообложения и налоговых рисков // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2011. № 1.

Проблемы практики реализации полномочий адвоката в уголовном процессе

Тактаева Екатерина Николаевна, студент магистратуры

Саратовская государственная юридическая академия

Говоря о полномочиях защитника, в первую очередь видится необходимым определить, кто же может выступать в качестве такового в уголовном процессе России.

На основании ч. 2 ст. 49 УПК РФ [2], в качестве защитников могут допускаются как адвокаты, так и один из близких родственников обвиняемого по ходатайству последнего. В целях обеспечения подозреваемых и обвиняемых качественной юридической помощью, законодатель предусмотрел, что непрофессиональные защитники (близкие родственники) принимать участие в защите могут исключительно наряду с адвокатом и лишь при производстве у ми-

митационное моделирование является одним из мощнейших методов анализа экономической системы. Под ним обычно понимается процесс проведения на компьютере экспериментов с математическими моделями сложных систем реального мира.

Следующей группой методов, широко применяемых при проведении оценки налоговых рисков, являются аналитические методы.

Данная группа методов позволяет определить вероятность возникновения потерь у налогоплательщика на основе математических моделей и довольно часто используется для оценки риска внедрения инвестиционных проектов.

Таким образом, поскольку методика оценки рисков направлена на идентификацию, анализ и их измерение, то она является центральной частью процесса управления налоговыми рисками. Анализ и измерение риска включает рассмотрение вероятности и последствий риска на основе которых определяется подход к управлению данным видом риска. В рамках анализа вероятности должны быть выделены факторы риска, характерные для компаний. Главной задачей для компаний, имеющих структурные подразделения (в виде представительств или самостоятельных юридических лиц) в разных странах, является своевременная идентификация ключевых налоговых рисков в международном масштабе и их оценка. После идентификации, анализа и оценки налоговых рисков необходимо принять решение о том, как ими управлять.

рового судьи защиту может осуществлять и только близкий родственник, вместо адвоката.

В свете сказанного ситуация выглядит следующим образом:

- в ситуациях, когда имеет место публичный интерес, у адвоката имеется существенное преимущество при принятии решения о допуске именно его в качестве защитника подозреваемого (обвиняемого);
- в ситуациях, когда имеет место публичный интерес, у адвоката имеется существенное преимущество при принятии решения о допуске его в качестве за-

щитника, но осуществление (реализация) публичного интереса выступает в качестве обязательного условия для возможности реализации частного интереса, наряду с адвокатом к участию в уголовном деле может быть допущено и иное лицо;

- в ситуациях, когда отсутствует публичный интерес, у адвоката преимущества при принятии решения о допуске в качестве защитника отсутствуют в силу возможности допуска в качестве такового и его, и другого лица.

Некоторые авторы, в частности, А. Гуляев и С. Купрейченко считают, что отсутствие запрета на привлечение к участию в уголовном деле в качестве защитников лиц, не обладающих статусом адвоката, может в итоге привести к одной существенной проблеме: государством не будут предъявляться конкретные требования к качеству оказываемой юридической помощи и, в силу этого, у государства не будет возможности гарантировать ее надлежащий уровень [5, с. 29].

Что касается практического аспекта рассматриваемого вопроса, то, с одной стороны, можно сделать вывод о том, что привлечение к участию в качестве защитника уголовном деле в стадии предварительного расследования только адвоката, гарантирует право подозреваемого (обвиняемого) на защиту, в то время как допуск иного лица в качестве защитника будет являться нарушением данного права. С другой, недопуск в ходе предварительного расследования к защите другого лица как нарушение права на защиту не рассматривается.

В то же время В. В. Шухардин считает, что нельзя рассматривать как гарантию права на защиту невозможность допуска к участию в уголовном деле на досудебных стадиях иного лица кроме защитника [7, с. 5].

С нашей точки зрения позиция законодателя о том, что иное лицо по ходатайству обвиняемого (подозреваемого) допускаться к защите может только на стадии судебного разбирательства и только наряду с адвокатом является неверной, нарушающей право выбора лицом способов своей защиты. Представляется, что положения Конституции РФ [1] в большинстве своем толкуются неверно, поскольку в ней, с нашей точки зрения, закрепляется именно право выбора квалифицированной юридической помощи, в том числе, и со стороны адвоката, при этом нормативно в Основном законе указание на то, что квалифицированную помощь может осуществлять лишь адвокат, отсутствует.

С нашей точки зрения, совершенно необоснованна позиция законодателя о том, что даже в судебной стадии отказ обвиняемого (подозреваемого) от услуг адвоката автоматически влечет за собой прекращение участия в деле иных лиц в роли защитников, поскольку таковая защита может осуществляться исключительно наряду с помощью адвоката. Также смущает тот факт, что допуск адвоката к защите осуществляется без каких-либо условий, достаточно предоставления ордера и лица, производящие расследование, и суд, обязаны допустить адвоката в качестве защит-

ника. Допуск же иного лица к защите является правом суда, а не обязанностью.

Примечателен, по нашему мнению, и тот факт, что закон не предусматривает какого-либо ограничения относительно числа адвокатов, которые могут осуществлять защиту подозреваемого (обвиняемого), однако, по поводу допуска к участию в деле иных лиц закон четко говорит о таком лице в единственном числе.

А. Козлов полагает, что в настоящее время «защитник ставится в зависимость не от качества защиты, а лишь от членства в адвокатуре. А разве доктор юридических наук или заслуженный юрист менее подготовлены, если они не адвокаты?! Пусть обвиняемый сам примет решение, кто будет его защищать» [7, с. 29].

Полагаем, что защита обвиняемого в действительности может быть эффективной только тогда, когда он обладает всеми возможностями реализации своего права на защиту. Поэтому, мы считаем, что уголовно — процессуальные нормы, регламентирующие право на защиту, нуждаются в совершенствовании, в связи с чем, предлагаем ч. 2 ст. 49 УПК РФ изложить следующим образом: «В качестве защитников допускаются адвокаты, близкие родственники обвиняемого или иные лица, о допуске которых ходатайствует обвиняемый». Таким образом, лицо, подозреваемое в совершении преступления, в действительности сможет свободно выбирать способ своей защиты.

Защитник, исходя из ч. 3 ст. 49 УПК РФ, в ходе предварительного расследования участвовать в уголовном деле может с момента [2]:

- вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого;
- возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица;
- фактического задержания подозреваемого в совершении преступления;
- вручения лицу уведомления о подозрении в совершении преступления;
- объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы;
- применения иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления.

Из анализа вышеуказанной нормы следует вывод о том, что принятие участия защитника в предварительном расследовании возможно только после возбуждения уголовного дела, о защитнике как участнике доследственной проверки закон ничего не говорит.

В то же время защитник обладает возможностью принимать участие в производстве ревизий, документальных проверок, осмотре места происшествия, осуществлять сбор данных о личности своего подзащитного, истребовать документы от организаций и граждан, проводить беседы с теми лицами, которые не были опрошены лицом, производящим

доследственную проверку, и составлять протокол опроса в случае получения важных сведений, после чего предлагать лицу, производящему расследование, произвести допрос таких лиц [5, с. 30].

Не существует единого мнения по вопросу о том, может ли защитник присутствовать при опросе лицом, производящим доследственную проверку, того лица, интересы которого он представляет.

Ряд исследователей склоняется к мысли о том, что защитнику закон не предоставляет такого права, поскольку ст. 49 УПК РФ устанавливает исчерпывающий перечень ситуаций, в которых защитник может быть допущен к участию в уголовном деле [2].

Оспаривая такую позицию, другие ученые отстаивают точку зрения, в соответствии с которой момент появления защитника конкретного лица в уголовном процессе определяется только его доверителем, то есть, с момента появления у доверителя потребности в защитнике последний должен быть допущен к представлению его интересов в уголовном судопроизводстве. И именно это и подразумевалось законодателем при включении в перечень ст. 49 УПК РФ момента, с которого начинается осуществление процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, так как производство проверки по сообщению о преступлении состоит именно из таких действий.

Мы полагаем, что УПК РФ никоим образом не ограничивает участие защитника в опросе его доверителя, в связи с чем, если защитник предоставляет ордер на представление интересов лица, подлежащего опросу, лицо, производящее доследственную проверку, обязано допустить защитника к участию в данном проверочном действии. Все это относится в полной мере и при получении от данного лица явки с повинной.

Несмотря на перечень моментов, содержащихся в ч. 3 ст. 49 УПК РФ, с которых защитник может привлекаться к участию в уголовном деле, мы полагаем, что защитник может принимать участие в уголовном процессе начиная со стадии доследственной проверки, что требует своего закрепления в нормах УПК РФ.

Дословное толкование норм УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что соглашение, заключенное доверителем с адвокатом, не значит, что защитник с этого момента — полноправный участник уголовного процесса, так как для начала его деятельности требуется получения допуска.

Для вступления адвоката в качестве защитника в уголовное дело, по-прежнему требуется разрешение (допуск), но в то же время в законе не даётся ответа на вопрос: кто разрешает адвокату участвовать в уголовном деле? Очевидно, что данное разрешение дается лицом, у которого уголовное дело находится в производстве. Однако обладает ли это лицо подобным правом — правом решать будет ли данный адвокат участвовать в уголовном деле в качестве защитника? Учитывая тот факт, что следователь и дознаватель представляют сторону обвинения, это представляется весьма сомнительным.

Очевидно, что рассматриваемый подход следственных органов противоречит позиции Конституционного Суда РФ, разъяснившего, что выполнение защитником его процессуальных обязанностей предполагает наличие у него ордера на защиту конкретного подозреваемого и не может никоим образом зависеть от желаний лица, расследующего уголовное дело. Отвод защитника может быть произведен только по тем основаниям, которые прямо предусматривает УПК РФ [2]. В силу этого, законодательством закреплен уведомительный, а не разрешительный порядок вступления адвоката в уголовное дело в качестве защитника, то есть, фактически, последний лишь сообщает следователю о том, что он принял на себя защиту конкретного лица и вступил в уголовное дело, а не спрашивает на это разрешения следователя [4]. Соответственно, усмотрение стороны обвинения никак не может оказывать влияние на вступление защитника в уголовное дело.

С того момента, как адвокат вступил в дело, он обладает такими полномочиями, как:

- свидания со своим подзащитным;
- сбор и предоставление доказательств, которые необходимы для реализации подозреваемым (обвиняемым) права на защиту;
- привлечение специалиста к участию в процессуальных действиях;
- участие в производстве следственных действий, производимых с подзащитным;
- ознакомление с протоколами следственных и процессуальных действий, которые были предъявлены либо должны были быть предъявлены подзащитному;
- ознакомление с материалами уголовного дела при его окончании, снятие копий любых материалов уголовного дела;
- заявление ходатайств и отводов;
- использование иных средств и методов защиты прав подзащитного, предусмотренных УПК РФ [2].

Одной из важных составляющих деятельности защитника является заявление ходатайств и отводов в том случае, когда это требуется для защиты клиента. При этом, заявление ходатайств можно рассматривать не только как право защитника, но и как его обязанность, поскольку, если защитник обнаруживает факт нарушения прав его подзащитного, то он обязан ходатайствовать об устранении таких нарушений. Это же относится и к производству следственных действий, которые проведены не были, но которые, по мнению защитника, должны были быть произведены в интересах его подзащитного [8, с. 34].

В соответствии с ч. 2 ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ответ на адвокатский запрос должен даваться в письменной форме не позднее 30 дней со дня получения такого запроса [3].

Представляется, что данный срок неоправданно велик и не дает возможности защитнику своевременно оказывать помощь своему подзащитному, особенно с учетом

того, что срок дознания в обычной форме составляет 30 суток, а в сокращенной — гораздо меньше. Таким образом, у защитника отсутствует возможность получить ответ на свой запрос в рамках срока дознания, если последний не был продлен.

УПК РФ ничего не говорит о том, в какой форме должен производиться опрос лица, в силу чего, защитник со-

ставляет документ, в котором фиксирует результаты опроса, по своему усмотрению.

Видится необходимым внесение дополнений в УПК РФ с целью закрепления положения о том, каким образом должны закрепляться сведения, полученные защитником в ходе опроса лиц, предусмотрев процессуальную форму опроса, осуществляемого защитником.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // Ведомости Федерального Собрания РФ, 01.01.2002, № 1, ст. 1.
3. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 10.06.2002, № 23, ст. 2102.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2010 № 596-О-О [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».
5. Демидкина К. Р. Особенности деятельности адвоката в российском уголовном процессе // Юридический факт. 2019. № 54. С. 29–30.
6. Козлов А. Конституционное право на защиту // Законность. 2003. № 10. С. 29–32.
7. Магрупова А. И., Корнелиук О. В. Проблемные аспекты участия адвоката в уголовном процессе // Студенческий вестник. 2019. № 18–2 (68). С. 5–7.
8. Смирнов В. Н., Смыкалин А. С. Адвокатура и адвокатская деятельность. М., 2014. С 34–38.

Особенности мусульманского уголовного судопроизводства

Титосян Елена Арутюновна, студент магистратуры

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

В настоящей статье в общем порядке затронуты вопросы об особенностях «мусульманского уголовного судопроизводства». Информация, представленная в данной статье, будет полезна не только специалистам-правоведам, но и достаточно широкому кругу читателей, интересующихся этим вопросом.

Ключевые слова: мусульманское уголовное судопроизводство, чиновник — кади, «шурта», «мухтасиб».

Приступая к непосредственному рассмотрению тематики настоящей статьи под названием — «особенности мусульманского уголовного судопроизводства», необходимо отметить следующее.

Мусульманское уголовное судопроизводство по факту возникло в двух сферах общественных отношений, где с одной стороны выступают отношения верующих с Аллахом, а с другой стороны, выступают отношения между людьми соответствующего сообщества [1.с.3].

Как это и следует из фактического существа настоящего вопроса — «мусульманское уголовное судопроизводство» возникло в процессе последовательного становления древнего мусульманского государства, которое получило свое название в виде — «Арабского Халифата».

Тем не менее, в период своего начального становления «мусульманское уголовное судопроизводство» по сути

не существовало и вовсе, поскольку сам пророк Мухаммад и осуществлял суд.

Ввиду особой важности данного вопроса, пророк Мухаммад, постепенно делегировал полномочие осуществлять рассмотрение судебных дел своим халифам.

Которые уже в свою очередь «передоверяли» право осуществлять суд — профессиональным знатокам мусульманского права, которые со временем становились профессиональными судьями.

Уже в последующем, при правлении династии Аббасидов — «мусульманского Халифата», судьи выступали от имени халифа, который таким образом делегировал им часть своих полномочий, в данном случае — право отправлять правосудие.

В последующем непосредственное отправление правосудия в «мусульманском Халифате» было полно-

стью возложено на назначаемых Великим Халифом, чиновникам — кади.

Как следует из фактического существа настоящего вопроса, кандидат в судьи (на должность «чиновника — кади») в обязательном порядке должен быть мусульманином, иметь безупречный образ жизни, а также иметь богословское образование и знать все основные предписания мусульманского права.

В качестве интересного дополнения рассматриваемого вопроса является тот факт, что назначение на должность «чиновника — кади» не предоставлялось мусульманскому обществу, а по факту перепоручалось — главе местной власти, соответственно [2.с.210].

И дополнительно ко всему, еще одной характерной чертой данного вопроса, являлся тот факт, что — то или иное лицо, обладающее всеми указанными выше качествами для непосредственного исполнения должности «чиновника — кади» или по иному «судьи — кади» ни при каких обстоятельствах не мог отказаться от назначения на эту должность.

Еще одной интересной особенностью «мусульманского уголовного судопроизводства», являлся тот факт, что — по отношению к «судье — кади», верховный правитель «мусульманского Халифата», выступал высшей судебной инстанцией.

Продолжая дальнейшее рассмотрение настоящего вопроса, также необходимо отметить следующее, а именно — в соответствии с исламом, «судья — кади» являлся не просто лицом, назначенным на отправление правосудия, но и является доверенным лицом Бога.

Именно поэтому, все итоговые решения «судьи — кади» имеют под собой не только силу авторитета, но и самым прямым образом воплощают в себе — «принцип авторитета мусульманского права».

Сказанное выше утверждение, позволяет сделать вывод о том, что одним из основополагающих мусульманских правовых принципов является коранический по своему происхождению и выражению принцип кади, с чем в данном случае нельзя не согласиться, в силу причин объективного характера и содержания [3.с.619].

На основании всего вышесказанного, необходимо отметить следующее, а именно — «мусульманское уголовное судопроизводство» обладает следующими «характерными особенностями», а именно:

1) Согласно и в соответствии с нормами исламского шариата, «судья — кади» самостоятельно проводит всю досудебную подготовку в виде — «предварительного расследования».

Таким образом, для «мусульманского уголовного судопроизводства» предварительное расследование, является «исключительной обязанностью» «судьи — кади».

И при этом, такого понятия как «Прокуратура» для «мусульманского уголовного судопроизводства» не существует вообще, причем ни в российском, ни в западном понимании этого слова.

Тем не менее, справедливости ради необходимо отметить и то, что вопросами «досудебного производства» мог заниматься не только «судья — кади», но и «шурта» — полиция общественной безопасности и соответственно «мухта-сиб» — религиозная полиция.

2) Согласно мусульманской доктрине — «мусульманский уголовный процесс», должен быть скорым и справедливым, без лишних проволочек и иного рода «искусственных задержек».

Естественно, при обязательном соблюдении условия о том, что — это не будет сказываться на справедливости правосудия и подрывать доверие к «судье — кади» [4.с.26].

3) Фактическое признание подсудимым своей вины, в «мусульманском уголовном судопроизводстве» по факту означает следующее, а именно — перед таким лицом, открывается доступ к правосудию или по иному — «формальный допуск к судье».

4) «Мусульманский уголовный процесс» в принципе не приемлет такого механизма как — «уголовно — правовой компромисс».

Поскольку, те или иные наказания, установленные в Коране и Сунне, представляют собой жестко определенные санкции и, следовательно, не могут быть изменены, даже «судьей — кади».

5) Для исламского права характерна зависимость роли в инициировании и прекращении уголовного дела потерпевших, обвиняемых и правительства от характера нарушенных прав и производного от них характера преступления и уголовного преследования, в безусловном порядке настоящего вопроса.

6) Исламский уголовный процесс предполагает защиту прав обвиняемых в совершении преступлений.

Действительно, шариат не только провозглашает такую защиту, но и гарантирует соблюдение достаточно многочисленных основных прав обвиняемых в «мусульманском уголовном процессе».

7) Потерпевший в исламском уголовном процессе играет важную и активную роль.

В особенности процессуальная активность потерпевшего заметна в производстве по делам о преступлениях, посягающих на права верующих.

8) Одним из основных способов доказывания судом виновности обвиняемого является состязательный допрос свидетелей.

9) Судебное разбирательство в отсутствие обвиняемого, как правило, не допускается.

10) Как только постановление суда вынесено, оно становится окончательным и не может быть обжаловано или пересмотрено.

Иначе говоря, согласно мусульманскому праву нет необходимости в апелляционных судах.

На основании всего вышесказанного необходимо резюмировать следующее, а именно — особенности «мусульманского уголовного судопроизводства», представляют собой достаточно понятное и разумное содержание.

Литература:

1. Н. Г. Стойко, П. А. Гусенова. «Особенности исламского порядка уголовного судопроизводства» [Электронный ресурс] // СПС Гарант.
2. Хрестоматия по истории государства и права: История государства и права зарубежных стран. Т. 1: Древний Восток. Античный мир. Средние века / сост. Ю. А. Иванов [и др.]. Воронеж, 2014. С. 210.
3. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / отв. ред. А. Я. Сухарев М., 2015. С. 619.
4. Кибальник А. Преступления и наказания в доктрине мусульманского уголовного права // Уголовное право. 2017. № 1 С. 26.

Регулирование защиты прав туриста

Тихоненков Леонид Алексеевич, студент

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В статье рассмотрены ситуации, в которых нарушение прав туриста происходит наиболее часто. Автор систематизированы механизмы защиты прав туриста в подобных ситуациях. Также подчеркивается, что права туриста относятся к группе так называемых позитивных прав человека, что требует соответствующего вмешательства государства.

Ключевые слова: права человека, права потребителя, права туриста, законодательство, механизмы защиты прав туриста.

Туризм по праву можно назвать важной частью жизни современного общества и человека в частности. Однако нарушения прав туристов — не редкость в деятельности субъектов тех правоотношений, которые складываются в туристическом бизнесе. В настоящее время весьма важным считаются вопросы правового регулирования защиты прав потребителей туристических услуг от многочисленных нарушений двумя участниками правоотношений — туристических агентств и туристических операторов.

Главными нарушениями в области туризма выявление по итогам изучения существа обращений граждан и материалов контролирующих органов считаются:

- 1) нарушения по включению в текст договора положений, ущемляющих права потребителей;
- 2) непредставление верной информации или предоставление искаженной информации о туристической услуге;
- 3) нарушения, создающие угрозу жизни и здоровью конечного потребителя товара.

Заметим, что права туриста, а, следовательно, права потребителя товара и услуг, относятся к группе прав человека второго поколения. Данную группу прав человека нередко именуют позитивными, так как они апеллируют к поддержке со стороны государства в деле их реализации.

Безусловно, главное место в правовом регулировании туристической работы в России имеет такой правовой документ, как Федеральный Закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Примечательно, что этот документ в ст. 6 усматривает следующие права туриста: личные, имущественные, социальные и культурные. «К числу личных прав относятся: право на личную безопасность, свободу передвижения, право на компенсацию мо-

рального вреда, к имущественным — право на сохранность имущества, потребительские права, к социальным — право на информацию, беспрепятственное получение медицинской помощи, доступ к средствам связи, содействие органов власти, к культурным — право на отдых, свободный доступ к туристским ресурсам»

Добавим, что защита прав и интересов туристов, в том числе, оказание им экстренной помощи, а также обеспечение их безопасности, относится к одному из основополагающих направлений государственного регулирования туристской работы в Российской Федерации (ст. 4 Закона «Об основах туристической деятельности»).

Исходя из важности формирования механизмов защиты прав туристов, исследуем особенности такой защиты более подробно. В качестве первой особенности считаем нужным отметить особенность защищаемого права. Так, права туристов напрямую связаны с реализацией туристского продукта (комплекса услуг по перевозке и размещению).

Законом «Об основах туристической деятельности» выделяется комплекс прав, непосредственно связанных с туристской сферой, в том числе, право на достоверную информацию о правилах въезда и особенностях государства (места) временного пребывания (культурных, религиозных, правовых и др.);

- свободу передвижения, свободный доступ к туристским ресурсам;
- обеспечение личной безопасности, беспрепятственное получение неотложной медицинской помощи;
- содействие органов власти страны (места) временного пребывания в получении правовой и других разновидностях неотложной помощи;

— возмещение убытков и компенсацию морального вреда в случае неисполнения условий договора о реализации туристского продукта туроператором или турагентом в порядке, определенном законодательством Российской Федерации и иные.

При этом, крайне важно понимать, что двойственная правовая природа туриста предусматривает у него не просто прав, предусмотренным законодательством об основах туристской деятельности, но и прав потребителя в границах розничного договора об оказании возмездных услуг. Эти обстоятельства предполагают и специальные методы защиты нарушенных прав, связанных с возможностью взыскания неустойки (в случае нарушения сроков оказания услуг), штрафа (в случае неликвидации нарушений в области законодательства о защите прав потребителей) помимо возмещения убытков.

Особенная значимость защищаемого права предопределяет обширный комплекс форм его защиты, в том числе, сугубо юридических и неюридических, судебных и административных, в границах самозащиты и методом обращения в специальные правозащитные организации, а также договорные и внедоговорные.

Особенность защищаемого права позволяет отметить как общие, так и особенные методы защиты нарушенных прав. В частности, общие методы отмечены в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации, в том числе, признание права; восстановление положения, имеющего до нарушения права, пресечение действий, нарушающих право и иные способы.

Специальные способы защиты обозначаются законодательством об основах туристской деятельности, к примеру, исключение сведений о туроператоре из реестра в случае существенного нарушения условий договора о реализации

туристского продукта (ст. 4.2 Закона «Об основах туристской деятельности»), а также законодательством о защите прав потребителей, в том числе, взыскание штрафа в размере пятидесяти процентов от присужденной потребителю суммы в пользу потребителя (п. 6 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей»).

Следующая специфика защиты прав состоит в соотношении договорных и деликтных форм нарушений прав субъектов. Так, спецификой оказания платных медицинских услуг возможно отметить наличие договорных отношений, к которым нужно использовать применять правила гл. 39 Гражданского кодекса РФ. Таким образом, вопросы ответственности в таком случае обозначаются положениями главы 25 ГК РФ (об ответственности за нарушение обязательств). Между тем, оказание туристских услуг ненадлежащего качества имеет возможность привести не только к нарушению критерий договора и неудовлетворенности туриста, но и к причинению вреда его здоровью и жизни, что предопределяет использование правил главы 59 ГК РФ о деликтной ответственности, если договором не усмотрен более большой размер ответственности, чем определен гл. 59 ГК РФ.

В заключение отметим, что выявленные нами особенности защиты прав туриста, на наш взгляд, необходимо учесть для внесения соответствующих правок в ФЗ «Об основах туристской деятельности». Например, возможно составление типового договора о предоставлении туристского продукта за конкретную цену, с перечнем определенных услуг, входящих в туристский продукт. В этом договоре необходимо четко отметить предмет обязательств туристского агента и туроператора. Данные обязательства и ответственность по этим обязательствам обязаны быть конкретно разграничены между туроператором и туристским агентом.

Литература:

1. Исоков Н. К. К вопросу о защите прав туриста // Молодой ученый. — 2019. — № 41. — С. 69–71.
2. Лукашева Е. А. Права человека: учебник. — М.: Юридическое издательство Норма, 2015.
3. <https://moluch.ru/archive/248/57061/>

Молодой ученый
Международный научный журнал
№ 47 (285) / 2019

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–38059 от 11 ноября 2009 г.,
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
ISSN-L 2072-0297
ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»
Номер подписан в печать 04.12.2019. Дата выхода в свет: 11.12.2019.
Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.